

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

А.М. Курышов

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2011

УДК 957
ББК 63.3
К93

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р ист. наук, проф. А.В. Шалак
д-р ист. наук, проф. Ю.А. Зуляр

Курышов А.М.
К93 Трансформация системы традиционного хозяйства ко-
ренных народов Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий /
А.М. Курышов. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. — 212 с.

ISBN 978–5–7253–2382–5

Рассматриваются проблемы изменения традиционного хозяйс-
тва автохтонных народов Прибайкалья — западных бурят, эвенков
и тофов — в период становления капиталистических отношений в
Сибири с позиций институционального подхода.

Адресуется всем интересующимся экономической историей
Байкальского региона.

ББК 63.3

ISBN 978–5–7253–2382–5

© Курышов А.М., 2011
© Издательство БГУЭП, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы трансформации хозяйственных традиций коренных народов Иркутской губернии (бурят, эвенков и тофов) на рубеже XIX–XX столетий связаны с целым комплексом проблем, решение которых важно как для современной отечественной науки, так и для российского общества в целом.

Первая проблема проистекает из серьезного противоречия: приметами последних десятилетий стали резко усилившиеся интернационализация экономики, изменения традиционных хозяйств и культур, и, вместе с тем, это время характеризуется усилением интереса к традиционному хозяйству, что, по-видимому, является реакцией на экономическую глобализацию, опирающуюся на принципы рыночных отношений. Данное противоречие, в свою очередь, является частным случаем масштабного процесса формирования или возрождения этнического самосознания народов. Экономические проблемы коренного населения Сибири находились в основе программ национальных движений, например, бурят, еще в начале двадцатого столетия. В последнее десятилетие вопросы, связанные с возрождением традиционного хозяйства автохтонных народов Сибири также все чаще поднимаются на страницах периодической печати и в научных трудах исследователей. Возрождение хозяйственных традиций рассматривается как одно из непеременимых условий физического сохранения этносов и развития их самобытной культуры. Власть и народ стоят перед нелегкой проблемой определения отношения к тенденциям усиления национальных движений в целом и пропаганды возрождения хозяйственных традиций в частности.

Вторая проблема заключается в оптимизации хозяйственной деятельности человека относительно его взаимоотношений с природной средой. Нередко необходимость возрождения национальных хозяйственных традиций аргументируется тем, что они оптимально соответствуют конкретным географическим условиям какого-либо региона, под влиянием которых данное хозяйство и формировалось. В свете признания современным обществом приоритета ре-

шения экологических проблем, значение влияния которых на жизнь человека трудно преувеличить, изучение национальных традиций природопользования становится все более актуальным. Обращение же к вопросам трансформации позволяет не просто констатировать наличие природоохранного аспекта традиционного хозяйства, но и, осознавая объективную необходимость экономической интеграции, рассматривать возможности оптимального соотношения в системе экономических отношений современных методов хозяйствования и хозяйственных экологических традиций. А это имеет уже известное практическое значение.

Наконец, третья проблема лежит в плоскости поиска исторических путей развития России. Российская действительность, по крайней мере, со времен петровских преобразований, была связана с проблемами адаптации общества к постоянно изменяющимся условиям социально-экономического, политического, культурного планов. Соответственно, «российская политико-экономическая мысль от своего возникновения до наших дней постоянно ставит в центр своего внимания вопросы глобального переустройства (трансформации) российского общества»¹. Вопросы трансформации традиционного хозяйства народов Сибири в этой связи являются составной частью основной проблематики отечественных общественных наук.

Конкретной целью настоящей работы является рассмотрение явлений экономического характера, составляющих основу процессов трансформации традиционного хозяйства коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. Под *коренными народами* подразумеваются те национальные общности, которые проживали на территории Иркутской губернии до прихода сюда русского населения. Это буряты, эвенки и тофы. Под *традиционным хозяйством* понимается самоорганизующаяся система, элементами которой выступают хозяйственные традиции коренного населения, а системообразующим фактором — способы природопользования. Соответственно, предметом изучения являются изменения, происходящие во внутренних связях

---

¹ Сорокин Д. Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 23.

и элементах систем традиционных хозяйств коренных народов Иркутской губернии под влиянием внешних и внутренних факторов. Поставленная цель может быть достигнута при условии: идентификации традиционного хозяйства и его трансформации применительно к коренному населению Иркутской губернии в контексте экономической модернизации России, имевшей место в конце XIX—начале XX вв.; анализа предпосылок, содержания и последствий процессов, которые явились основными проявлениями трансформации систем традиционных хозяйств коренных народов Иркутской губернии в рассматриваемый период; выявления на основе проведенного анализа черт трансформации традиционного хозяйства, являющихся общими для трех коренных народов Иркутской губернии и специфическими для каждого из них; определения роли изменений, произошедших в хозяйственных традициях коренных народов Иркутской губернии в конце XIX—начале XX вв. в процессе поступательного развития систем традиционных хозяйств вообще.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1880-х гг. до 1917 г. Выбор именно этого периода обуславливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, конец XIX—начало XX столетий ознаменовались качественными изменениями в российской экономике и социальной сфере, что отразилось и на Сибирском регионе. Увеличиваются масштабы переселения, что создает в некогда казавшейся безграничной Сибири проблему малоземелья. В 1890-х гг. начинается землеустроительная реформа, непосредственно коснувшаяся «иностранцев». Строится Транссибирская железная дорога, которая связала Сибирь с Европой и превратила край ссылки в активно экономически развивающийся регион. Новые социально-экономические условия способствовали интенсификации процесса трансформации традиционного хозяйства автохтонного сибирского населения. Безусловно, изменения хозяйственного быта — процесс длительный, связывать его с достаточно коротким промежутком времени вряд ли оправданно. Однако, как представляется, именно с 80-х гг. XIX в. трансформация традиционного хозяйства приобретает черты необратимого процесса, а ее темпы значительно возрастают. Относительно коренного населения Иркутской губернии в большей степени это относится к

бурятскому хозяйству, трансформации которого способствовали правительственные меры (с 1880-х гг. — поощрение переселения русских крестьян в Сибирь, облегчение процедуры перехода «инородцев» в крестьянское сословие, реформа землеустройства, волостная реформа и т.д.). Обозначенная интенсификация трансформации хозяйства эвенков и тофов имеет более расплывчатые хронологические рамки, которые, однако, также приближены к рассматриваемому периоду. Верхняя временная граница исследования — 1917 г. — определяется известными обстоятельствами, связанными с революцией и формированием совершенно новых социально-экономических и политических реалий, влиявших и на направленность трансформационных процессов. В целом же временное ограничение исторических исследований концом XIX—началом XX вв. широко распространено в отечественной историографии и не является чем-то новым.

Территориальные рамки исследования ограничены Иркутской губернией. Административный фактор в российских условиях всегда играл важную роль в процессах социально-экономических изменений. Применительно конкретно к рассматриваемому периоду это обстоятельство в высшей степени значимо. Например, начало реформы землеустройства бурят Иркутской губернии, которая теснейшим образом связана с трансформацией традиционного бурятского хозяйства, хронологически не совпадает с землеустройством забайкальских бурят. Иркутская губерния на рубеже XIX—XX вв. являлась центром Иркутского генерал-губернаторства. Соответственно, население губернии в первую очередь испытывало на себе влияние административного ресурса, было как бы «ближе» к власти, нежели жители соседних Енисейской губернии и Якутской и Забайкальской областей. Например, в Забайкальской и Якутской областях не было казенных палат, губернских судов — для восточносибирских областей их функции выполняли соответствующие органы Иркутской губернии². Кроме того, природные условия большей части

---

² Матханова Н.П. Полномочия губернатора в середине XIX в. региональная специфика // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 3–4 марта 1998 г. Новосибирск: Изд. Ин-та истории СО РАН, 1998. С. 51.

Иркутской губернии, несмотря на свое разнообразие, все же обнаруживают определенное единство и образуют специфический природный район Прибайкалья. С ним через Ангару, Илим, верховья Лены и Нижней Тунгуски связаны северные районы губернии. Особенности расчлененности рельефа, климата, наличие разветвленной речной сети, связывающей отдельные части губернии, характеристика почв и состава растительности в совокупности позволяют отличать Иркутскую губернию, с известной долей условности, как особый природный регион. Природный фактор же, в свою очередь, имеет главное значение в процессе формирования традиционного хозяйства. В силу этого, например, хозяйственные традиции иркутских бурят ближе к хозяйственным традициям старожильского русского населения, нежели забайкальских бурят. В рассматриваемый период Иркутская губерния делилась на пять округов (с 1890-х гг. — уездов) — Иркутский, Нижнеудинский, Балаганский, Верхоленский и Киренский. «Инородческое» население проживало во всех округах (уездах). Национальные административно-территориальные образования были представлены тунгусскими и бурятскими инородческими ведомствами, включенными в состав округов. Национальной тофаларской административно-территориальной единицы не существовало. В конце 80-х гг. XIX в. ведомств было 25: Иркутский округ — Капсальское, Тункинское, Кудинское, Китойское, Балаганский округ — Аларское, Молькинское, Боханское, Улейское, Бильчирское, Балаганское, Укырское, Нижнеудинский округ — Нижнеудинская земля, Верхоленский округ — Верхнекудинское, Баендаевское, Куленгское, Хоготовское, Ленское, Ангинское, Ольхонское, Очеульское, Тутурское, Киренский округ — Нижнеилимское, Киренско-Хандинское, Курейское, Кондогирское. Последние шесть ведомств были тунгусскими (эвенкийскими), остальные — бурятские. Однако количество ведомств постоянно увеличивалось путем деления старых ведомств на более мелкие. В начале XX столетия начался процесс преобразования инородческих ведомств в волости, который к 1917 г. так и не был закончен. Большая часть волостей образовывалась по национальному признаку в рамках прежних инородческих ведомств или делением их на несколько волостей.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, выбор которого требует некоторых уточнений. По большому счету, все возможные методы исследования сводятся к универсальным способам умозаключений — либо к дедукции (восхождение от абстрактного к конкретному), либо к индукции (от частного конкретного к общему абстрактному). Автор использует оба метода, в зависимости от решения той или иной задачи. Такой подход обуславливается двойственностью научной деятельности — с одной стороны, она направлена на индуцирование общего знания из частных наблюдений, с другой — любая наука вынуждена пользоваться априорными представлениями, требующими дедуцирования. Метод индукции основан на практике, которая зачастую очень переменчива, поэтому он всегда предполагает интуитивную догадку. Дедукция же ведет к абсолютно доказательным выводам, поскольку признаки целого всегда сохраняются в частях этого целого, однако, дедукция — это всегда в известной степени абстракция. Все это предопределяет необходимость разумного сочетания обоих подходов. На уровне исторической науки названная двойственность проявляется в споре о соотношении эмпирической и теоретической истории. Если естественные науки, используя априорные суждения, все же стремятся корректировать их в зависимости от данных опыта, то к исторической науке это неприменимо — историк не имеет возможности повторить опыт, он имеет дело с огромным количеством *уникальных* фактов, количество этих фактов растет прямо пропорционально усилиям, прикладываемым для изучения конкретного явления, процесса, периода. Более того, историк не прямо наблюдает исторический факт, а вынужден пользоваться его интерпретацией. В силу названных обстоятельств для достижения поставленной цели исследователь должен «отобрать» те факты, которые, по его мнению, являются существенными, которые могут характеризовать объект и предмет исследования в целом. Этот, на первый взгляд, сугубо индуктивный процесс, на самом деле предполагает наличие определенных теоретических положений, принимаемых исследователем. Если таких положений нет, то, во-первых, в любом случае *субъективный* характер научных выводов будет отягощен случайным выбором интерпретиру-

емых фактов, во-вторых, сама научность такой деятельности должна быть поставлена под сомнение, поскольку выявляемые таким образом «закономерности» у разных исследователей могут противоречить друг другу.

Итак, безусловно, историческую науку интересуют конкретные исторические факты. Увлеченный теоретизированием, исследователь может выявить закономерности исторического процесса, но рискует оторваться от *фактической* почвы, от истории как таковой. С другой стороны, принимая тотально во внимание все выявленные *на данный момент* факты, историк не сможет сформулировать ни одной закономерности, а это уже ставит под сомнение саму научность предпринимаемых действий. Выход из этой ситуации представляется в разумном совмещении дедуктивного и индуктивного методов. На современном этапе развития науки средством такого совмещения для историка может служить системный подход. Рассматривая объект исследования как систему, мы уже получаем возможность отталкиваться от теоретической основы, дедуцируя понятие объекта, раскладывая его на элементы системы и, что более важно, определяя внутрисистемные связи: «цель науки не работа над частностями, не констатирование того, чем явления различаются друг от друга, а того, что их связывает между собой»³. Выявив компоненты системы и связи между ними, т.е. определив структуру системы, мы имеем возможность уже в ограниченных рамках рассматривать исторические процессы с привлечением известных фактов, анализ которых (по сути — индукцирование, вынесение заключений по некоторым свойствам предмета о предмете в целом, или по некоторым элементам множества — о множестве в целом) позволяет делать выводы о направлении развития этих процессов. Сопоставляя данные анализа, представляется возможным говорить о наличии или отсутствии известных закономерностей. Таким образом, факты не подгоняются под уже существующую схему, заключительные положения выводятся не из теории, а из эмпирики.

---

³ Цит. по: Коломийцев В.Ф. Методология истории (От источника к исследователю). М.: РОССПЭН, 2001. С. 28.

Такая логика процесса исследования, однако, предполагает наличие двух обстоятельств, с которыми приходится считаться. Во-первых, производя дедуцирование объекта исследования, мы рано или поздно неизбежно столкнемся с априорными представлениями, дальнейшая раскладка которых невозможна или нецелесообразна для решения конкретных поставленных задач. В этом случае нужно иметь в виду, что познание без априорных схем в принципе невозможно, и нужно лишь следить за тем, чтобы их количество не умножалось сверх меры. Примером таких априорных представлений в данной работе являются понятия «коренной народ» и «этнос». Во-вторых, при индуцировании общих тенденций из конкретных исторических фактов историк неизбежно сталкивается с проблемой выделения *главного* в ущерб *менее существенному*. Такой выбор является прерогативой конкретного исследователя, своего рода «необходимым злом», попытки устранить которое не только бесполезны, но и вредны, поскольку приведут к простому воспроизведению *ранее сделанных интерпретаций* бесконечного набора противоречащих друг другу явлений, имевших место в прошлом.

В настоящей работе в соответствии с изложенной схемой на первом этапе произведено дедуцирование понятия «традиционное хозяйство коренного населения». При этом традиционное хозяйство рассматривается как система, соответственно выделяются ее системообразующий фактор, интегративное качество (отсутствующее у элементов системы, взятых по отдельности), констатируется, что компонентами системы являются хозяйственные традиции и определяется характер связей между этими компонентами. Затем определяются смысл понятия «трансформация традиционного хозяйства» и направления трансформации. На следующем этапе ограничивается поле исследования, выделяются явления хозяйственной жизни коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий, которые представляют собой основные проявления трансформации. Наконец, данные явления анализируются, производится процесс индуцирования общего знания из частных наблюдений, формулируются выводы.

Наряду с универсальным системным подходом при решении поставленных перед исследованием задач применялись

и частнонаучные исторические методы — историко-генетический, рассматривающий исторические явления через их происхождение, и историко-типологический, подразумевающий расчленение системы и изучение существенных признаков и связей объектов исследования. Примером применения первого метода является рассмотрение земледельческо-скотоводческого хозяйства прибайкальских бурят в связи с его эволюцией в конкретных географических условиях. Второй метод применялся, например, при анализе характера проведения реформы землеустройства иркутских бурят и при исследовании вопроса об основных проявлениях трансформации эвенкийского и тофаларского хозяйств. Также, в отдельных случаях, использовались статистический метод (при анализе количественных изменений) и системный анализ. Последний способ применялся тогда, когда была возможна формализация частной проблемы через использование математического языка.

В целом исследование базируется на двух основополагающих принципах: принципе историзма (рассмотрение факта в связи с конкретными историческими условиями, его идентификацией во времени и пространстве) и принципе сравнительности (сравнение идентифицированных во времени и пространстве явлений с другими с целью выявления повторяемости, закономерности).

При рассмотрении вопросов, составляющих задачи настоящего исследования автор исходил из положений материалистического понимания истории, ибо, до сих пор их «никто серьезно не оспорил»⁴. В связи с этим экономические процессы представляются определяющими в развитии общества. Однако термин «экономический» имеет два значения — содержательное и формальное. Содержательное значение связано с пониманием факта зависимости человека от природы и других людей. Формальное значение основывается на определении экономики как выборе в условиях ограниченности ресурсов⁵. В данной работе используется содержательное зна-

---

⁴ Коломийцев В.Ф. Методология истории. С. 21.

⁵ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 2. С. 62. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/692/586/1234/ecsoc_t3_n2.pdf#page=62.

чение термина «экономический». Соответственно, экономическая трансформация вообще рассматривается как способ развития экономических отношений в истории, институционального оформления экономики, трансформация традиционного хозяйства сибирских народов в рассматриваемый период — как процесс постепенного освобождения экономической составляющей общественной жизни, во-первых, — от прямой зависимости от природных условий, во-вторых, — от контроля со стороны социальных институтов. Последнее положение согласуется с субстантивистской теорией Карла Полаanyi, трактовавшего такое освобождение как «великую трансформацию». Автору также близки взгляды известного сибирского историка Н.Н. Козьмина о тесном взаимодействии этнического самосознания и хозяйственной деятельности, обуславливающей это самосознание⁶.

Автор считает своим долгом выразить благодарность тем, благодаря чьей помощи и терпению эта книга увидела свет: профессору Александру Васильевичу Шалаку, доценту Дмитрию Ярославовичу Майдачевскому, профессору Юрию Анатольевичу Зуляру и супруге Ирине Васильевне Курышовой.

---

⁶ См.: Козьмин Н.Н. Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах) // Сибирская живая старина. Вып. VII. Иркутск, 1928. С. 1–22.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЙКАЛЯ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.:
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТА
И ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Историография проблемы

Само по себе обращение к общественно-экономической ситуации в Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв., сложившейся в среде бурят, эвенков и тофов, не является новым. Однако *аспект трансформации* их традиционного хозяйства как системы освещен в науке далеко не полно. Объяснение этому, по-видимому, нужно искать в опасениях историков оказаться в своих научных изысканиях в стороне от истории эмпирической, базирующейся на интерпретации уникальных неповторяемых фактов. Вопросы же трансформации традиционного хозяйства находятся на стыке таких научных дисциплин, как история, этнология, география и др., а это требует при их рассмотрении известного абстрагирования от только исторической действительности.

Весь поток научной литературы, так или иначе освещающей вопросы, связанные с изменениями традиционного хозяйства в целом или отдельных хозяйственных традиций коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв., можно разделить на три группы — литература этнографическая, историко-географическая и непосредственно историческая. На различных этапах развития историографии проблемы наибольший интерес представляют исследования различной направленности.

К первому этапу мы относим период *с конца XIX в. до конца 1920-х гг.* Такая логика выделения этапа в развитии историографии проблемы обусловлена наличием ряда признаков, объединяющих различные по направленности сочинения. Первый признак заключается в том, что на данном этапе исследователей интересовали, прежде всего, вопросы влияния государственной политики на традиционные уклады аборигенов Восточной Сибири в контексте

ее соответствия естественно-географическим условиям, определяющим хозяйственный быт коренного населения. Интерес к этим вопросам был инициирован несколькими обстоятельствами. Во-первых, кардинальные изменения хозяйственных традиций происходили на фоне эпохальных экономических реформ царского режима, затронувших и Сибирь, «приближения» сибирских пространств к «цивилизации» вследствие строительства Транссибирской магистрали и массового переселения русских крестьян за Урал, осуществлявшихся также с «благословения» верховной власти, последующих социально-экономических экспериментов Советского правительства. Причем исследователи являлись современниками этих изменений, что, безусловно, также влияло на их научные интересы. Во-вторых, проблема влияния природных условий на жизнь народов, в том числе, хозяйственную, благодаря усилиям В.О. Ключевского и, в особенности, А.П. Шапова, стала с конца XIX столетия актуальнейшей для отечественной исторической науки, что проявлялось не только в научных исследованиях, рассматривавших исторический процесс в целом, но и в трудах, посвященных частным вопросам. В-третьих, достаточно либеральная политика по отношению к общественным наукам как царского правительства в конце его существования, так и советского — в начале, не говоря уже о временных властях 1917–1919 гг., — с одной стороны, и подъем национальных движений — с другой, не могли не подтолкнуть исследователей к научной разработке столь злободневных тем. Далее, в период с конца XIX в. до конца 1920-х гг. вопросы изменения традиционного хозяйства решались, главным образом, в рамках этнографических работ и публицистических сочинений. Это связано с тем, что историческая наука не имела еще твердых методологических принципов, позволяющих эффективно решать задачи исследования, инспирированные настоятельной потребностью объяснения происходящих изменений социально-экономической жизни (сначала связанных с развитием рыночных отношений, затем — со строительством социалистической базы экономики) с точки зрения их влияния на жизнь коренного сибирского населения. Поиск методологической основы анализа хозяйственных изменений

объединяет исследования названного периода, и это обстоятельство является вторым его признаком.

В публицистических работах на данном этапе активно обсуждались проблемы проведения землеустроительных работ на территориях, занятых бурятским населением. Исследования этого плана представляется возможным разделить на две категории. К первой относятся статьи авторов, стоящих на позициях официальной пропаганды — И. Иконникова, М. Соколова, Г. Чиркина⁷. Как правило, все они имели прямое отношение к проведению землеустроительной реформы. И. Иконников, например, долгое время был Старшим чиновником Иркутского поземельно-устроительного отряда, М. Соколов руководил Верхоленской поземельно-устроительной партией. Согласно воззрениям этих авторов, землеустройство являлось насущной необходимостью, как для государства, так и для самих «инородцев», поскольку оно способствовало решению поземельных споров и являлось препятствием для имущественного расслоения бурятских крестьян. Заслуживает внимания то, что названные авторы рассматривали землеустройство, в том числе, в контексте расширения Россией своего геополитического влияния. По своему отношению к землеустройству бурят к названным работам близка позиция, озвученная на страницах «Азиатской России» — обобщающего труда, изданного к 300-летию правления Романовых в России⁸. Ко второй категории относятся работы, подвергающие землеустройство сибирских «инородцев» критике. При этом можно внутри данной категории в свою очередь выделить две группы. Первую составляют работы так называемого «либерального», или «кадетского» направления⁹. Свою критику

---

⁷ См.: Иконников И. Колонизационные работы в Иркутской губернии // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 144–156; Соколов М. Землеустройство иркутских бурят в связи с колонизацией Иркутской губернии // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 138–158; Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 1–38.

⁸ См.: Азиатская Россия. СПб.: Переселен. упр. Главн. упр. землеустройства и земледелия, 1914. Т. I: Люди и порядки за Уралом. 576 с.; Т. II: Земля и хозяйство. 638 с.

⁹ Дамешек Л. М. Аграрно-политический курс самодержавия и землеустройство народов Сибири накануне Октября (историографический обзор) // Историография народов Сибири XIX–начала XX вв.: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 114–115.

авторы этих работ направляли не на землеустройство как таковое, а на методы его проведения, не учитывающие характер хозяйственной деятельности «иностранцев», не предусматривающие участия в работах по землеустройству органов местного самоуправления (статьи В. Васильева, В. Григорьева, Д. Зайцева¹⁰). Наиболее полно взгляды «либералов» изложены в труде А.А. Кауфмана «Переселение и колонизация»¹¹. Он был написан по результатам изучения вопросов переселения и исследований крестьянских хозяйств Сибири и Туркестана. Автор лично проводил эти исследования в 1887–1903 гг. в качестве служащего Министерства государственных имуществ и земледелия. Несомненным достоинством исследователей, относящихся к данному направлению, при всей тенденциозности их взглядов, является то, что они вплотную подошли к тезису об обусловленности хозяйства «иностранцев» географическими условиями. Во вторую группу критиков землеустройства входят авторы, придерживающиеся «народнических» и близких к ним позиций. С этими авторами в одном ряду стоят представители бурятской общественной мысли. Они, как правило, выступали не против методов землеустройства, а против реформы как таковой. Обращая внимание на губительные последствия реформы землеустройства для «скотоводческого» бурятского хозяйства, такие авторы, как М.Н. Богданов (публиковавшийся также под псевдонимами

---

¹⁰ См.: Васильев В. Опасные опыты с поземельным устройством и колонизацией в Сибири // Сибирские вопросы. 1907. № 5. С. 4–11; № 6. С. 4–11 (окончание); Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве иностранцев в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 55–74; Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 49–54.

¹¹ См.: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 443 с. В своей книге А.А. Кауфман высказал оригинальные взгляды на переселение, которые резко расходились с официальной точкой зрения. Согласно этим взглядам «переселение... должно быть вычеркнуто из числа средств разумного *воздействия* на крестьянское землепользование и хозяйство. Переселение следует рассматривать исключительно *как факт...*». Крестьяне перебираются на новое место тогда, когда на старом месте их достаток падает, но и в результате переселения крестьянское хозяйство неизменно приходит в упадок. Поэтому переселенцев государству необходимо поддерживать, но, прежде всего, нужно создавать в Европейской части России условия, чтобы крестьянам не хотелось переселяться, т.е. решать проблему малоземелья.

М. Братский и М. Сыренов¹²), Ц. Жамцарано, Д.А. Клеменц и др. также исходили из обусловленности особенностей хозяйственного быта «инородцев» географическими условиями¹³. Хотя применительно к бурятам Иркутской губернии тезис о скотоводческом характере их хозяйства не выдерживает критики, тем не менее, попытки связать хозяйственные традиции «инородцев» и окружающую среду, являющиеся, по сути, развитием идей одного из идейных основателей «областничества» А.П. Щапова, свидетельствуют о близости сторонников «народнического» и «либерального» направлений. В отличие от многих бурятских интеллигентов, М.Н. Богданов, резко критикуя реформу землеустройства, понимал необходимость интеграции бурятской и русской культур, заявляя: «Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями, а в возможно скором и прочном усвоении цивилизации»¹⁴.

Этнографические исследования конца XIX в.—конца 1920-х гг., рассматривающие как отдельные аспекты хозяйства иркутских бурят, эвенков и тофов, так и их хозяйства в целом, как правило, не выходили за рамки описания хозяйственных традиций и их классификации. К таковым относятся увидевшие свет еще в конце XIX в. сочинения Н.М. Астырева, П.Е. Кулакова, Н.П. Левина¹⁵. Н.М. Астырев, наряду

¹² Петряев Е.Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1862–1906): Библиографические материалы. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд-е, 1987. С. 12.

¹³ См.: Богданов М. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 35–46; Братский М. Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 278–288; Жамцарано Ц. Буряты и освободительное движение // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 3–10; Клеменц Д.А. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 7–57. О М.Н. Богданове см.: Шагдурова И.Н. Истоки развития общественно-политической мысли бурят // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. С. 21.

¹⁴ Богданов М. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 47.

¹⁵ См.: Астырев Н. Монголо-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. 1890. № 12. С. 11–53; Его же. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. 450 с.; Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб, 1898. 245 с.; Левин Н.П. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне // Известия ВСОИРГО. Т. XXVII. № 1. Иркутск, 1897. С. 44–79.

с Л.С. Личковым, Е.А. Смирновым и др. стал составителем ценнейшего источника, характеризующего, помимо прочего, землепользование «инородцев» Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий — «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний»¹⁶. Довольно много работали в этом направлении на рубеже XIX–XX вв. Д.А. Клеменц, М.А. Кроль, Г.Н. Потанин, В.Н. Васильев и др. Интерес для нашей темы представляет и сочинение польского этнографа и писателя В.Л. Серошевского, посвященное якутам¹⁷. В.Л. Серошевский относился к тем немногим исследователям, который, не ограничиваясь описанием материальной и духовной культуры, обращал особое внимание на изменения якутского быта (замена коней крупным рогатым скотом, развитие сенокосения, переход к оседлой жизни), связывая их с общими тенденциями развития хозяйства сибирских народов. Работа В.Л. Серошевского сегодня часто цитируется исследователями народов Сибири, переиздание ее в 1993 г. является свидетельством основательности научных подходов автора. Не меньший интерес вызывали и проблемы демографии коренного сибирского населения, которые прямо связывались с неудовлетворительной социально-экономической политикой правительства по отношению к «инородцам». В этой связи нельзя не упомянуть работу Н.М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение»¹⁸. Вопросами демографии занимался также известный этнограф и историк Сибири С.К. Патканов¹⁹.

---

¹⁶ В контексте темы исследования представляют особый интерес издания: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. II. М., 1890. 343 с.; Вып. III. М., 1890. 295 с.; Вып. V. М., 1890. 426 с.; Вып. VI. Иркутск, 1892. 508 с.

¹⁷ См.: Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

¹⁸ См.: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

¹⁹ См.: Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистический материал для освещения вопроса о вымирании тунгусских племен. СПб., 1910. 210 с.; Его же. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно. Вып. I. СПб., 1906. 175 с.; Вып. II. СПб., 1906. 283 с.; Ч. II: Прочие тунгусские племена. СПб., 1906. 206 с.

Скрупулезно переработав данные переписи населения 1897 г., С.К. Патканов опроверг широко распространенное в конце XIX в. мнение о «вымирании» сибирских народов (кроме «инородцев», обитавших в таежной зоне). Особенно активно развернулись этнографические исследования в первое послереволюционное десятилетие в связи с деятельностью сотрудников образованного в 1918 г. Иркутского университета и Иркутского краеведческого музея. По сути дела, только тогда начались планомерные работы по изучению быта таежных народов — тофов и эвенков. Велик вклад в этнографическую науку трудов талантливейшего и энергичного исследователя автохтонного населения Восточной Сибири Б.Э. Петри, в тяжелейших условиях Гражданской войны и послевоенного времени ставшего одним из основателей не только иркутской археолого-этнографической школы, но и всей советской этнографии. Его методика «сплошного обследования» предоставляла объемный материал для научной интерпретации. Научное наследие Б.Э. Петри включает работы по всем коренным народам Иркутской губернии²⁰. Благодаря ему, а также М.Е. Золотареву, К.М. Миротворцеву, П.Г. Полторадневу, Н.П. Попову, Е.И. Титову, Я.Н. Ходукину и другим исследователям²¹, наука обогатилась фактическими данными, обобщение и интерпретация которых до настоящего времени составляют важнейшую сторону научных изысканий историков и этнографов.

---

²⁰ См.: Петри Б.Э. Охота и оленеводство у тунгусских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. 106 с.; Его же. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. 32 с.; Его же. Промыслы карагас // Известия ВСОРГО. Т. LIII. Иркутск, 1928. С. 35–67; Его же. Территориальное родство у северных бурят. Иркутск, 1924. 23 с.; Его же. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах. Иркутск, 1927. 22 с.; Его же. Внутри-родовые отношения у северных бурят // Известия БГНИИ. Т. II. Вып. 3. Иркутск, 1926. С. 3–72; Его же. Карагасский Суглан // Очерки жизни и быта карагас: Материалы Иркутского местного комитета Севера. Вып. 1. Иркутск, 1926. С. 3–40.

²¹ См., например: Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Карагасия // Очерки жизни и быта карагас: материалы Иркутского местного комитета Севера. Вып. 1. Иркутск, 1926. С. 41–88; Миротворцев К.Н. Карагасы: Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1921. 26 с.; Полторадnev П.Г. Оленеводство тунгусов. М.; Иркутск, 1932. 59 с.; Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1927. 29 с.

В своих работах по обычному праву «инородцев» Сибири в 1920-е гг. обращались к отдельным сторонам их хозяйственной жизни известные иркутские ученые-юристы В.А. Рязановский и Г.Ю. Маннс²².

Следует особо отметить научную деятельность И.И. Серебренникова, который в своих исследованиях практически осуществил первичный анализ социально-экономической ситуации, сложившейся в среде коренного населения Восточной Сибири к началу XX столетия²³. И.И. Серебренников до сих пор — один самых цитируемых авторов, писавших о хозяйственном укладе населения Восточной Сибири.

Крупнейшим представителем историко-этнографической науки, обращавшимся к проблемам традиционного хозяйства коренного сибирского населения, в этот период, безусловно, является Н.Н. Козьмин. В своих работах он профессионально сочетал исторические, этнографические, географические методики исследования, рассматривая хозяйственную деятельность через призму ее соответствия конкретным географическим условиям²⁴. Пойдя дальше, он связал с

---

²² См., напр.: Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение. Харбин: Отд. типографии КВЖД, 1929. 16 с.; Его же. Обычное право бурят. Чита, 1921. 125 с. О В.А. Рязановском см. также: Казарин В.Н. Первые профессора-юристы Иркутского университета // Сибирский юридический вестник. 1998. № 2. С. 6; Его же. Становление юридического образования и формирование традиций правовой школы в Иркутском университете. 1918–1931 гг. // Сибирский юридический вестник. 1999. № 1. С. 12.

²³ См.: Серебренников И. Буряты по данным переписи 1897 г. // Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 18–27; Его же. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917. 15 с.; Его же. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск, 1917. 48 с.; Его же (под псевдонимом Н.И.С.). К истории бурятского хозяйства // Сибирский архив. 1912. № 3. С. 169–176; Его же. Посевная площадь и урожай хлебов в Иркутской губернии за десятилетие 1900–1909 года // Изв. ВСОИРГО. Т. XLII. 1911. С. 41–64; Его же. Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Харбин: Изд. Монгол. экспедиции по заготовке мяса для действующей армии, 1920. 83 с.; Его же. Буряты: их хозяйственный быт и землепользование. Т.1 / под ред. проф. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск: Бурмонгиз, 1925. 226 с.

²⁴ См., напр.: Козьмин Н.Н. Очерки истории прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. 266 с.; Его же. Бурят-Монгольская Республика, как хозяйственная область // Жизнь Бурятии. 1924. № 1. С. 2–7; Его же. Бурят-Монгольская АССР: Географический и хозяйственный очерк. Иркутск; Верхнеудинск: Бурмонгиз, 1928. 70 с.

производственным фактором формирования этнического самосознания²⁵. Некоторые современные этнологи этническое самосознание называют главным признаком этноса²⁶. Таким образом, Н.Н. Козьмин одним из первых предвосхитил теорию хозяйственно-культурных типов, на основе которой развивается вся современная отечественная этнология, логически связав цепочку: природные условия — хозяйственная деятельность — этническое самосознание — этнос.

В целом к концу 1920-х–началу 1930-х гг. историческая наука пришла к выводу об объективной обусловленности специфики традиционного хозяйства сибирских народов природными условиями, а изменения в хозяйственных традициях связывались с влиянием «цивилизации». В своем роде квинтэссенцией научных взглядов на проблему трансформации традиционного хозяйства неземледельческих народов Сибири и Средней Азии, получивших развитие в первой трети XX столетия, является малоизвестная работа С.П. Швецова «Этнография и народное хозяйство», написанная в 1928 г.²⁷ В этой работе С.П. Швецов доказывает неприемлемость форсированного и насильственного перевода скотоводов к оседлому образу жизни и земледелию, указывая на то, что кочевое скотоводство, как и другие традиционные формы хозяйственной деятельности, базируются на объективном основании адаптации народа к географическим условиям.

Безусловная заслуга всех перечисленных ученых и их работ состоит во включении в отечественную историческую проблематику вопросов, связанных с хозяйственными традициями и их эволюцией. Невозможно умалить и значение выдвинутой ими концепции природной целесообразности хозяйственного быта коренного сибирского населения. Однако приходится признать, что теоретическая составляю-

---

²⁵ См.: Козьмин Н.Н. Хозяйство и народность. См. также: Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. Вып. I. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. С. 94–95.

²⁶ Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. С. 88.

²⁷ См.: Швецов С.П. Этнография и народное хозяйство // ГАИО. Ф.р-565. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–16.

щая научных трудов на данном этапе была еще недостаточно разработана.

На втором этапе развития отечественной историографии (1930-е–первая половина 1950-х гг.) историческая наука обрела мощный стержень в лице теории общественно-экономических формаций, составивший основу исторических исследований, в том числе, посвященных развитию Сибири на рубеже XIX–XX вв. Внимание историков сосредоточилось на вопросах, связанных с революционным движением и социально-экономическим развитием страны, однако проблемы хозяйственного развития коренных сибирских народов затрагивались чрезвычайно редко. Экономическая история сибирских инородцев традиционно трактовалась в соответствии со схемой: первобытность — феодализм — капитализм — социализм. В этой схеме места традиционному хозяйству практически не было. Забыты были и наработки предыдущих лет, касающиеся взаимосвязи производственного фактора и природных условий, хозяйственных традиций и этнического самосознания.

Одновременно с падением интереса историков к проблемам анализа изменений хозяйственных традиций народов Сибири, становится заметным кризис в этнографической науке. Причем, устанавливается своеобразное «разделение труда» между учеными. Этнографические исследования бурят практически сворачиваются, зато выходят в свет немногочисленные работы историков, посвященные бурятам. Наиболее содержательными из таких работ являются монографии Ф.А. Кудрявцева и П.Т. Хаптаева. Само появление «Истории бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х гг. XIX в.)» Ф.А. Кудрявцева, вышедшей в 1940 г., свидетельствует о понимании сибирскими историками необходимости научного осмысления исторических судеб коренных народов региона. Большой интерес представляет монография П.Т. Хаптаева²⁸. В ней автор, опираясь на богатый фактический материал, затронул, в том числе, проблемы социально-экономического развития бурят в конце XIX–начале XX вв. П.Т. Хаптаев пришел к выводу о влиянии реформы землеус-

---

²⁸ См.: Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1942. 198 с.

тройства на рост товарности скотоводческой составляющей бурятского хозяйства²⁹. Интересно мнение П.Т. Хаптаева по проблеме ликвидации Степных бурятских дум в Иркутской губернии — он видит в этом проявление буржуазных преобразований, смену власти феодалов-нойонов властью зажиточных бурят-кулаков³⁰. По сути, автор говорит о выходе кулаков, олицетворяющих новые, капиталистические отношения в бурятской общине, из-под контроля родовой аристократии. Из обобщающих исторических трудов этого периода можно назвать лишь «Историю Бурят-Монгольской АССР», изданную в 1951 г.³¹ В этом исследовании, в лучших традициях теории общественно-экономических формаций, развитие хозяйства бурят на рубеже XIX–XX вв., проявившееся в ограничении перекочевков, росте оседлости, развитии земледелия, усилении связей хозяйства с рынком, применении усовершенствованных орудий труда, развитии сенокосения, связывается с развитием капиталистических отношений в Сибири, являющихся следствием развития производительных сил внутри бурятского хозяйства и классовой борьбы³². Вместе с тем, говоря о прогрессивном характере хозяйственных изменений в плане общего развития от феодализма к капитализму, авторы «Истории Бурят-Монгольской АССР» указывают на отрицательное значение реформы землеустройства, констатируют сокращение запашки и скота у иркутских бурят, наличие большого числа феодальных пережитков. Иначе говоря, анализируя развитие бурятского хозяйства, исследователи столкнулись с дилеммой, — либо признать, что бурятское общество является феодальным, из чего следовало, что буряты «шагнули» в социализм, минуя капиталистическую стадию, что противоречило официальной доктрине и требовало наличие «третьей силы», как катализатора процесса перехода к социализму, либо констатировать наличие у бурят относительно развитых капита-

---

²⁹ См.: Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 120.

³⁰ Там же. С. 105.

³¹ См.: История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. 574 с.

³² Там же. С.418.

листических отношений, что противоречило фактам. «История Бурят-Монгольской АССР», таким образом, определила для будущих исследователей задачи и направления работы. Вместе с тем, она явилась своего рода прорывом в вопросах изучения истории народов Сибири. Представляется, что это и предопределило во многом появление в последующие десятилетия целого ряда глубоких исторических исследований, затрагивающих, в частности, проблемы развития хозяйства коренных сибирских народов.

Несмотря на то, что историки на втором этапе редко обращались к проблемам изменений традиционного хозяйства коренных этносов Иркутской губернии, а увидевшие свет исследования были посвящены истории бурятского народа, тем не менее, плодотворная работа таких ученых, как Ф.А. Кудрявцев, В.А. Дулов, С.А. Токарев, В.В. Покшишевский и других внесла существенный вклад в дело обработки фактического исторического материала, на базе которого могли проводиться дальнейшие исследования проблемы.

Очень немногочисленные этнографические сочинения этого периода, хотя бы в малом выходящие за рамки простого описания быта, затрагивают исключительно малые народности Севера. Наиболее удачной работой этого плана можно назвать статью В.Г. Богораз-Тана, посвященную возникновению оленеводства, в которой, в традициях предшествующего периода, связываются хозяйственные традиции и природные условия³³. Эта работа, хронологически входящая во второй этап развития историографии, по своему характеру ближе к идеям, получившим развитие в трудах более раннего периода. Примечательна работа Н.П. Никульшина, рассматривающая, в том числе, дореволюционное хозяйство тунгусов Эвенкийского автономного округа³⁴. Н.П. Никульшин делает вывод о разложении у эвенков родовой организации уже к моменту Великой Октябрьской социалистической революции³⁵. Непосредственно эвенкам Иркутской губернии (тогда

---

³³ См.: Богораз-Тан В.Г. Оленеводство: Возникновение, развитие и перспективы // Известия АН СССР / Тр. лаб. генетики. М., 1933. С. 219–251.

³⁴ См.: Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1938. 144 с.

³⁵ Там же. С.135.

уже области) была посвящена статья М.Г. Левина³⁶. Немногочисленность этнографических исследований во многом была вызвана кризисом методологии. Лишь к концу 1950-х гг., с формированием в отечественной этнографии теории хозяйственно-культурных типов, этот кризис будет преодолен.

Несмотря на небольшое количество работ, посвященных учеными в 1930-х–начале 1950-х гг. истории коренных народов Сибири, и Иркутской губернии — в частности, общим положительным их качеством было обращение к тезису о приоритетном влиянии экономического (хозяйственного) фактора на остальные стороны жизни общества. В известной степени такая постановка вопроса роднит исследования данного этапа с работами предыдущего периода.

На третьем этапе развития историографии (*вторая половина 1950-х–начало 1990-х гг.*) наблюдается заметное повышение интереса историков и этнографов к проблемам изменения хозяйственных традиций коренного сибирского населения в конце XIX–начале XX вв. Историческая наука все чаще обращается к развитию сибирских народов, стремясь связать его с глобальными процессами смены общественно-экономических формаций. В соответствии с научной парадигмой линейного развития исторического процесса, в русле которой развивалась и теория общественно-экономических формаций, все народы в своем поступательном развитии проходят одинаковые стадии, и сибирские «инородцы» не должны были стать исключением. Этим и объясняется активизация историков в направлении работы по исследованию хозяйства коренного сибирского населения. Этнографическая наука получает в конце 1950-х гг. усилиями таких теоретиков этнологии, как М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров и др., мощную методологическую базу в лице теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Развитие теории ХКТ в трудах этнографов, обращавшихся к хозяйству сибирских народов, позволило в значительной степени расширить довольно узкие рамки, в которых работали историки. «Разделение труда», сложившееся между историками и этнографами в

---

³⁶ См.: Левин М.Г. Эвенки Северного Прибайкалья // Советская этнография. 1936. № 2. С. 71–78.

предыдущие десятилетия, было частично преодолено, — этнографы стали работать и над изучением традиционного бурятского хозяйства.

Начало периода ознаменовалось выходом в свет в 1956 г. капитального обобщающего труда «Народы Сибири»³⁷. В очерках, посвященных отдельным народам, авторы, наряду с описанием материальной культуры, много внимания уделили вопросам социального развития. Констатировалось разложение на рубеже XIX–XX вв. родовой организации у тофов и эвенков. Борьба бурят против реформы землеустройства трактовалась как выражение классовых противоречий³⁸. В 1968 г. вышла пятитомная «История Сибири». Третий том этого издания посвящен развитию Сибири в период капитализма³⁹. Авторы «Истории Сибири» пришли к выводам о развитии капитализма в Сибири в конце XIX–начале XX вв., в том числе — под влиянием русской колонизации — у коренных народов. Землеустроительную политику царского правительства авторы издания рассматривали как фактор, приводящий к разорению бурятского населения⁴⁰. Позиции по вопросам развития «инородческого» хозяйства, озвученные в «Народах Сибири» и «Истории Сибири», на многие годы предопределили направления работы историков. Их исследования сосредоточились на выявлении социальных противоречий внутри бурятского хозяйства, имеющих как внутреннее, так и внешнее происхождение. В развитии этнических хозяйственных традиций исследователи продолжали видеть отражение процессов перехода одной общественно-экономической формации в другую. Их интересовали, в первую очередь, стадийные закономерности развития хозяйства коренного населения. В связи с этим вставал вопрос о влиянии русской колонизации на традиционное этническое сибирское

---

³⁷ См.: Народы Сибири. Этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.

³⁸ Там же. С. 223, 534, 725–726.

³⁹ См.: История Сибири. Т.3: Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968. 530 с.

⁴⁰ Там же. С. 96.

хозяйство. Проблемы изменений хозяйства коренного восточносибирского населения в связи с переселенческой политикой царского правительства затрагивались В.Г. Тюкавкиным, Л.Ф. Скляровым, Э.М. Шагиным⁴¹. В общем и целом положительно оценивая переселение, авторы, тем не менее, критиковали реформу землеустройства, а В.Г. Тюкавкин прямо оценивал ее как реакционную⁴². По вопросу о распространении земледелия у бурят приоритетной стала точка зрения В.И. Шункова и Ф.Д. Дресвянского, говоривших об определяющем влиянии на хозяйство бурят традиций русского народа⁴³. Н.П. Егунов связывал зарождение национального движения бурят с колониальной политикой царского правительства вообще и землеустроительной реформой — в частности⁴⁴. Констатируя зарождение у бурят капиталистических отношений, И.И. Осинский указывал на наличие серьезных пережитков феодализма, что предопределило господствующее положение мелкотоварного и полунатурального хозяйства⁴⁵.

Бесспорно, наиболее значимыми работами, характеризующими общественно-экономическое развитие сибирского

---

⁴¹ См.: Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1962. 588 с.; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 472 с. См., также: Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1987. 206 с.

⁴² Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 40.

⁴³ См.: Шунков В.И. Из истории земледелия Бурятии // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 65–70; Дресвянский Ф.Д. Земледельческое освоение территории Усть-Ордынского бурятского национального округа в дореволюционный период // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири (Дореволюционный период). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та им. А.А. Жданова, 1975. С. 149–158.

⁴⁴ См.: Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 316 с.

⁴⁵ Осинский И.И. Исторические особенности социальной структуры бурятской народности в дооктябрьский период // Бур. пед. ин-т им. Д. Банзарова. Уч. записки. Вып. XXXV. Улан-Удэ, 1970. С. 165, 186.

населения в конце XIX–начале XX вв., в том числе — коренных жителей Иркутской губернии, увидевшими свет в 1960-е–1970-е гг., являются монографии И.А. Асалханова⁴⁶. И.А. Асалханов, опираясь в основном на архивные источники, констатировал развитие у бурят товарного земледельческого и скотоводческого хозяйства, но, вместе с тем отмечал, что земледелие имело экстенсивный характер, а реформа землеустройства отвечала интересам помещиков⁴⁷. Для нашего исследования очень важными представляются выводы И.А. Асалханова о фактическом разложении родовой хозяйственной организации бурят уже к концу XIX в., а также о сращивании у бурят родовой феодальной знати и сельской буржуазии⁴⁸.

Несмотря на все бесспорные достоинства трудов И.А. Асалханова, они были посвящены развитию сибирского сельского хозяйства в целом, «инородческое» традиционное хозяйство рассматривалось в них как составная часть хозяйства сибирского крестьянства. Одним из первых историков, которые обратились к вопросам исторического развития в конце XIX–начале XX вв. именно «инородцев» Сибири, стал Л.М. Дамешек. Оценка реформ, коснувшихся сибирских инородцев на рубеже столетий, в том числе — реформы землеустройства, Л.М. Дамешеком дана в работе «Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–начало XX века)». Л.М. Дамешек также связывает реформы с реакцией, последовавшей за убийством Александра II, однако указывает на внутреннюю связь этих реформ с либеральными реформами третьей четверти XIX в.⁴⁹ Большой интерес для данного исследования представляют работы Л.М. Дамешка, непосредственно посвященные развитию бурятского

---

⁴⁶ См.: Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.; Его же. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 268 с.

⁴⁷ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 74, 263–264.

⁴⁸ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири... С. 304.

⁴⁹ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. С. 66–67.

хозяйства⁵⁰. Вслед за И.А. Асалхановым Л.М. Дамешек приходит к выводу о развитии товарного земледелия и скотоводства у бурят, землеустроительную политику правительства по отношению к «инородцам» он расценивает как попытку решения классовых противоречий. Реформу землеустройства исследователь рассматривает как меру, задерживающую развитие капиталистических отношений⁵¹. Л.М. Дамешек также явился одним из немногих историков, коснувшихся проблем хозяйственного развития таяежных народов Иркутской губернии — эвенков и тофов. В его работах, посвященных фискальной политике российского правительства по отношению к «инородцам», дается оценка влияния на жизнь сибирских аборигенов такого явления, как сбор ясака⁵². Сбор ясака Л.М. Дамешек также рассматривает как фактор, сдерживающий развитие товарно-денежных отношений⁵³.

Различные аспекты социально-экономического развития сибирских аборигенов в дореволюционный период в своих трудах рассматривали И.Б. Батуева, Г.Д. Белькова,

---

⁵⁰ См.: Дамешек Л.М. «Инородческий вопрос» в аграрном законодательстве царизма в эпоху политической реакции и кризиса самодержавия (80-е гг. XIX в.–1917) // Политика царизма в Сибири в XIX–начале XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. С. 50–79; Его же. Аграрное законодательство царизма и землеустройство народов Сибири (1861–1917). Современные итоги и задачи изучения // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: тезисы докладов и сообщений. Казань, 22–25 окт. 1986 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. С. 105–106; Его же. Влияние рынка на развитие сельскохозяйственного производства народов Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. // Дуловские чтения 1992 года: тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 16–17 окт. 1992 г. Часть 1. Иркутск: Изд. Иркут. пед. ин-та, 1992. С. 52–55; Его же. Землеустройство бурятского крестьянства Иркутской губернии (1896–1917 гг.) // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 84–98.

⁵¹ Дамешек Л.М. Влияние рынка... С. 53–54.

⁵² См.: Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX–начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 136 с.; Его же. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск: Изд. ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. С. 189–190.

⁵³ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма... С. 75, 190.

Л.М. Горюшкин, Г.А. Корнеева, В.И. Пронин, Ю.Б. Санданов и другие исследователи⁵⁴. Не оставлялись в стороне на этом этапе и вопросы демографии коренного населения Восточной Сибири, поскольку тенденции движения населения являются важным показателем общественно-экономического развития. Из работ, посвященных демографическим проблемам автохтонного населения Иркутской губернии, как примеры, можно назвать статьи И.А. Асалханова, Л.М. Дамешека, Д.Д. Нимаева⁵⁵.

---

⁵⁴ См.: Батуева И.Б. Скотоводство в системе традиционного хозяйства бурят // Бурятия XVII–начала XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск: Наука, 1989. С. 51–68; Ее же. Социальное расслоение в бурятском скотоводческом хозяйстве в конце XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 71–81; Белькова Г.Д. Проблемы социально-экономического расслоения «инородческого» населения Восточной Сибири в конце XIX–начале XX вв. // Дуловские чтения 1992 года: тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 16–17 окт. 1992 г. Часть 1. Иркутск: Изд. Иркут. пед. ин-та, 1992. С. 76–79; Горюшкин Л.М. Методологические аспекты исследования переселенческого движения в России во второй половине XIX–начале XX вв. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. I: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху капитализма: тезисы докладов и сообщений Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 12–14 дек. 1989 г. Новосибирск: Изд. Ин-та истории, филологии и философии СО ДН СССР, 1989. С. 90–93; Корнеева Г.А. Разработка закона о землеустройстве 23 мая 1896 г. и вопрос о земельной собственности в Сибири // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в.–1917 г.). Красноярск, 1982. С. 15–29; Пронин В.И. Скотоводство Сибири XIX–начала XX вв. // Из истории Алтая. Барнаул, 1978. С. 95–129; Его же. Население Сибири за 50 лет (1863–1913) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69; Санданов Ю.Б. Социально-экономическое развитие улусов Аларского и Тункинского ведомств Иркутской губернии (вторая половина XIX в.) // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 82–91 и др.

⁵⁵ См.: Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 91–114; Дамешек Л.М. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири в период капитализма (1861–1917 гг.) // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. I: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху капитализма: тезисы докладов и сообщений Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 12–14 дек. 1989 г. Новосибирск: Изд. Ин-та истории, филологии и философии СО ДН СССР, 1989. С. 98–99; Нимаев Д.Д. Этнодемографические процессы в Бурятии в XIX–начале XX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 69–84.

В 1980-х гг. были проведены и первые историографические исследования Сибири дооктябрьского периода. В них авторы, в частности, касались и вопросов изучения хозяйства коренных народов Восточной Сибири⁵⁶. Оценка исследований в этих работах, как правило, производилась с позиций теории общественно-экономических формаций в ее советском, постмарксистском варианте. Критике подвергались и теории о природных условиях, как главном факторе экономического развития⁵⁷, и непонимание классовой сущности происходивших в хозяйстве изменений и прогрессивного взаимовлияния русского и «иностранного» населения⁵⁸.

В результате научных изысканий историков к концу третьего этапа была сформирована достаточно логичная схема развития хозяйства «иностранцев» Восточной Сибири, которая предполагала следующее: в конце XIX–начале XX вв. под влиянием русского населения и в результате внутреннего развития «иностранцев» социумов, являющегося следствием развития производительных сил (происходящего также во многом под влиянием русского населения), в хозяйствах эвенков, тофов и, в особенности, бурят, происходят изменения, которые можно расценивать как распространение

---

⁵⁶ См., напр.: Андреев Ч.Г. Историография аграрного развития Забайкалья конца–начала XX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 43–57; Его же. Историография и источники по землеустройству бурятского крестьянства Забайкалья в конце XIX–начале XX вв. // Историография народов Сибири XIX–начала XX вв.: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 69–91; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI–начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 318 с.; Дамешек Л.М. Аграрно-политический курс самодержавия...; Его же. Вопросы истории аборигенного населения Северной Азии в освещении зарубежной буржуазной историографии конца XIX–начала XX в. // Страны и народы Востока: пути развития: тезисы докладов к регион. конф., Иркутск, 10–12 мая 1988 г. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 101–102; Его же. Вопросы истории аборигенов Северной Азии в трудах сибирских областников // Страны и народы Востока: история, экономика, международные отношения: тезисы докладов к регион. конф., Иркутск, 10–13 мая 1990 г. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 25–26 и др.

⁵⁷ Андреев Ч.Г. Историография аграрного развития Забайкалья... С. 45.

⁵⁸ Дамешек Л.М. Аграрно-политический курс самодержавия... С. 116; Его же. Вопросы истории аборигенов Северной Азии... С. 26.

товарно-денежных, т.е. капиталистических, отношений. Степень развития капитализма в бурятском хозяйстве стала проблемой дискуссионной, от тезиса о преобладании полунатурального хозяйственного уклада под влиянием исследований И.А. Асалханова, Л.М. Дамешека и др. историческая наука пришла к тезису о сравнительно развитых рыночных отношениях в бурятской среде. Внутренняя политика царского правительства, в частности — землеустроительная реформа сибирских крестьян, согласно этой схеме, рассматривалась как тормоз в развитии капитализма, а значит, — имела отрицательные последствия, поскольку сдерживала поступательное развитие экономических отношений.

Думается, что такая позиция исторической науки в некоторой степени была обусловлена идеологическими соображениями, в соответствии с которыми царская Россия являлась «тюрьмой народов». При ближайшем рассмотрении легко обнаруживаются недостатки предложенной схемы развития. Так, например, переселенческая политика, рассматриваемая исключительно как инструмент снятия социальной напряженности в Европейской России и средство сохранения помещичьего землевладения, в то же время рассценивается как положительное явление для развития производительных сил в Сибири. Тесно связанная с переселением землеустроительная реформа, сократившая землепользование «иностранцев», в свою очередь, подвергается критике. Капитализм предстает некоей детской болезнью, которой во что бы то ни стало нужно переболеть, чтобы перейти к новому общественно-экономическому строю. Между тем традиционное хозяйство тесно связано с окружающей природной средой и во многом обусловлено социальной организацией. Перенесение на него логических схем, объясняющих экономическое развитие народов или обществ, давно оторвавшихся и от природы, и от общественного контроля, не может не привести к противоречиям при попытке интерпретации реальных событий.

В некоторой степени эти противоречия снимались в этнографических исследованиях, взявших на вооружение с конца 1950-х гг. теорию ХКТ. Однако, как правило, этнографические работы были ограничены описанием особенностей материальной и духовной культуры сибирских народов. Таких

работ достаточно много. Применительно к истории коренных народов Иркутской губернии необходимо назвать исследования С.И. Вайнштейна, К.В. Вяткиной, Г.М. Василевич, С.Г. Жамбаловой, Л.Р. Павлинской и др.⁵⁹ Из этнографических работ выделяются несколько монографий, рассматривающих преимущественно хозяйственную жизнь аборигенов Сибири. Прежде всего, это работа Г.Е. Маркова, содержащая разносторонний анализ скотоводческого хозяйства⁶⁰, и монография В.В. Карлова, посвященная эвенкам⁶¹. Видный теоретик этнологии, В.В. Карлов в своей работе связал конкретные природные условия проживания различных территориальных групп эвенков с типами комплексных хозяйств. Необходимо также отметить исследование М.Г. Турова, посвященное эвенкам⁶². Рассматривая хозяйства «кочевых» и «бродячих» эвенков, М.Г. Туров пришел к выводу о неоднозначности процесса распространения среди эвенкийского населения товарно-денежных отношений. Это выразилось, в частности, в возрастании у «бродячих» тунгусов роли транспортного оленеводства⁶³. Обобщающей работой по этнографии эвенков стала монография В.А. Туголукова⁶⁴. Используя богатый архивный материал и опираясь на исследования других этнографов, В.А. Туголуков нарисовал масштабную картину развития эвенкийского этноса с момента присоедине-

---

⁵⁹ См.: Вайнштейн С.И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов до начала XX в. // Советская этнография. 1968. № 3. С. 60–67; Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.; Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969. 218 с.; Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 172 с.; Павлинская Л.Р., Жамбалова С.Г. Становление и развитие хозяйственной традиции на территории Прибайкалья и Забайкалья // Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука, 1986. С. 237–261 и др.

⁶⁰ См.: Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 318 с.

⁶¹ См.: Карлов В.В. Эвенки в XVII–начале XX вв. (хозяйство и социальная структура). М.: Изд-во МГУ, 1982. 160 с.

⁶² См.: Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX–начале XX вв. (принципы освоения угодий). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

⁶³ Там же. С. 162.

⁶⁴ См.: Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 284 с.

ния Сибири к России до начала XX в. По своему содержанию и форме эта этнографическая работа очень близка историческим исследованиям. Автор, в частности, пришел к выводу об адаптации эвенкийского хозяйства к различным природным условиям (в силу огромной площади занимаемых земель), что обусловило легкую восприимчивость эвенков к чужим хозяйственным традициям и их склонность к ассимиляции⁶⁵. Идеи В.В. Карлова, касающиеся изменений традиционного хозяйства этносов, получили развитие в обобщающем труде «Введение в этнографию», изданном в 1990 г.⁶⁶

Кризис исторической и этнографической наук, обозначившийся в конце 1980-х гг. был кризисом и методологии. Историческая наука не могла объяснить с позиций изрядно видоизменившейся со времен К. Маркса теории общественно-экономических формаций всего многообразия вариантов трансформации традиционных хозяйств народов. Этнография столкнулась с невозможностью идентификации этноса. Как справедливо заметил В.В. Карлов: «В этнографической литературе нет ясности по вопросу о природе этнокультурной специфики народа»⁶⁷. В соответствии с этим, В.В. Карлов видит основной задачей этнографии «выявление и анализ факторов, вызывающих трансформацию этноспецифических черт в новых условиях»⁶⁸. Одной из главнейших таких черт как раз и являются хозяйственные традиции, которые В.В. Карлов связывает с приспособлением общества к конкретным природным условиям. Таким образом, в начале 1990-х гг. этнография вплотную подошла к пониманию содержательного значения экономических явлений.

Методологический кризис истории, как области научных исследований, и этнографии предопределил сближение двух наук и знаменовал начало нового, четвертого этапа развития историографии проблемы (*с начала 1990-х гг.*).

---

⁶⁵ Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. С.275.

⁶⁶ См.: Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.): учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. 160 с.

⁶⁷ Там же. С. 7.

⁶⁸ Там же. С. 8.

Популярной формой на этом этапе стали историко-этнографические исследования. Повышение интереса к проблемам трансформации традиционного хозяйства было вызвано и подъемом национальных движений, вызвавших к жизни необходимость актуализации претензий на культурную самостоятельность этносов. Идеи возрождения этнических хозяйственных традиций играют в этом не последнюю роль. В свою очередь, возрождение традиционного хозяйства связывается с необходимостью экологизации производственной деятельности, что определяет интерес представителей национальных научных школ, в частности, бурятской, к забытым идеям обусловленности специфики хозяйства природной целесообразностью.

Однако переход исторической науки к пониманию необходимости рассмотрения *этнического* хозяйства с позиций *содержательного* значения экономики происходит медленно. В 1995 г. выходит капитальный труд коллектива авторов, известных сибирских историков, — «История Усть-Ордынского бурятского автономного округа»⁶⁹. В разделах, посвященных социально-экономическому развитию территорий, составляющих округ, уже нельзя заметить прямого указания на старые принципы, но они незримо присутствуют в выводах. По-прежнему прогресс бурятского хозяйства связывается с развитием рыночных отношений, а землеустройство «иностранцев», как и раньше, оценивается отрицательно. Подобные идеи получили развитие в работах Ч.Г. Андреева, Л.М. Дамешека, Л.А. Зайцевой⁷⁰. Монография Ч.Г. Андреева посвящена образу жизни народов

---

⁶⁹ См.: История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. 544 с.

⁷⁰ См.: Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX века—начале XX века (60-е гг. XIX—октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. 287 с.; Андреев Ч.Г., Зайцева Л.А. Очерки аграрной истории Бурятии. Улан-Удэ, 1993. 214 с.; Дамешек Л.М. Аграрная политика правительства и народы Сибири на рубеже XIX—XX вв. // Дуловские чтения, 1997 года: тезисы докладов и сообщений. Иркутск, октябрь 1997 г. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1998. С. 65–67; Зайцева Л.А. Земельная реформа и развитие сельского хозяйства Бурятии в 20–30-е гг. XX столетия // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С. 215–219.

Восточной Сибири в целом. Много внимания автор уделяет вопросам хозяйственного развития аборигенов, влиянию на их хозяйство процессов развития в регионе рыночных отношений. Ч.Г. Андреев делает выводы о том, что землеустройство нанесло удар по скотоводству и земледелию бурят⁷¹. Близки по оценке хозяйственного развития и политике правительства выводы В.Я. Бутанаева, монография которого посвящена хозяйству хакасов⁷². Таким образом, приходится признать, что позиции ряда историков, занимающихся проблемами социально-экономического развития коренного населения Байкальского региона в 1970-х–1980-х гг., по вопросам интерпретации изменений традиционного хозяйства с началом нового этапа не изменились. Сформулированная еще в предыдущий период теория существования в Сибири до 1917 г. так называемого «государственного феодализма», признаками которого являются государственная монополия на землю, аграрно-сырьевой характер производства, производ администрации и т.д.⁷³, живет в трудах историков по сию пору. Однако тенденция понимания процесса развития традиционного хозяйства как особой системы, на которую не должны искусственно распространяться законы развития рыночной экономики, все же заметна.

В ряду работ, посвященных этническому *природопользованию* (именно так стали называть хозяйственную составляющую общественной деятельности, и это представляется, по отношению к коренному населению Сибири, совершенно обоснованным) следует отметить исследование Ц.Б. Будаевой⁷⁴. Ц.Б. Будаева рассматривает все элементы хозяйс-

---

⁷¹ Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири... С.102, 117.

⁷² См.: Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX–начале XX вв. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2002. 212 с.

⁷³ Шиловский М.В. Сибирь в составе России: основные проблемы экономического развития дореволюционного периода // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 3–4 марта 1998 г. Новосибирск: Изд. Ин-та истории СО РАН, 1998. С. 86–87.

⁷⁴ См.: Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 192 с.

твенной деятельности как составные части экологической традиции (в широком понимании смысла этого слова). К этой работе близок труд Ю.А. Зуляра «Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке»⁷⁵. Эта работа не рассматривает этническое природопользование, но в ней обнаруживаются признаки нового понимания экономических процессов, — процессов, основанных не на выборе способов использования средств для удовлетворения потребностей, порождаемого ограниченностью этих средств, а на факте зависимости человека от природы и других людей.

Авторы этнографических исследований все чаще обращаются от описания традиций к анализу их изменений. К работам этого плана можно отнести монографию А.А. Сириной, посвященную катангским эвенкам⁷⁶. Монография Л.В. Мельниковой «Тофы» явилась, по сути, первой попыткой комплексного историко-этнографического исследования тофаларского народа⁷⁷.

К различным сторонам хозяйственной жизни автохтонного населения Восточной Сибири в конце XIX—начале XX вв. в своих работах обращались также Г.Н. Богданов, М.А. Винокуров, А.Н. Гулевский и др.⁷⁸ В 1999 г. под редакцией Т.М. Михайлова вышел труд «История и культура бурятс-

---

⁷⁵ См.: Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 496 с.

⁷⁶ См.: Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.: Оттиск, 2002. 284 с.

⁷⁷ См.: Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 304 с.

⁷⁸ См.: Богданов Г.Н. Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск: Изд. ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. С. 23–44; Винокуров М.А. Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. 188 с.; Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (к. XIX–XX век): Этнографические очерки. М.: КМЦ ИЭА РАН, 1993. 300 с. и др.

кого народа», частично обобщивший результаты в основном этнографических исследований бурят⁷⁹.

Одновременно к вопросам исторического развития хозяйства начинают обращаться географическая и экономическая науки. Так, очень интересной работой для данного исследования является монография географа М.В. Рагулиной⁸⁰, в которой дается характеристика различных типов природопользования тофаларов и эвенков в конце XIX–начале XX вв. Поскольку историки практически не обращаются к хозяйству этих малых народов, а этнографические исследования большей частью носят описательный характер, значение этой работы трудно переоценить. М.В. Рагулина выделяет три этапа в развитии этнического природопользования таежных жителей Иркутской губернии: 1) период господства натурального хозяйства; 2) трансформация хозяйства под влиянием товарных отношений; 3) кооперация хозяйства при Советской власти⁸¹. Рассмотрение трансформационных процессов, происходящих в традиционном хозяйстве, с точки зрения изменения *формы способа природопользования* в данном случае принципиально важно. Заслуживают внимания подходы к рассмотрению традиционного хозяйства, выраженные в работах Д.Д. Мангатаевой, Л.Г. Намжиловой, А.К. Тулохонова⁸².

Из работ последних лет в плане установления связей традиционного хозяйства со способами природопользования ин-

---

⁷⁹ См.: История и культура бурятского народа: учеб. пособие. Улан-Удэ: «Бэлиг», 1999. 248 с.

⁸⁰ См.: Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 163 с. См., также: Филиппова М.В. Роль природных факторов в земледелии Прибайкалья (XVII–XIX вв.) // Историко-географические исследования Южной Сибири. Иркутск: Изд. Ин-та географии СО АН СССР, 1991. С. 47–61.

⁸¹ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 113.

⁸² См.: Мангатаева Д.Д. Трансформация традиционной культуры и хозяйствования коренных народов Байкальского региона // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск: Изд. ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. С. 135–139; Намжилова Л.Г., Тулохонов А.К. Эволюция аграрного природопользования в Забайкалье. Новосибирск: НИЦ ОИГТМ, Изд-во СО РАН, 2000. 200 с.

интересны работы И.В. Рассадина, Д.М. Маншеева, В.А. Тайшина и др.⁸³

Итак, начиная с 1990-х гг. исследования в области изучения трансформации традиционного хозяйства коренного населения Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий совершили качественный скачок в сравнении с предыдущими периодами, который выразился в переходе от практики рассмотрения изменений хозяйственных традиций как проявления поступательного развития экономических отношений от примитивных форм к более прогрессивным (рыночным) к пониманию трансформации традиционного хозяйства как изменений способов и форм природопользования. Однако такая смена ориентиров исторической науки по отношению к изучению социально-экономического развития сибирских народов пока представлена сравнительно небольшим числом исследований. Использование системного подхода в исследованиях такого плана может констатироваться лишь в единичных случаях.

Перечисленными работами историография изменений традиционного хозяйства коренного населения Иркутского региона не ограничивается, — упомянуты лишь те сочинения, которые в той или иной степени рассматривают выбранные для исследования проблемы, т.е. реформу землеустройства как тесно связанный с трансформацией бурятского хозяйства процесс, обращение тофов и эвенков к нетрадиционным способам природопользования и специализация эвенкийского и тофаларского хозяйств на пушном товарном промысле. Анализ опубликованной литературы показывает, что рассмотрения трансформации традиционного хозяйства народов Иркутской губернии, понимаемого как системы, с позиций содержательного значения понятия «экономика» практически не производилось. Близкие по методике исследования работы не охватывают хозяйственное развитие всех

---

⁸³ См.: Рассадин И.В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 189 с.; Маншеев Д.М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Приаянья (конец XIX–начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 206 с.; Тайшин В.А., Серебренников А.М., Батуева Д.Ж., и др. Традиционное природопользование: культурно-бытовые и хозяйственные аспекты. М.: Изд-во «Академия естествознания», 2007. 201 с.

трех иркутских коренных народов. Кроме того, представляется, что есть необходимость пересмотра некоторых оценок произошедших в этническом хозяйстве народов Сибири изменений с точки зрения их соответствия историческим путям развития Российской цивилизации.

*Традиционное хозяйство коренного населения:
определение объекта*

Уточнение объекта исследования предполагает идентификацию понятий «коренное население» и «традиционное хозяйство».

Употребление терминов «коренное население» и «коренной народ» в отношении одного и того же социального феномена не случайно. Как это не странно, понятие «коренное население» мало изучено. Практически термин применяется для обозначения, как правило, этнических групп в различных контекстах, являясь синонимом понятий «автохтонное население» и «аборигенное население». В 1980-х гг. Организация Объединенных Наций дала такое определение понятия «коренное население»: «Коренное население — это коренные общины, народности, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях... Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность»⁸⁴. Очевидно, что это определение не выделяет существенных признаков понятия. Тем более, оно не может быть применимо к сибирским условиям, — пришельцы-русские не были ни завоевателями, ни колонизаторами, так же, как не являлись ими и пришедшие на территорию современной Иркутской области несколькими веками раньше буряты или эвенки. Вызывает сомнение и тезис о «недоминирующем» положении коренного населения в обществе. В этом случае

---

⁸⁴ Коренное население. Глобальное стремление к справедливости. М.: Межд. отношения, 1990. С. 31.

в России, например, коренными народами могут считаться все, кроме русского. Ясно, что понятия «коренное население», «коренной народ» относительны, их применение зависит от исследуемых проблем и периода. Оно является объективной данностью для конкретного времени, определенной территории и употребляется субъектом познания в контексте его этнической самоидентификации. Применительно к территории Иркутской губернии, например, коренным населением может называться любой народ, ее населявший в разное время. Эвенки будут коренными жителями по отношению к бурятам, буряты — по отношению к русским и т.д. Безотносительно к периоду, территории и конкретному предмету исследования выделение критериев коренного населения весьма проблематично. В данной работе под коренным населением Иркутской губернии в конце–начале XX вв. понимаются этнические сообщества, состоящие из потомков жителей, обитавших в регионе до прихода сюда русских, т.е. буряты, эвенки, тофы. Кроме названных, в рассматриваемый период в регионе также проживали якуты и сойоты, хозяйство которых не рассматривается в данной работе. Тому есть ряд причин. Что касается сойотов, эта малочисленная этническая группа, проживавшая в Восточном Присаянье, на рубеже XIX–XX вв. обычно включалась в состав бурятского населения, близкого ей по материальной культуре и особенностям быта. К концу XIX в. сойоты почти полностью были ассимилированы бурятами, сойотский язык, относящийся наряду с койбальским, камасинским, маторским и тайгйским языками к подгруппе саяно-самодийских языков, исчез, по-видимому, уже в начале XIX столетия⁸⁵. Вследствие этого, ограниченность исторических источников, характеризующих хозяйство сойотов в рассматриваемый период, не позволяет объективно рассматривать вопрос о степени затрагивания его трансформационными процессами. Территория, на которой компактно проживали якуты (2 734 чел. в 1897 г., что больше, чем тунгусское население)⁸⁶, вошла в

---

⁸⁵ Серебренников Б.А. Уральские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 537–538.

⁸⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV: Иркутская губерния. СПб., 1904. С. XIII.

состав Иркутской губернии лишь в 1896 г. Основная часть якутского населения проживала на территории Якутской области, его быт и хозяйство достаточно полно освещены в научных исследованиях.

Для успешного достижения заявленной цели необходимо рассмотреть и проблему определения понятия «традиционное хозяйство». Вопрос идентификации традиционного хозяйства в высшей степени важен для определения силы и направленности трансформационных экономических процессов.

Термин «традиция», лежащий в основе понятия «традиционное хозяйство», как и многие другие термины, используемые общественными науками (культура, цивилизация и т.д.), имеет множество значений. Эти значения различаются не только у разных исследователей, но и в зависимости от контекста. Важно и другое, — понятие «традиционное хозяйство» восходит к ставшему уже обычным термину «традиционное общество», перекочевавшему из научных трудов даже в школьные учебники. Оно отождествляется с экономической составляющей жизни традиционных обществ. Последние же, в свою очередь, обычно связываются с теми цивилизациями и народами, с которыми в ходе исторического развития пришлось столкнуться европейцам. Таким образом, деление обществ, а вслед за этим и хозяйственных систем, на «традиционные» и «нетрадиционные» является, в некоторой степени, следствием извечного европейского дуализма, привычке делить мир на Запад и все остальное. С другой стороны, понятие «традиционное общество» имеет не только географическую, но и хронологическую окраску, и часто употребляется по отношению к определенному периоду развития обществ (правда, как правило, опять таки неевропейских), предшествующему индустриальной цивилизации. И в том, и в другом случае традиционность чаще всего имеет оттенок архаичности, примитивности, отсталости, неизменности и как бы противостоит *прогрессу*, который, в свою очередь, в области хозяйственной деятельности, связывается с развитием рыночных отношений. Между тем в этнографии (этнологии) под термином «традиция» понимаются как конкретное явление духовной или материальной жизни (фольклорная традиция, экологическая традиция, строительная традиция), так и сам процесс развития

явления в культуре⁸⁷. В последнем случае традиционность не подразумевает стагнацию, противостоя прогрессу, а означает *естественное, эволюционное развитие*. Именно как естественное развитие нужно понимать консервативность *традиционных обществ*.

Таким образом, определение понятия «традиционное общество» является не просто проблемой семантики языка, но и проблемой методологической. Вот почему важно определить те признаки, которые составляют структуру традиционного хозяйства как системы.

Именно как систему необходимо понимать традиционное хозяйство. Нередко в трудах исследователей традиционное хозяйство предстает как набор хозяйственных традиций, которые, в свою очередь, интерпретируются как совокупность знаний, методов, приемов по созданию материальных благ⁸⁸. Принимая в общих чертах определение хозяйственной традиции, все же приходится признать, что понимание традиционного хозяйства как простой совокупности хозяйственных традиций не предполагает рассмотрение его как системы, поскольку налицо отсутствие интегративного качества и системообразующего фактора. Другими словами, не совсем понятно, как связаны между собой в традиционном хозяйстве отдельные хозяйственные традиции. Поэтому предметом особого внимания при идентификации понятия «традиционное хозяйство» должны стать не столько элементы, отдельные части системы, сколько связи между этими частями, — ведь они и делают систему системой.

Один из современных исследователей философско-исторического аспекта реформаторства в России, Н.Н. Козлова, выделяет два смысла понятия *традиция*. В первом случае под традицией понимается тип общественной жизнедеятельности, уклад жизни. Во втором случае традиция — «носитель ценностного начала», «мир уникальных духовных феноменов»⁸⁹. Оба значения в реальности взаимосвязаны и

---

⁸⁷ Павлинская Л.Р., Жамбалова Р.Г. Становление и развитие хозяйственной традиции... С. 237.

⁸⁸ См., напр.: Будаева Ц.Б. Экологические традиции... С. 26–27.

⁸⁹ Козлова Н.Н. Ирония истории: новые цели и старые типы социальной // Из истории реформаторства в России (философско-исторические очерки). М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1991. С. 79–91.

определяют друг друга. Но очевидно, что, говоря о традиционном восточном (или китайском, исламском, российском и т.п.) обществе, прежде всего под традицией понимают как раз *уникальность*. Сопоставляя же традиционное и индустриальное общества, имеют в виду *тип жизнедеятельности*. В этом случае традиция выступает как закономерность, повторяемость. Понимая традиционное хозяйство как систему, мы должны признать существование признаков, повторяющихся у различных народов, т.е., понимать традицию в первом ее значении. Взгляд на традицию только как на самобытность приводит к отказу от представлений о закономерности, об объективности исторических процессов. А это может поставить под сомнение саму научность исторических исследований. Но мы не можем игнорировать и те признаки, которые присущи только конкретному народу, например, эвенкам или бурятам, и которые определяют уникальность хозяйственного быта этого народа. Разумное соотношение тех и других признаков только и может являться гарантией объективного решения проблемы определения понятия «традиционное хозяйство».

При определении уникальных признаков традиционного хозяйства как системы, помимо прочего, возникают две очень серьезные проблемы, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы, но своего рода «оглядка» на которые необходима. Первая проблема состоит в совмещении двух подходов к изучению вопросов, связанных с историей каких-либо народов. В западноевропейской этнографии они получили названия «этний» и «эмний» подходы, т.е. внешний и внутренний, глазами «чужих» или «своих». Односторонность выбора в данном случае приведет либо к тенденциозности, либо к профанации. Сложность состоит не только в объективной невозможности отождествления исследователя с эпохой и конкретным народом, но и в зависимости от характера интерпретируемых исторических источников, которые, в свою очередь, тоже являются лишь интерпретацией. В силу этого при рассмотрении каких-либо вопросов каждый исследователь формирует свою «область исключенного»⁹⁰.

---

⁹⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С.59.

Эмпирическая история, собирание различных фактов, часто противоречащих друг другу, не в состоянии решить данную проблему, выход из этого затруднения возможен лишь на уровне теоретической истории.

Вторая проблема связана с неоднозначностью понятий «национальность», «этнос». Современная наука до сих пор не определилась с четким набором признаков, характеризующих этническую общность, неясны их количество, степень значимости⁹¹. В итоге не один из выделяемых в науке «этносов» не представляет собой системы признаков, их общности. Более того, само выделение признаков этноса, по мнению некоторых исследователей, есть нарушение правил формальной логики, — «мы знаем об этносе как определенной целостности, единстве признаков из опыта, но именно в опыте, к которому посредством «примеров» постоянно апеллируем, не находим оснований нашему знанию об этносе»⁹². Таким образом, в современной этнологии сосуществуют различные подходы к определению *этничности*. Основным признаком этноса называются язык, национальное самосознание, хозяйственная деятельность и т.д. Поэтому в данной работе, дабы избежать излишних недоразумений, понятия *буряты*, *эвенки (тунгусы)*, *тофы (карагасы)* употребляются в том значении, которое вкладывалось в них в начале XX в., т.е. это — группы людей, объединенных общностью, в первую очередь, языка. Язык как признак принадлежности к этносу чаще всего употреблялся в официальных документах, например, в сведениях по результатам переписи 1897 г. Однако следует иметь в виду, что иногда идентифицировать какую-либо группу «инородческого» населения достаточно сложно. Например, сведения о родившихся и умерших в конце XIX в. инородческие ведомства подавали по конфессиональным

---

⁹¹ Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 8. См. также: Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и этнические процессы. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993. С. 67; Дубова Н.А. Глобализация этнологии на пороге нового тысячелетия // Этнографическое обозрение. 2000. № 1. С. 19–38; Элез А.Й. Критика этнологии. М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2001. 304 с.

⁹² Бельков П.Л. О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. М.: Наука; Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993. С. 50.

группам. Термин «инородцы» употреблялся иногда не по отношению ко всему нерусскому населению, что само по себе уже осложняет этническую идентификацию, а по отношению к нехристианам. Фиксируются также случаи, когда образ жизни, быт становились главными аргументами при причислении тех или иных групп к определенному «этносу».

Итак, независимо от того, что мы понимаем под традицией, — уникальность или повторяемость, — очевидно, что при определении признаков традиционного хозяйства традиция противопоставляется современности. «Ведь даже утопическому мышлению нужна традиция — для контраста, как фон для оценки тенденций развития современности в направлении желанного будущего»⁹³. Традиционализм вообще предшествует современности, хозяйственный традиционализм предшествует развитию современных экономических отношений. При всей неоднозначности процесса развития экономики от традиционных форм к современным в различных странах и на различной почве, он означает в известной степени включение в мировую экономику, а значит, — унификацию экономической деятельности, потерю хозяйственного своеобразия. Поскольку нас интересуют *существенные* признаки традиционного хозяйства как системы, т.е. те признаки, без которых оно не существует, представляется вероятным предположить, что таковыми будут являться те формы и явления хозяйственной деятельности, которые имели место ранее, но отсутствуют ныне.

Следует, вероятно, сразу отбросить такие явления, связывающиеся с традиционными обществами, как стагнация хозяйственной жизни и скудность ее форм. Как справедливо заметил О. Шпенглер, «чем выше облако, тем медленнее оно движется», и мы считаем темпы развития неевропейских и древних народов медленными, а формы их организации неразвитыми потому, что «не научились учитывать отдаленность, внешнюю и внутреннюю»⁹⁴. Гораздо более существенное значение имеют другие признаки, которые по отдельности широко известны. Первым из них, по-видимому, нужно считать

---

⁹³ Козлова Н.Н. Ирония истории... С. 80.

⁹⁴ Шпенглер О. Закат Европы // Философия истории: Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 160.

прямую зависимость хозяйственной жизни от окружающих народ природных условий. В истории развития рыночных отношений можно отыскать факты, свидетельствующие об ориентации хозяйства на природные особенности. Например, когда завод строят вблизи от источника сырья. Однако в этом случае преследуется цель сокращения производственных издержек и, соответственно, увеличения прибыли. Если при данной на конкретный период времени конъюнктуре строительство завода будет обходиться дешевле, чем, например, снабжение его электроэнергией, то завод, скорее всего построят не рядом с сырьевой базой, а вблизи от источника энергии. В противном случае гидроэлектростанцию возведут на труднодоступном участке какой-нибудь горной речушки, но недалеко от завода. В отличие от современного производства, традиционная хозяйственная деятельность не приспособилась к окружающей среде, а сама приспособилась к ней. Главным аргументом при выборе определенного вида экономической активности служило не соображение выгоды по сравнению с другими видами, а сама возможность выжить в данных условиях. Под экономической активностью мы здесь понимаем деятельность, направленную на удовлетворение, в первую очередь, материальных потребностей, всегда связанную с взаимодействием с окружающей средой, из которой и извлекаются необходимые ресурсы. Безусловно, что и ранее, и сейчас, и в традиционном обществе, и в индустриальном, и в постиндустриальном человек неразрывно связан с природой необходимостью извлечения из нее ресурсов, но лишь в традиционном обществе он полностью зависим от нее. Эта зависимость выражается в приспособлении хозяйства к природным условиям, т.е., в конечном итоге, в формировании оптимального для данных условий *способа природопользования*, метода изъятия у природы необходимых для поддержания жизни ресурсов. Для русского крестьянина средней полосы это — залежное земледелие (бедные почвы должны были долго отдыхать), для бедуина — разведение неприхотливых для жизни в пустыне верблюдов, для бурят Забайкалья — скотоводство. Носители бурятского языка, придя в Прибайкалье, постепенно от скотоводческого хозяйства перешли к более подходящему к местным условиям земледельческо-скотоводческому. Кочевники-скотоводы эвенки

в условиях тайги стали жить охотой. Способ хозяйственной деятельности, таким образом, является, прежде всего, способом природопользования. Общество приспосабливается к природным условиям, а не приспосабливает природу под себя. Хозяйственная деятельность обусловлена природной целесообразностью и имеет объективный характер, т.е. не зависит от общества в целом или отдельных его членов. Сами хозяйственные традиции, т.е. отдельные компоненты системы традиционного хозяйства, направлены «на упорядочение взаимоотношений между обществом и экомиром в процессе обмена веществ между человеком и природой»⁹⁵. Прерывание связей с природой, приобретение «автономии» от нее знаменуют начало краха традиционного хозяйства.

С названным признаком теснейшим образом связан второй — натуральный характер хозяйства. Хозяйственная деятельность, поставленная в зависимость от природных условий, оптимально подходящая для них, позволяет все необходимое для жизни добывать или производить, не прибегая к обмену. Это не означает, что обмена нет как такового, но он не является ни основным способом распределения благ, ни главной формой существования экономических отношений. Приоритет натурального хозяйствования не обусловлен каким-либо способом природопользования, он в равной степени присущ и охотникам, и скотоводам, и земледельцам, и зависит от наличия или отсутствия излишков, а также востребованности этих излишков. Традиционное хозяйство начинает сдавать свои позиции тогда, когда имеющиеся излишки материальных благ становятся товаром, предметом обмена.

Само по себе естественное появление излишков в условиях традиционного хозяйства маловероятно по причине оптимальности его в конкретных природных условиях, а оптимальность эта подразумевает и наличие комплекса экологических традиций. Охотник-эвенк не убьет больше животных, чем нужно ему и его семье для пищи и одежды. Русский крестьянин не будет несколько лет подряд на одном поле сеять одну и ту же сельскохозяйственную культуру. Причина бережного отношения к природе не в иррациональной любви к ней, а в понимании необходимости разумного использова-

---

⁹⁵ Будаева Ц.Б. Экологические традиции... С. 18.

ния природных ресурсов, поскольку они должны обеспечить еще существование потомков. Это своего рода четкий экономический расчет, конечная цель которого — физическое сохранение народа (группы, рода, семьи). Нарушение этого расчета может быть инициировано только внешними факторами, например, влиянием соседних народов. Наличие природоохранных, экологических традиций является третьим признаком традиционного хозяйства.

Экологические традиции обуславливают целеполагание экономической деятельности. Экономическая деятельность, осуществляемая в рамках традиционного хозяйства, как и любого другого, направлена на создание благ, прежде всего, материальных, посредством потребления которых люди удовлетворяют свои потребности. Но при традиционном хозяйстве потребление благ не является целью, цель состоит именно в удовлетворении насущных потребностей. Безусловно, состав набора потребностей человека изменяется с течением времени, но главные из них, — потребности в пище, одежде, жилище, — остаются неизменными. Все они, в конечном счете, сводятся к *обеспечению простого воспроизводства*, воспроизводства сил каждого члена группы в отдельности и населения в целом. Это обстоятельство обусловлено ограниченностью природных ресурсов и трудоемкими технологиями. Еще А. Чаянов подметил, что, например, русский крестьянин, в отличие от предпринимателя, стремящегося получить наибольшую прибыль, озабочен главным образом обеспечением определенного уровня потребления семьи, соизмеряя с этой целью «тягостность» своих трудовых усилий. На определенном этапе потребности человека трансформируются в сторону отхода от простого воспроизводства, — не сытная, а вкусная пища, не удобная, а красивая одежда, не теплое, а престижное жилище и т.д. Появляется *потребность в потреблении благ*, не связанная напрямую с жизнеобеспечением. Названная трансформация и означает отход от традиционного хозяйства.

Принесение общественно важной идеи обеспечения воспроизводства жизненных сил группы в жертву *потребительству*, являющемуся незаменимым атрибутом современной цивилизации, является следствием победы индивидуализма над коллективизмом. Этот процесс, сопровождающийся об-

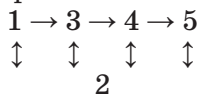
ретенением известной независимости от природы, потерей экологических традиций, переходом к товарному хозяйству, по сути является осознанием приоритета личных интересов над интересами общественными. Он проявляется в изменении социальной структуры — община (род) либо распадается, либо, формально сохраняясь, теряет контроль над некоторыми сторонами деятельности человека, в частности — над его экономической активностью. Неотъемлемым же признаком традиционного общества является именно примат общественных интересов. Следовательно, применительно к традиционному хозяйству мы должны говорить о контроле общества над хозяйственной деятельностью его членов. Этот контроль может осуществляться посредством перераспределения продуктов потребления, регламентации хозяйственной жизни, общественной собственности на средства производства или общественного пользования ими. В любом случае общество имеет рычаги, позволяющие разумно ограничивать проявления индивидуализма в хозяйственной деятельности. Экономическая сфера жизни общества в этом случае встроена в социальные отношения и зависит от них.

Таким образом, говоря о понятии «традиционное хозяйство» представляется возможным определить следующие его *существенные* признаки, т.е. такие признаки, без наличия которых традиционное хозяйство перестает быть таковым:

- прямая зависимость преобладающих способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий;
- натуральный характер хозяйственной деятельности;
- наличие комплекса экологических традиций;
- обеспечение минимума благ, необходимых для воспроизводства населения, как цель хозяйственной деятельности;
- контроль общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными.

Возможно, названными явлениями список признаков традиционного хозяйства не исчерпывается, но очевидно, что все вышеперечисленные таковыми являются. Эти признаки определяют традицию, в данном случае хозяйственную, как тип общественной жизнедеятельности. Другими словами, данные признаки характеризуют традиционное хозяйство *любого* народа (группы, «этноса»). Эти признаки и

представляют собой связи между отдельными компонентами системы традиционного хозяйства. Компонентами же выступают хозяйственные традиции — способы, приемы, правила получения материальных благ. Сами по себе эти способы, приемы и правила не могут характеризовать *традиционное хозяйство*, поскольку любая экономическая система, в том числе современная, имеет свои традиции, это делают именно названные признаки. Все признаки, в свою очередь, связаны между собой и в совокупности составляют *систему внутренних связей системы традиционного хозяйства*, которую схематично можно изобразить следующим образом (цифры соответствуют номеру признака в списке):

Из схемы следует, что основным признаком традиционного хозяйства следует считать зависимость хозяйственной деятельности от природных условий. Эта зависимость обуславливает формирование традиций природопользования, призванных обеспечить восстановление природных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения общества. Ограниченность ресурсов предполагает и разумное ограничение потребления, сводимого к обеспечению воспроизводства населения. Это, в свою очередь, требует осуществления контроля общества над хозяйственной деятельностью индивидов. Натуральный характер хозяйства взаимно обуславливается всеми остальными составляющими системы. Самым слабым звеном в данной системе является второй признак — натуральное хозяйство, — поскольку внешнее влияние или внутренние изменения этой стороны хозяйства (появление излишков) способно повлиять на трансформацию остальных признаков, которая, в свою очередь, может привести к разрушению системы в целом.

Тесная взаимосвязь названных признаков обеспечивает устойчивость хозяйственных традиций, воспринимаемых людьми априорно, как данность. В силу этого традиционное общество в целом и традиционное хозяйство в частности представляется застойным, не способным к развитию. Однако это не так. Система традиционного хозяйства обнаруживает поразительную гибкость и способность к прогрессивным

изменениям именно потому, что она обусловлена самой природой и естественной необходимостью. Вместе с тем, духовная власть обычаев и традиций, сохранение которых нивелирует влияние роста производительности труда, усложнение родоплеменных отношений, возникновение институционализированного сознания⁹⁶, оказывается бессильной перед внешними влияниями, пробуждающими меркантильные устремления индивидов. В таком случае система распадается.

Интегративным качеством системы традиционного хозяйства, т.е. таким качеством, которым характеризуется только система в целом, а не ее компоненты, взятые по отдельности, является автаркия. Эта самоудовлетворенность, опять-таки, обуславливается гармонией между обществом и занимаемым им природным ландшафтом, объективным характером структурных связей. Ни одна из составляющих систему хозяйственных традиций — промысловая, сельскохозяйственная, строительная и т.д. — не обладает такой самодостаточностью и устойчивостью по отношению к внешним влияниям, как традиционное хозяйство в целом. В этом смысле традиционное хозяйство является результатом оптимальной адаптации человека к конкретным природным условиям.

Предлагаемая схема, определяющая традиционное хозяйство как систему, предполагает, что внутренние связи между компонентами системы (т.е. хозяйственными традициями), так или иначе, связаны с природопользованием. Поскольку мы отталкиваемся от тезиса, определяющего экономику, в ряду прочего, как взаимодействие человека и природы, имеющего главной целью обеспечение, поддержание жизнедеятельности людей, устремление к более полному и лучшему удовлетворению человеческих потребностей, то системообразующим фактором традиционного хозяйства является способ природопользования. Способ природопользования, как абстрактное понятие, является основой всех признаков, тех, что связывают все элементы системы. Конкретный, оптимальный для данных географических,

---

⁹⁶ Пашинцев Е.В. Природа социальных отношений и социологический вектор мировой истории // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 256–257.

климатических и других природных условий способ природопользования является фактором, образующим систему традиционного хозяйства конкретной общности людей. При этом наряду с выделенными признаками системы могут фиксироваться и другие, которые не будут никак относиться к абстрактному понятию «традиционное хозяйство», но будут являться существенными признаками понятия, обозначающего традиционное хозяйство какой-либо общности, понятия, менее широкого по объему, но более богатого по содержанию. В этих-то дополнительных по отношению к выделенным пяти элементам компонентах и заключается второй смысл традиции. Ведь традиция — это еще и уникальность.

Предлагаемая интерпретация традиционного хозяйства как системы на первый взгляд близка принятому в географической науке понятию «система природопользования» и широко используемому этнографией понятию «хозяйственно-культурный тип», однако имеет ряд существенных отличий. Системы природопользования конструируются географами на основании выделения объекта *приложения человеческих усилий* (охотничье-промысловое, рекреационное, аграрное, недропользование, лесопользование). В свою очередь все они входят как подсистемы в «региональную систему природопользования»⁹⁷. В отличие от такой схемы, система традиционного хозяйства имеет этническую окраску. Хозяйственно-культурные типы в этнографии трактуются основателями теории М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым как «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»⁹⁸. «Хозяйственно-культурный тип», таким образом, также привязан к этносу, но в такой системе упор делается на элементы, а не на связи между элементами. Иными словами, в рамках изучения «хозяйственно-культурных типов» рассматрива-

---

⁹⁷ См.: Намжилова Л.Г., Тулохонов А.К. Эволюция аграрного природопользования...

⁹⁸ Цит. по: Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск: Изд. Уральского гос. ун-та им. А.М. Горького, 1970. С. 93–94.

ются отличия одного компонента от другого, а не то, что их связывает в единое целое. Применение системного подхода к традиционному хозяйству в изложенном выше варианте позволяет избежать этого.

Поскольку в данной работе речь идет о традиционном хозяйстве этнических общностей, нас будет интересовать, в первую очередь, характерные черты хозяйственной деятельности, восходящие к национальной идентификации. Безусловно, хозяйственная деятельность каждого «этноса» должна обладать рядом специфических признаков, присущих только ему. Вместе с тем, эти специфические признаки не должны противоречить общим признакам традиционного хозяйства вообще. Такие черты могут быть зафиксированы в традиционных способах природопользования и их соотношении. Однако выделение этих черт для всего «этноса» проблематично, поскольку способ природопользования зависит от природных условий, а условия эти чрезвычайно разнообразны. Если «этнос» достаточно многочислен и широко распространен географически, об «этническом» природопользовании можно говорить лишь с достаточной долей условности. Пример тому — традиционное хозяйство коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий. Традиционно бурят называют кочевниками-скотоводами, однако таковыми могут считаться лишь большинство групп забайкальских бурят. Для бурят Прибайкалья к концу XIX в. традиционными способами природопользования являлись земледелие, скотоводство, рыболовство и охота. В различных территориальных бурятских группах соотношение этих способов специфично. Немногочисленное население Алагуевского отдельного рода и Окинского ведомства Иркутского округа (уезда) специализировалось на скотоводстве, охоте и рыболовстве⁹⁹. На Ольхоне у местных бурят рыболовство по своему значению соперничало со скотоводством — им специально занималась треть населения¹⁰⁰. Остальные группы бурят занимались преимущественно земледелием и, дополнительно, скотоводством, причем значение последнего было

---

⁹⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 10, 84, 217.

¹⁰⁰ Левин Н.П. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне. С. 45.

неодинаково в разных ведомствах и даже родах. Хозяйство некоторых бурятских групп настолько было похоже на хозяйство русских крестьян, что это обстоятельство давало повод судить о тождественности бурятского и русского хозяйственного быта¹⁰¹. Отдельные группы эвенков также значительно отличались по способам природопользования и даже официально делились на «кочевых» и «бродячих», причем в каждом ведомстве проживали и те, и другие. Лишь тофы, ввиду своей малочисленности и известного однообразия природных условий мест проживания, могут претендовать на «этнический» характер природопользования. Подобная картина наблюдается у абсолютного большинства народов, причем, чем многочисленнее и распространеннее «этнос», чем различнее природные условия, в которых он проживает, тем разнообразнее системы традиционного хозяйства.

Итак, термин «традиционное хозяйство» может иметь, по крайней мере, два толкования. В широком смысле оно является целостным организмом, так как внутренние связи его сильнее внешних. Эти связи диктуются природной целесообразностью, и, соответственно, имеют общий знаменатель — некоторый способ природопользования. Под способом природопользования понимается метод извлечения природных ресурсов для удовлетворения потребностей, его конечная цель — жизнеобеспечение, в данном случае зависящее от природных условий. Другими словами, *традиционное хозяйство — это совокупность хозяйственных феноменов, представляющих собой целостную самоорганизующуюся систему, фактором образования которой является способ природопользования.*

В узком смысле, имея в виду конкретную общность людей, традиционное хозяйство характеризуется *преобладающим* в данной общности способом природопользования. Применительно к «этносу» говорить об уникальности традиционного хозяйства приходится лишь условно, поскольку и само понятие *этнoса* имеет неоднозначное толкование в науке. В этом случае преобладающий способ природопользования

---

¹⁰¹ См., напр.: РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 36об.; ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 2; НАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 583. Л. 26об.

означает такой способ, который применяется как основной большинством групп и (или) индивидов, относимых к данному «этносу». В нашем варианте речь идет о преобладающих способах природопользования коренных народов Иркутской губернии — *бурят* (земледелие), *эвенков и тофов* (охота).

Трансформация традиционного хозяйства: определение предмета

Предметом настоящего исследования является трансформация традиционного хозяйства коренного населения Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. Понятие «трансформация» может интерпретироваться очень широко, поэтому представляется важным рассмотреть проблемные вопросы, связанные с этим понятием. К таковым вопросам, имеющим непосредственное отношение к данной работе, относятся: 1) определение смысла понятия «трансформация традиционного хозяйства»; 2) определение характера трансформации, под которым имеется в виду совокупность черт, позволяющая говорить о эволюционности или революционности данного процесса.

В широком смысле трансформация (от позднелатинского *transformatio* — превращение) — это любое изменение. Но изменения бывают разные, — они могут касаться формы и содержания явления, связей системы и непосредственно ее элементов, они могут придать системе новое интегративное качество, а могут совершенно ее разрушить. Если мы говорим о трансформации как об *изменении* системы, мы тем самым признаем ее сохранение в результате трансформационных процессов. Если мы заведомо признаем трансформацию *превращением*, следует признать, что система перестает существовать, по крайней мере, в прежнем виде. Думается, что обе позиции грешат тенденциозностью, поскольку общий результат трансформации, достигнутая ею цель заранее предопределены выбором толкования термина. Разумный подход к идентификации трансформации должен быть основан как раз на обратном — на определении цели процесса. «Единство вырастает из смысла, к которому движется история, смысла, который придает значение тому, что без него было бы в

своей разбросанности ничтожным»¹⁰². Это высказывание Карла Ясперса в полной мере можно отнести и к процессу трансформации традиционного хозяйства.

В послевоенной литературе существуют четыре направления анализа экономического развития традиционных обществ: 1) модель линейных стадий роста; 2) теория структурных преобразований; 3) революционная теория (предполагающая внешнюю зависимость общества); 4) неоклассическая контрреволюция на основе идей свободного рынка¹⁰³. Все эти теории, однако, целью процесса экономической трансформации видят установление рыночных отношений в различных их формах (от «государства всеобщего благоденствия» и «демократического социализма» до «общества потребления»). Наиболее полно разработанная и популярная теория такого рода, теория стадий экономического роста У. Ростоу, переход из стадии в стадию, в том числе от «традиционного общества» к «индустриальному», связывает с научно-техническим прогрессом, развитием технологий. Часто экономическая трансформация в рассматриваемый период связывается с модернизацией. Модернизация же, в свою очередь, опять таки понимается как становление общественной системы, характеризующейся рыночными отношениями в экономике и либеральным демократизмом в политике. Вот некоторые широко известные признаки модернизации, выделенные западными учеными и взятые на вооружение современными отечественными исследователями: 1) право на владение и распоряжение собственностью; 2) свободное формирование объединений; 3) законодательное закрепление и неотчуждаемость гражданских и политических прав человека; 4) представительное правление и разделение властей; 5) экономический и политический плюрализм; 6) вертикальная и горизонтальная социальная мобильность; 7) рациональная бюрократия. Очевидно, что в соответствии с этой теорией, если процесс изменения традиционного хозяйства

---

¹⁰² Ясперс К. Смысл и назначение истории // Философия истории: Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 201.

¹⁰³ См.: Абрамов А.Н. Становление новой хозяйственной системы в процессе трансформации традиционного общества (Вопросы теории): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1999. 24 с.

не приводит к формированию рыночной (другими словами, капиталистической) экономики, то он не имеет права называться модернизацией. Представляется, что применительно к традиционному хозяйству использование такого понимания трансформации может быть оправдано лишь отчасти, — ведь с другой стороны, вступление на путь модернизации не обязательно должно означать повторение западного варианта развития экономики. Для России начала XX в. такая постановка вопроса очень актуальна, ведь она тогда еще не являлась «индустриальной» страной, соответственно хозяйство, например, коренных сибирских народов не могло интегрироваться в рыночную экономику, а значит, говорить о модернизации этого хозяйства не имеет смысла.

Отступить от позиций европоцентризма и вообще поднять учение об экономическом развитии на качественно новый уровень попытался К. Поланьи, один из основоположников субстантивизма. Он называл «великой трансформацией» процесс выделения экономики из социальной сферы, ее «автономизацию». Экономические отношения при этом не только перестают подчиняться социальным институтам, но превращаются для них в свою очередь в довлеющую силу. Обмен для К. Поланьи является лишь формой экономической деятельности, наряду с реципрокностью (взаимностью) и редистрибуцией (перераспределением)¹⁰⁴. В ходе «великой трансформации» обмен обычно превращается в главную форму, но это не означает полное отступление от использования других экономических форм. Более того, сам Поланьи считал, что формирующийся в результате «великой трансформации» так называемый саморегулирующийся рынок не является в полном смысле прогрессивным для человечества, поскольку в нем интересы всего общества оказываются на втором плане по отношению к интересам немногих, владеющих основными средствами производства. Думается, что такое понимание поступательного развития экономики позволяет более широко, более объективно интерпретировать процессы изменения хозяйственных традиций.

---

¹⁰⁴ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс. С. 68.

Видный русский экономист начала XX столетия, министр народного просвещения Временного правительства профессор А.А. Мануйлов в октябре 1917 г., в один из самых драматич-ных моментов российской истории, писал, что существует два пути развития экономики в современных условиях. Первый путь — формирование «государственной и общественной организации народного хозяйства», путь социализма. Второй путь — «путь *индивидуалистического* народного хозяйства, путь капитализма». Говоря о том, что из двух путей для Рос-сии «открыт *теперь* [курсив наш. — А. К.] только второй», А.А. Мануйлов тем самым, по-видимому, не исключал воз-можности обращения к социализму до Первой мировой вой-ны и революции 1917 г. Не отказывается он и от государствен-ного вмешательства в экономику¹⁰⁵. В целом взгляды ученого соответствуют теориям «трансформации капитализма», но интересно, что, несмотря на кардинальные различия двух путей, он называет одну *цель* — развитие производитель-ных сил. Под условиями развития производительных сил А.А. Мануйловым понимались «поднятие продуктивности почвы как основного фактора сельского хозяйства, широкая разработка естественных богатств и максимальное повыше-ние производительности труда»¹⁰⁶. Нетрудно понять из слов А.А. Мануйлова, что, во-первых, под экономическим разви-тием имеется в виду реконструкция экономической струк-туры в соответствии с *новыми условиями, новыми социаль-но-экономическими и политическими реалиями*, во-вторых, успешность развития ставится в зависимость от форсирован-ной эксплуатации природных ресурсов. По сути, последнее означает известное освобождение общества от зависимости от природных условий, т.е. коренную трансформацию главного признака традиционного хозяйства. Очевидно, что это осво-бождение возможно при условии достижения определенного технологического уровня. Но в итоге данный процесс не обя-зательно должен привести к формированию рыночной эконо-мики. Государство может взять на себя часть обязанностей по

---

¹⁰⁵ Мочалова И. Архивная находка. Профессор А.А. Мануйлов: «Путь спасения России может быть только один...» // Родина. 1994. № 1. С. 70–71.

¹⁰⁶ Там же. С. 70.

контролю над экономическими отношениями. Применительно к традиционному хозяйству это будет означать не просто ликвидацию традиционного хозяйства как системы, что обязательно произойдет при модернизации по западному образцу, а перенесение такой функции общества, как контроль за индивидуальной экономической деятельностью, на государство. Другими словами, интеграция традиционного хозяйства в экономику рыночную сулит большие потрясения и менее предпочтительна для группы, нежели интеграция в экономику, в той или иной степени регулируемую государством.

Ряд современных исследователей, в том числе Д.Д. Мангатаева, видят трансформацию традиционного хозяйства в «реформировании» трудовой деятельности, нарушении экологического равновесия, в конечном счете, — потере «премущественности традиционной культуры»¹⁰⁷.

Представляется, что соединение названных принципов может быть применено для определения трансформации традиционного хозяйства.

Во-первых, трансформация есть приспособление традиционного хозяйства к новым социально-экономическим и политическим (а не природным) условиям. Известный советский этнограф В.В. Карлов, выделяя стадии традиционного и индустриального обществ, указывал на то, что переход общества к индустриальной стадии сопровождается дифференциацией видов деятельности и появлением обмена¹⁰⁸. Таким образом, новые условия заключаются в формировании факторов, способствующих появлению производственной специализации этноса. Как правило, если мы говорим, например, о коренных народах Сибири в рассматриваемый период, эти условия связаны с внешней по отношению к традиционному хозяйству средой. Однако ряд изменений может порождаться и внутренними предпосылками, например, переход к товарному хозяйству по причине появления излишков продукции. В этом контексте трансформация может отождествляться с модернизацией.

---

¹⁰⁷ Мангатаева Д.Д. Трансформация традиционной культуры... С. 135–136.

¹⁰⁸ Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР. С. 51.

Во-вторых, трансформация означает преодоление прямой зависимости хозяйственной жизни от природных условий. Это выражается в интенсификации хозяйства, изменении хозяйственных форм, способов природопользования, развитии технологий. Изменения, происходящие в самой основе традиционного хозяйства, в свою очередь порождают трансформацию социальных отношений.

Наконец, *в-третьих*, трансформация связана со стремлением экономических отношений выйти из-под контроля со стороны социальных институтов, в первую очередь общины.

Однако освобождение индивидуальной экономической инициативы от опеки общины не исключает контроля над ней государства. Даже в классических капиталистических обществах государство активно влияет на экономическую жизнь. В противном случае потребительская психология становится самым невинным результатом саморегулирующегося рынка, неизбежна высокая степень имущественной дифференциации и социальная нестабильность, свидетелем которой человечество было на протяжении всего XX столетия. Преодоление известной изоляции традиционных обществ, безусловно, неизбежно и даже необходимо в ходе экономического прогресса, но оно не обязательно предполагает копирование западной экономической модели. Другими словами, результат успешной трансформации не обязательно должен быть связан с формированием рыночных отношений, но неизбежно предполагает интеграцию традиционного хозяйства в экономику региона, страны, мира в целом.

Таким образом, в данной работе под трансформацией традиционного хозяйства понимается такой *процесс, в ходе которого традиционное хозяйство вливается в более обширную экономическую систему, в которой способ природопользования теряет свое системообразующее значение*. Последнее обстоятельство инициируется дифференциацией хозяйственной деятельности, базирующейся на известном технологическом уровне, позволяющем, в определенной степени, преодолеть зависимость от природной среды. Результаты трансформации в этом случае следует рассматривать в контексте либо полной ликвидации традиционного хозяйства, либо во вхождении его в современную экономическую систему в качестве составной части (подсистемы).

Результаты трансформации во многом зависят от ее характера. Известный этнограф и историк Сибири С.П. Швецов в работе «Этнография и народное хозяйство» писал: «Он [быт — А. К.] является, как неотвратимый результат длительных взаимоотношений живущего и хозяйствующего человека и окружающей природы, создающих как хозяйственные формы, так и формы общения людей между собой, которые находятся в полной гармонии с окружающей природой и живущим и действующим в ее обстановке человеком»¹⁰⁹. Нарушение этой гармонии форсированным путем, как правило, чревато серьезными последствиями. Трансформация, инициированная внутренним развитием общества, подразумевает постепенность, медленное развитие процесса, эволюционность. В противоположность ей, быстрый, революционный характер изменений, как правило, являющийся следствием внешнего влияния, почти с неизбежностью должен привести к краху традиционного хозяйства, влекущему за собой тяжелые последствия социально-экономического, зачастую — и демографического плана. Чаще всего инициатором такой трансформации называют государство. Новейшая отечественная история знает немало примеров, когда государство своей властью форсировало процесс интеграции традиционного хозяйства в общенациональную экономику. С.П. Швецов, писавший свою работу в 1928 г., в преддверии «большого скачка», предостерегал: «Изменение хозяйственных форм — охотничьих промыслов, скотоводства, земледелия, — переход от одной ступени к другой, высшей — процесс, совершающийся в отдельных частях хозяйственной деятельности, при том мелких, молекулярный, незаметный для глаза, как незаметно для нас движение часовой стрелки; мы можем судить о нем лишь во времени, путем сопоставления хозяйства в различные моменты, разделенные между собой достаточным количеством времени. Всякий иной характер изменений в хозяйстве будет для него катастрофическим, потрясающим, чаще всего»¹¹⁰. С.П. Швецов напрямую связывает высокую скорость протекания трансформационных процессов и их тя-

---

¹⁰⁹ Швецов С.П. Этнография и народное хозяйство. Л. 5–6.

¹¹⁰ Там же. Л. 11.

желые последствия, которые, по-видимому, свидетельствуют о низкой эффективности трансформации.

Однако отождествление эволюции с постепенностью, революции с форсированной ломкой устоявшихся традиций односторонне и дает представления отнюдь не обо всех оттенках данных понятий, а лишь о темпах трансформации. Применительно к традиционному хозяйству, по-видимому, правильнее говорить не только о темпах, но и об органичности трансформационных процессов, их соответствии внутренним связям системы. Действительно, допустим, переход тофов к оседлому образу жизни в 1920-х гг., осуществленный всего за несколько лет, вряд ли имел для традиционного хозяйства (не для народа в целом) большие последствия, чем до этого растянувшийся на десятилетия процесс вовлечения жителей Тофаларии русскими купцами в товарный промысел пушнины. В результате первого процесса, несмотря на все его негативные стороны, тофы сохранили традиционный способ природопользования и получили возможность интенсифицировать его, в ходе второго был основательно поколеблен натуральный характер хозяйства, что в итоге приводило к девальвации роли общины и отступлению от основополагающего принципа природной целесообразности. Государственное «давление» Российской империи и СССР, стремящееся к установлению контроля государства над природными ресурсами и экономической деятельностью населения Сибири, осуществляемое директивными методами, позволило сохранить традиционные хозяйственные системы большинству коренных сибирских народов. Постепенная свободная колонизация европейцами североамериканского континента, подразумевавшая распространение «саморегулирующегося» рынка, привела не только к ликвидации традиционных хозяйственных форм индейцев, но и к их почти полному физическому уничтожению. В данном случае именно трансформация по направлению к рынку имеет черты революционного характера, в то время как форсированная трансформация, инициированная государством, но имеющая целью «огосударствление» экономики, выступает как эволюция традиционного хозяйства, приспособление его к новым социально-экономическим условиям. В этой связи, применительно к России, интересно высказывание А.Н. Бо-

ханова, специалиста по социально-экономической и политической истории дореволюционной России: «...Весь опыт моей профессиональной работы с историческим материалом наводит на мысль о том, что власть, именно власть традиционная, воплощенная в реальности самодержавия, больше и лучше понимала и чувствовала почву, чем любые «генераторы идей» и либеральные реформаторы, вне зависимости от того, стояли они «у руля» или были в оппозиции»¹¹¹.

Итак, вопрос об определении характера трансформации традиционного хозяйства лежит в плоскости степени затрагивания внутрисистемных связей между отдельными элементами системы. Революционный характер трансформация имеет в том случае, если происходящие изменения приводят к *поглощению* хозяйственных традиций внешней (новой) экономической системой, их нивелированию на фоне более развитых и самостоятельных экономических институтов. Это — коренная ломка, перестройка содержательной компоненты хозяйственной деятельности. Эволюция традиционного хозяйства подразумевает постепенное приспособление его к новым условиям, при этом хозяйственные традиции не поглощаются, а, частично сохраняясь, частично видоизменяясь, *сливаются* с внешней экономической системой. При этом на протяжении длительного времени традиционная специфика, в частности, этническая, может сохраняться в самом характере труда. Так, например, интегрированное в общероссийскую экономику хозяйство бурят Прибайкалья сохранило такие черты, как значительные масштабы животноводства, некоторые технологические приемы (орошение и унавоживание сенокосных мест). В хозяйстве иркутских эвенков, несмотря на развитие у них товарной охоты, в значительной степени остались неизменными природоохранные традиции¹¹². Различие двух типов характера экономической трансформации и ее последствия применительно к сибирским «инородцам», на наш взгляд, очень хорошо видны из следующего высказывания С.П. Швецова, рассматривавшего, в частности, проблемы перевода кочевников-скотоводов

---

¹¹¹ По плечу ли России европейский камзол // Родина. 1995. № 8. С. 20–24.

¹¹² Будаева Ц.Б. Экологические традиции... С. 53–54.

на оседлую земледельческую жизнь: «...Содействие развитию хозяйственных форм для населения, вынужденного условиями внешней среды к занятию скотоводством, соединенным с перемещением пастбищ, должно быть направлено не в сторону перехода от скотоводства к земледелию, так как это, кроме потрясения хозяйства и обнищания самих скотоводов решительно ничего дать не может, а в сторону развития *новых форм внутри самого скотоводческого хозяйства* [курсив наш. — А. К.], его наибольшего приспособления к всесторонним интересам самого скотовода»¹¹³. Думается, что эти слова можно с уверенностью отнести не только на счет скотоводов, но и народов, занимающихся другими традиционными видами хозяйствования.

Подводя итог изложенному в главе, при освещении проблем, вынесенных в заголовок настоящей работы, предлагается учитывать следующие положения:

1. Традиционное хозяйство представляет собой систему социально-экономических отношений, определяемых способом природопользования. Способ природопользования, в свою очередь, зависит от конкретных природных условий, выступающих по отношению к обществу как объективная данность.

2. В силу многообразия природных условий, в которых могут проживать представители одного «этноса», «этническое» хозяйство, его самобытность, определяются, как правило, не одним способом природопользования, а их комплексом. Поэтому, рассматривая систему традиционного хозяйства и ее системообразующий фактор, следует говорить, в первую очередь, о преобладающем способе природопользования.

3. Трансформация традиционного хозяйства имеет целью приспособление хозяйственной жизни к новым социально-экономическим условиям, подразумевающим интеграцию традиционных хозяйств в более широкую экономическую систему (региональную, общенациональную, мировую). Трансформация в данном контексте не должна рассматриваться в обязательной связи с распространением рыночных отношений.

---

¹¹³ Швецов С.П. Этнография и народное хозяйство. Л. 13–14.

4. Революционный или эволюционный характер трансформации традиционного хозяйства определяется не столько ее темпами, сколько степенью сохранения в интегрированной экономической системе специфических черт.

Далее мы будем рассматривать основные проблемы трансформации традиционного хозяйства коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. Для бурят Прибайкалья в рассматриваемый период многогранный процесс трансформации традиционного хозяйства тесно связан с проводимой властями землеустроительной реформой. Реформа, ограничивая землепользование бурят, непосредственным образом влияла на *основные* традиционные способы природопользования — земледелие и скотоводство. Реформа, начатая в 1898 г. и продолжавшаяся вплоть до 1917 г., явилась проявлением не только экономической политики государства по отношению к сибирским «инородцам», но и общей направленности трансформации. Она иллюстрирует методы хозяйственного управления центральной и местной администраций, позволяет судить о характере и итогах трансформации вообще. Можно сказать, что реформа землеустройства, ее предпосылки, характер и результаты составляют основное содержание трансформационных процессов, коснувшихся хозяйства прибайкальских бурят на рубеже XIX–XX столетий. Реформа землеустройства не затронула тофов и эвенков, в силу особенностей их хозяйства, — основными способами природопользования у них являлись охота и транспортное оленеводство. По этой причине рамки трансформации эвенкийского и тофаларского хозяйств представляются несколько расплывчатыми, и соотнесение трансформации с рассматриваемым периодом, на первый взгляд, не в полной мере оправдано. Однако именно к концу XIX в. по ряду причин в хозяйственных системах активизировались такие процессы, как интенсификация скотоводства и земледелия (у эвенков), а особенно, — переориентация охоты на товарный промысел.

РЕФОРМА ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Предпосылки реформы землеустройства бурят Прибайкалья

Большинством исследователей процесс трансформации бурятского хозяйства в Прибайкалье в конце XIX — начале XX вв. связывается с переходом бурят от занятия преимущественно скотоводством к занятию главным образом земледелием и от полукочевой к оседлой жизни. Интенсификация земледелия у иркутских бурят, в свою очередь, тесно связана с проводимой с 1898 г. реформой землеустройства сибирских «иностранцев». Реформа, таким образом, является ярким проявлением трансформации традиционного бурятского хозяйства, вызванным изменениями внешних условий. Иначе говоря, реформа землеустройства представляет собой одно из проявлений влияния государства на процессы изменения традиционных хозяйственных форм.

Вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства коренного сибирского населения, довольно часто являлись предметом рассмотрения историков. Подробно эти вопросы, применительно к прибайкальским бурятам, исследовали в своих работах, в частности, И.А. Асалханов и Л.М. Дамешек¹¹⁴. Обычно исследователи, вслед за выводами авторов «Истории Сибири», негативно оценивают землеустроительную реформу, подчеркивая, что она способствовала консервации общинного землепользования, что сдерживало развитие товарных отношений, и нанесла ощутимый удар по материальному благополучию и хозяйственным традициям бурят. Представляется, что есть необходимость взглянуть на проблему землеустройства иркутских бурят под другим

---

¹¹⁴ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 45–74; История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. С. 204–223; Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма... С. 123–127.

углом зрения, а именно, — понимая ее как одну из проблем трансформации традиционного хозяйства. Необходимость такого взгляда диктуется распространенным мнением о гибельности для традиционного образа жизни коренных народов процессов модернизации российского общества в конце XIX–начале XX вв. Данный тезис кратко сформулирован редактором сборника «Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации»: «Одним из главных итогов модернизации является разрушение традиционного общества, которое отличали низкая географическая и социальная мобильность, что обеспечивало индивидам знакомый, соответственно, комфортный способ существования»¹¹⁵.

Поземельное устройство Восточной Сибири определялось «Главными основаниями поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» 23 мая 1896 г. и «Правилами о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» 4 июня 1898 г.¹¹⁶ Основным содержанием

---

¹¹⁵ Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX–первая треть XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2003. С. 7.

¹¹⁶ Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 1–6; Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. С. 59–61; Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 25–57; Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. С. 61–80.

ем земельной реформы являлось ограничение земель, находящихся в пользовании, 15 дес. на мужскую душу, независимо от сословной принадлежности. Для Иркутской губернии вопрос земельного передела стоял наиболее остро, поскольку неизбежно сталкивался с проблемой традиционного землепользования коренного населения края, в первую очередь бурят. Буряты, являясь одним из самых многочисленных народов Сибири, занимали огромные пространства, удобные для земледелия. Неудивительно, что реформа землеустройства, распространявшаяся на все казенные земли, коснулась в первую очередь бурятского населения. Буряты потеряли часть земель и, в результате, «были вынуждены перейти на оседлый образ жизни, отказаться от периодических кочевок, все интенсивнее заниматься земледелием»¹¹⁷.

Безусловно, политика царского правительства по отношению к коренному населению Сибири повлияла на распространение среди бурят земледелия. Однако перевод «инородцев» на хлебопашество не являлся для правительства главной целью. Реформу землеустройства чаще всего называют одним из проявлений важного направления государственной политики, связанного с интенсификацией русской колонизации Сибири. Малоземелье крестьян европейской части Российской империи требовало принятия серьезных мер. В условиях незыблемости помещичьего землевладения переселение крестьян на «свободные» земли, прежде всего в Сибирь, представлялось правительству наиболее безболезненной мерой. Поскольку «инородцы», в том числе буряты, пользовались значительными площадями, колонизационный земельный фонд должен был быть сформирован именно за счет них.

Поощрение переселения крестьян в Сибирь началось задолго до столыпинских реформ. Еще в середине XIX в. встал вопрос о разграничении казенных земель Сибири в интересах колонизации. Хотя по вопросу колонизации Сибири уже тогда существовали различные точки зрения (часть политиков и общественных деятелей считала Сибирь «обузой» для России)¹¹⁸. Тем не менее, обстоятельства требовали скорейшего

---

¹¹⁷ Богданов Г.Н. бурятское население Иркутской области... С. 25.

¹¹⁸ См.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX–начала XX вв. Омск, 1997. 253 с.

решения земельного вопроса. В 1889 г. была в значительной степени облегчена процедура переселения и причисления переселенцев к крестьянскому сословию, что определяло их правовой статус. Закон 1896 г. и Правила 1898 г., ограничивающие наделы 15 десятинами, способствовали созданию земельного переселенческого фонда и создали правовую основу для перечисления «инородцев» Сибири из разряда кочевых в разряд оседлых с последующим в перспективе их причислением к крестьянскому сословию. Волостная реформа 1901 г. предусматривала распространение волостной организации на земли «инородцев». Наконец, реформа П.А. Столыпина заставила местные власти активизировать процесс землеустройства, санкционированный ранее изданными законами.

Но у переселенческой политики царского правительства была и более далекая и важная цель — освоение сибирских пространств, удержание их за российской короной в новых условиях, прежде всего в условиях роста влияния в бассейне Тихого океана Японской империи и США. В этой связи переселение крестьян в Сибирь, связанная с этим реформа землепользования коренного населения и строительство Транссибирской железнодорожной магистрали представляются отдельными этапами исторического процесса движения России на восток, объективно обусловленного географическим положением и историческим развитием Российского государства. Один из чиновников Иркутской поземельно-устроительной партии в 1910 г. прямо назвал одной из целей землеустройства «необходимость уничтожить тот барьер для расширения культурной площади страны, который представляют из себя малолюдные территории бурятских ведомств»¹¹⁹.

Однако вряд ли можно говорить о том, что за ничтожный для истории промежуток времени (около двадцати лет), в течение которого осуществлялись землеустроительные работы, бурятское хозяйство полностью переориентировалось со скотоводства на земледелие и перешло к оседлой жизни. Изменения хозяйства протекают постепенно. Тем более что землеустройство проходило неспешно и так и не было закончено к 1917 г. Гораздо логичнее было бы предположить, что

---

¹¹⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 218. Л. 25.

трансформационные процессы имели определенные предпосылки внутри самого традиционного бурятского хозяйства.

Первой такой предпосылкой можно считать широкое распространение хлебопашества среди бурятского населения Прибайкалья, не только до землеустроительной реформы, но и до прихода в Сибирь русских. Выращивали в основном просо, позднее — гречиху и ячмень¹²⁰. Более того, археологические и этнографические данные указывают на то, что земледелие в Прибайкалье носит непрерывный характер, начиная с бронзового века¹²¹. Конечно, древняя земледельческая традиция Прибайкалья не обязательно может быть связана с бурятским этносом, но, по крайней мере, для конца XVIII–начала XIX вв. факт широкого распространения земледелия у иркутских бурят не подлежит сомнению. В это время, по всей вероятности, земледелие у прибайкальских бурят начинает постепенно вытеснять скотоводство. Вместе с тем отмечается, что с XVIII в. хлебопашество превратилось для бурят в «основное и постоянное» занятие, а к концу XIX в. земледелием в Иркутской губернии занимались все буряты, за исключением ольхонцев и бурят Алагуевского рода¹²². Масштабы распространения земледелия были столь значительны, что вызывали беспокойство властей за будущее животноводства в крае. В документе, относящемся к 1812 г., найденном в начале XX в. в одной из волостей Верхотенского уезда и опубликованном в журнале «Сибирский архив», говорится: «Губернское правительство между прочим усмотрело, что, при маловажном земледелии у большей части братских скотоводство их год от году приходит до того в упадок, что можно считать его ничего не значащим. Известно, что здесь в прежние времена, когда братские совсем или очень мало занимались хлебопашеством, скотоводство было в возможно цветущем состоянии. По сему судя, полагать должно, что распространение земледелия у братских есть причина упадка скотоводства, ибо вместо того, что сие новое занятие должно бы сделать их трудолюбивейшими, они на-

---

¹²⁰ Будаева Ц.Б. Экологические традиции... С. 65.

¹²¹ См.: Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII–начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 24 с.

¹²² Дресвянский Ф.Д. Земледельческое освоение... С. 151, 155.

против, получая нужное содержание от хлебопашества, стали нерадивейшими к скотоводству»¹²³. В начале XIX в. еще не стоял вопрос о перераспределении земель «инородцев», поэтому озабоченность чиновников распространением у бурят земледелия в ущерб скотоводству представляется достаточно искренней.

С течением времени хлебопашество становится основным занятием для многих бурят. С 1867 по 1887 гг. посевы иркутских бурят увеличились на 42,5%¹²⁴. По данным местной подворной переписи 1887–1889 гг., предпринятой в интересах исследования сельских районов губернии в преддверии грядущей реформы, в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах площадь пашни по отношению ко всей «удобной» земле среди русских волостей варьируется от 7,0 до 37,9%, среди бурятских ведомств — от 2,8 до 30,8%. В Верхоленском округе среди ведомств этот показатель колеблется в пределах 4,7–31,5% при среднем значении 15,2% в волостях¹²⁵. Исследователи отмечают, что в целом, в сравнении с территориями, населенными преимущественно русскими, у «инородцев» меньше пашни и больше покосов, что косвенно может свидетельствовать о еще значительной роли скотоводства в бурятском хозяйстве. Однако, показатель площади пашни к площади всей удобной земли, будучи показателем количественным, не может являться главным признаком, характеризующим уровень развития земледелия. Например, упомянутая минимальная величина для бурятских ведомств (2,8%) относится к единственному в Нижнеудинском уезде ведомству (Нижнеудинская земля), население которого давно перешло к оседлому образу жизни, имело статус оседлых, а не кочевых «инородцев» и занималось почти исключительно земледелием. Малая величина площади пашни к площади удобной земли здесь объясняется тем, что в пользовании нижнеудинских бурят находились огромные лесные пространства, также включаемые в разряд «удобных земель». Поэтому гораздо более важным показателем

---

¹²³ К истории бурятского хозяйства. С. 170.

¹²⁴ История Сибири. Т. 3. С. 88.

¹²⁵ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 39; Вып. VI. С. 67.

телем представляется величина площади пашни, приходящейся на человека. В нашем распоряжении есть данные подворной переписи о площади пашни на приписную душу у «инородцев». Эта величина составляла: в Иркутском округе — 3,1, в Балаганском — 5,5, в Нижнеудинском — 3,5, в Верхоленском — 4,0 десятины. Разумеется, что это лишь средние цифры, они значительно разнятся по отдельным бурятским ведомствам и русским волостям. Значительную роль в этом вопросе играет географическое положение (табл. 1).

Таблица 1

Площадь пашни (с залежами) на приписную душу в бурятских ведомствах Иркутской губернии по результатам местного исследования 1887–1889 гг.¹²⁶

Ведомства	Десятин
<i>Иркутский округ</i>	
Кудинское	3,8
Капсальское	4,3
Китойское	4,2
Тункинское	1,9
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	3,1
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	3,4
<i>Балаганский округ</i>	
Молькинское	4,4
Улейское	5,8
Бильчирское	5,7
Укырское	9,5
Боханское	7,5
Балаганское	4,0
Аларское	6,2
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	5,5
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	4,7
<i>Нижнеудинский округ</i>	
Нижнеудинская земляца	3,5
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	3,5
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	4,7
<i>Верхоленский округ</i>	
Верхне-Кудинское	2,8
Баендаевское	4,3

¹²⁶ Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 106; Вып. III. Приложение IV. С. 42–43; Вып. VI. С. 91.

Ведомства	Десятин
Хоготовское	4,6
Куленгское	3,2
Ленское	4,7
Ангинское	4,4
Ольхонское	нет данных
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	4,0
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	3,1
<i>Средний показатель по губернии по бурятским ведомствам</i>	4,0
<i>Средний показатель по губернии по русским волостям</i>	4,0
<i>Средний показатель по губернии</i>	4,0

Наряду с районами животноводческими (например, Тункинская долина), существовали ведомства исключительно земледельческие. Так, в Боханском и Укырском ведомствах Балаганского округа «почти все население занято земледелием»¹²⁷, площадь пашни здесь составляла 7,5 и 9,5 дес. на приписную душу соответственно (последнее значение — наибольшее по губернии). В трех ведомствах из четырех Иркутского округа этот показатель превосходил среднюю величину по крестьянским волостям того же округа. В целом, величины площади похотных земель, находящихся в пользовании «иностранцев» и русских крестьян, вполне сопоставимы. Однако и показатель площади пашни на приписную душу не отражает реального положения дел, поскольку, во-первых, количество приписного и наличного населения различно¹²⁸, во-вторых, в состав пашни входят как запашка («мягкая пашня»), непосредственно обрабатываемая, так и залежи. Поэтому более объективными являются данные о площади запашки.

Анализ фактов свидетельствует, что площадь запашки в ведомствах в целом по губернии даже выше, чем в волостях (табл. 2).

¹²⁷ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 7.

¹²⁸ Численность наличного населения также не может быть определена точно. Например, по переписи 1897 г. в Иркутской губернии числилось 514 267 человек наличного населения, постоянного населения было 515 132 человек. В то же время по полицейским спискам в губернии проживало лишь 471 188 человек (Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 107).

Таблица 2

**Площадь мягкой пашни на наличную душу (обоего пола)
в бурятских ведомствах Иркутской губернии по результатам
местного исследования 1887–1889 гг.¹²⁹**

Ведомства	Десятин
<i>Иркутский округ</i>	
Кудинское	1,8
Капсальское	2,1
Китойское	2,0
Тункинское	1,0
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	1,7
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	1,8
<i>Балаганский округ</i>	
Молькинское	2,0
Улейское	2,8
Бильчирское	2,7
Укырское	3,9
Боханское	3,5
Балаганское	3,0
Аларское	2,8
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	3,0
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	2,3
<i>Нижнеудинский округ</i>	
Нижнеудинская земляца	1,9
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	1,9
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	2,2
<i>Верхоленский округ</i>	
Верхне-Кудинское	1,2
Баендаевское	1,7
Хоготовское	1,9
Куленгское	1,7
Ленское	2,1
Ангинское	2,2
Ольхонское	нет данных
<i>Средний показатель по округу по бурятским ведомствам</i>	1,8
<i>Средний показатель по округу по русским волостям</i>	1,5
<i>Средний показатель по губернии по бурятским ведомствам</i>	2,1
<i>Средний показатель по губернии по русским волостям</i>	2,0
<i>Средний показатель по губернии</i>	2,0

¹²⁹ Составлено по: Материалы по исследованию землепользования...
Т. II. Вып. IV. С. 92–93; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 62, 67, 72, 77.

Приходится признать, что уровень развития земледелия у бурят если и уступал таковому у русских, то ненамного. Помимо больших площадей пашни об этом свидетельствуют и преобладающая у бурят система земледелия, аналогичная системе русских крестьян (двуполье)¹³⁰, и широкое распространение колесухи (сохи на тележной оси)¹³¹, и (косвенно) мало отличающаяся от крестьянской урожайность зерновых (табл. 3)

Таблица 3

Средняя урожайность зерновых культур в русских волостях и бурятских ведомствах Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского округов Иркутской губернии в конце XIX в.¹³²

Культура	Сбор с одной десятины, пуд.							
	Иркутский округ		Балаганский округ		Нижнеудинский округ		Средняя величина	
	волос-ти	ведом-ства	волос-ти	ведом-ства	волос-ти	ведом-ства	волос-ти	ведом-ства
Рожь	40	38	44	38	50	43	44	39
Ярица	39	44	46	41	52	38	45	42
Пшеница	38	39	46	41	45	38	44	41
Овес	47	49	55	52	54	49	53	48

В связи с этим интересно отметить, что позже, во время землеустроительных работ, иногда «инородцы» ради приобретения дополнительных пашен готовы были пожертвовать даже покосами¹³³. Б.Б. Зандараев утверждает, что почти в половине бурятских хозяйств доминирующее положение занимало пашенное земледелие, а скотоводство носило вспомогательный характер¹³⁴. По данным же Первой всероссийской переписи, в 1897 г., непосредственно перед реформой, 21 491 из 24 377 самостоятельных хозяйств бурят Иркутской губернии (98 786 чел. с членами семей из 108 867), или 88%

¹³⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. С. 15.

¹³¹ Там же. С. 22.

¹³² Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. С. 77. Данные по Верхоленинскому округу отсутствуют.

¹³³ НАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 312. Л. 18, 18об.

¹³⁴ См.: Зандараев Б.Б. Исторический опыт развития земледелия у бурят XVII–1917 год: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1993. 23 с.

(91% населения), основным своим занятием называли земледелие, и лишь 6 449 чел. (около 6% населения) считали себя скотоводами¹³⁵.

Интересно, что площадь пашни так называемых «кочевых инородцев» зачастую превосходит таковую у «инородцев» «оседлых». Так, в уже упоминаемом ведомстве Нижнеудинская землица, она меньше, чем в Ленском ведомстве Верхоленского округа, где «оседлых» почти не было. Куленгское ведомство того же округа также отличается сравнительно низкой величиной площади пашни от соседних ведомств, хотя именно здесь отмечен наибольший процент «оседлых инородцев». Подобная ситуация наблюдается и в Тункинском ведомстве. Здесь площадь запашки минимальная для ведомств, население занималось преимущественно скотоводством, и, вместе с тем, в этом ведомстве наименьший для Иркутского округа процент кочующих «инородцев». Но теми же исследователями отмечается, что многие «оседлые инородцы» кочуют так же, как «кочевые», «...особенно велик этот процент в Балаганском ведомстве»¹³⁶. Между тем, именно балаганские буряты лидировали по площади запашки на душу населения. Все эти факты указывают на относительность понятий «кочевой» или «оседлый» в условиях Иркутской губернии. Действительно, кочевой образ жизни прибайкальских бурят был мало похож на классическое «номадное» скотоводство забайкальских бурят и монголов. Скот лишь на период с мая по сентябрь перегонялся на летние пастбища, которые были постоянными, здесь же располагались летние жилища, так называемые «летники»¹³⁷. В другое время года буряты жили в постоянных деревянных жилищах. «В настоящее время уже нет почти хозяйств, имеющих одни только юрты... Вообще, у бурят гораздо менее нежилых построек, чем у русских; скот бурятский, а в особенности — лошади — почти всю зиму стоит на дворе», — отмечают исследователи

---

¹³⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.

¹³⁶ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 150. См., также: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. С. 11; Т. II. Вып. II. С. 149.

¹³⁷ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 622. Л. 1; Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 137.

дователи¹³⁸. Кроме этого, многие буряты, как «кочевые», так и «оседлые», имели так называемые «осенники» — жилища близ отдаленных пашен. Здесь скот содержался до декабря¹³⁹. Наличие осенников не указывает на кочевой образ жизни бурят, а скорее говорит об их желании оптимизировать земледельческую деятельность в местных условиях, — с отдаленных пашен солому было трудно вывезти, и скот кормился ею на месте. Но и такой порядок подвергался постепенному изменению в сторону отказа от периодических кочевок. Так в Нельхайском ведомстве Балаганского уезда к 1900 г. из 30 улусов 13 перестали кочевать и 7 продолжали делать это время от времени¹⁴⁰. Количество скота у бурят, довольно значительное в сравнении с русским населением, но недостаточное с точки зрения кочевника, живущего скотоводством, также не может являться свидетельством преобладания скотоводства над земледелием. Причина этого феномена состоит в недостатке покосов, имеющих в Иркутской губернии особую ценность. Об этом говорит тот факт, что условия аренды покосов пересматривались ежегодно, тогда как аренда пашни была, как правило, долгосрочной. Регулярное сенокошение, сравнительно небольшое для «номадного» хозяйства количество скота и постепенный отказ от кочевок роднит бурятское скотоводство с животноводством русских крестьян. Качественный состав скота иркутских бурят также нехарактерен для хозяйства монгольского или забайкальского типов, где «конские табуны преобладали над стадами крупного рогатого скота»¹⁴¹. В Прибайкалье картина прямо противоположная. В Верхоленском округе, например, в 1889 г. на одно наличное хозяйство приходилось 2,2 рабочих лошадей и 8 голов КРС (у русских крестьян-старожилов — 3,0 и 4,3 соответственно)¹⁴². В Балаганском уезде

---

¹³⁸ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 136.

¹³⁹ Там же. С. 137.

¹⁴⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

¹⁴¹ Зуляр Ю.А. Основные этапы животноводческого освоения Байкальской Сибири в XX веке // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 5.

¹⁴² Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 65, 75.

в 1899 г. на душу у бурят приходилось всего 3,9 головы различного скота¹⁴³. Крупный скот у западных бурят преобладал над мелким скотом (овцы, козы, свиньи), а крупный рогатый скот — над лошадьми¹⁴⁴. Такой характер скотоводства облегчал интеграцию традиционного бурятского хозяйства и хозяйства крестьянского, также ориентированного на природные особенности региона.

Итак, в конце XIX–начале XX вв. бурятское хозяйство уже было земледельческим, хотя, по сравнению с хозяйством русских крестьян, оно обладало специфическими чертами, выражающимися в еще значительной роли скотоводства. Но именно земледелие являлось основой традиционного хозяйства. По мнению А.С.-Д. Балдановой, исследующей традиционное бурятское природопользование, в конце XIX–начале XX вв. у западных бурят преобладало *земледельческо-скотоводческое хозяйство*¹⁴⁵.

Говоря о значительных площадях, занятых бурятами под пашню, следует учитывать некоторые важные обстоятельства. Во-первых, разработка земли, ее включение в сферу деятельности человека на степных пространствах значительно дешевле, чем в таежной зоне. Особенно это справедливо для пахотных земель: «Буряту, обеспеченному мелкоколесьем и степью, культивируемая земля обходится много дешевле, чем русскому крестьянину, селящемуся в дремучем лесу»¹⁴⁶. Если стоимость расчистки и пахоты одной десятины в тайге доходила до 100 р., то, например, в степном Боханском ведомстве Балаганского округа она составляла 28–39 р. Во-вторых, в степных районах, где обычно и проживали инородцы, низкое качество почв, неглубокий снежный покров (что создавало проблему для посевов озимой ржи) заставляли земледельцев расширять площади посевов. Скотоводство иркутских бурят нельзя назвать «кочевым» в классическом значении этого термина. Ч.Г. Андреев, выделяя четыре типа бурятс-

---

¹⁴³ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

¹⁴⁴ Батуева И.Б. Скотоводство в системе традиционного хозяйства бурят. С. 55.

¹⁴⁵ См.: Балданова А.С.-Д. Традиционное хозяйственное природопользование бурят в конце XIX–начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 27 с.

¹⁴⁶ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 6.

кого хозяйства (кочевой, полукочевой, полуоседлый и оседлый) отмечает, что у бурят Иркутской губернии большинство хозяйств относилось к полуоседлому типу скотоводства¹⁴⁷. В местных географических условиях скотоводство и не могло быть иным, условия эти предопределили широкое развитие земледелия, позволяющего оптимизировать жизнедеятельность прибайкальских бурят. В Прибайкалье, по-видимому, до эпохи активного промышленного освоения региона происходил процесс «наступления» леса на степь¹⁴⁸, площадь последней медленно сокращалась. В Забайкалье, напротив, засухи и эрозия почв отнюдь не благоприятствовали развитию хлебопашества¹⁴⁹. Это, наряду с другими факторами, повлияло на трансформацию кочевого скотоводческого хозяйства иркутских бурят, в отличие от их забайкальских соплеменников, в направлении развития земледельческих традиций задолго до появления русских. Приход русского населения на берега Ангары и Байкала, активная колонизация края, а позднее и земельное переустройство конца XIX–начала XX вв. лишь в различной степени ускоряли этот процесс, а иногда приводили к качественным изменениям (например, начало перехода бурятских хозяйств в конце XIX в. на трехпольную систему севооборота). Русские крестьяне, в свою очередь, под влиянием бурятских хозяйственных традиций приспособляли свое хозяйство к местным условиям (например — орошение и унавоживание покосов). В результате постепенно сложилась специфическая система природопользования, отвечающая всем требованиям природных условий, и система эта не исключала, а предписывала занятие земледелием. Поэтому во второй половине XIX столетия у подавляющего большинства бурят Иркутской губернии «земледелие в хо-

---

¹⁴⁷ Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири... С. 96.

¹⁴⁸ Груднин Г.В. Влияние природопользования бурятского населения на спонтанные и антропогенные тенденции развития природы областей его расселения // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск: Изд. ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. С. 259.

¹⁴⁹ Макеев О.В. Проблема борьбы с засухой и эрозией почв и задачи почвенных исследований в Бурятской АССР // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 2. Секция геолого-географическая. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. С. 144.

зайстве стало играть доминирующую роль»¹⁵⁰. По определению И.И. Серебренникова, из тысячи Иркутских бурят «кормились от занятия» земледелием 909, скотоводством — 59, а 32 — «прочими способами»¹⁵¹.

Таким образом, достаточно развитое земледелие иркутских бурят, сопоставимое с уровнем хлебопашества соседних русских крестьян, позволяет утверждать, что реформа землеустройства, направленная на упорядочение *поземельных отношений в крестьянской среде*, вполне могла быть применима к прибайкальским бурятам, ибо большинство их являлось земледельцами.

Второй предпосылкой землеустроительной реформы следует считать наличие в пользовании у бурятского населения значительных земельных угодий, мало или совсем не используемых.

По качественным характеристикам земля делилась на удобную и неудобную. Удобная земля, в свою очередь, подразделялась на шесть типов угодий: усадебные земли, пашня и земли, удобные для пашни, покосы, выгоны, степь и лес. Площадь этих угодий в крестьянских и «иностранческих» хозяйствах четырех округов Иркутской области показана в табл. 4.

Таблица 4

Площадь удобных земель, находящейся в пользовании крестьян и инородцев-бурят Иркутской губернии по результатам исследования 1887–1889 гг.¹⁵²

Категории населения	Удобных земель в пользовании, дес.					
	усадебная	пашня	покосы	выгоны и степь	лес	итого
<i>Иркутский округ</i>						
Крестьяне	5 767,1	109 220,8	46 782,2	40 298,6	329 608,3	531 677,0
Иностранцы	266,6	69 025,8	60 495,5	78 826,4	191 219,8	399 834,1
<i>Балаганский округ</i>						
Крестьяне	4 804,1	171 361,5	58 798,6	87 756,7	33 1027,0	653 747,9
Иностранцы	428,9	187 920,1	140 279,8	267 373,2	604 411,2	1 200 413,2
<i>Нижнеудинский округ</i>						
Крестьяне	2 842,6	137 574,1	81 288,6	62 121,6	530 250,4	814 077,3
Иностранцы	47,5	6 514,4	9 157,0	2 056,3	67 308,5	85 083,7

¹⁵⁰ Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири... С. 115.

¹⁵¹ Серебренников И. Буряты по данным переписи 1897 г. С. 24–25.

¹⁵² Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования...

Т. II. Вып. III. Приложение II к главе IV. С. 18–20; Вып. VI. С. 60–61.

Окончание табл. 4

Категории населения	Удобных земель в пользовании, дес.					
	усадыба	пашня	покосы	выгоны и степь	лес	итого
<i>Верхотенский округ</i>						
Крестьяне	3 213,9	50 708,9	29 996,8	22 140,5	251 044,6	357 104,7
Иностранцы	–	69 576,4	53 261,9	112 761,7	244 237,0	479 837,0
<i>Итого по губернии</i>						
Крестьяне	16 627,7	468 865,3	216 866,2	212 317,4	1 441 930,3	2 356 606,9
Иностранцы	743,0	333 036,7	263 194,2	461 017,6	1 107 176,5	2 165 168,0

Относительно немногочисленные «иностранцы» (по данным переписи 1897 г. буряты составляли 21,17% населения Иркутской губернии¹⁵³) пользовались 48% земельных угодий на территории четырех округов. Сопоставив площадь удобных земель с численностью населения, можно видеть, что по площади всех типов земельных угодий, за исключением усадыбы, бурятское землепользование превосходит таковое у русских крестьян (табл. 5).

Таблица 5

Площадь удобных земель на душу населения крестьян и иностранцев-бурят Иркутской губернии по результатам исследования 1887–1889 гг.¹⁵⁴

Категории населения	Удобных земель на душу населения, дес.						
	усадыба	пашня	покосы	выгоны и степь	лес	без лесов	всего
<i>Иркутский округ</i>							
Крестьяне	0,1	2,0	0,9	0,7	6,1	3,7	9,8
Иностранцы	0,0	2,3	2,0	2,6	6,3	6,9	13,2
<i>Балаганский округ</i>							
Крестьяне	0,1	2,8	1,0	1,4	5,4	5,2	10,7
Иностранцы	0,0	3,5	2,6	5,0	11,3	11,1	22,4
<i>Нижнеудинский округ</i>							
Крестьяне	0,1	3,5	2,1	1,6	13,4	7,2	20,7
Иностранцы	0,0	5,1	7,2	1,6	53,0	14,0	66,9
<i>Верхотенский округ</i>							
Крестьяне	0,1	1,7	1,0	0,7	8,2	3,5	11,7
Иностранцы	–	3,6	2,7	5,6	12,1	11,7	23,9
<i>В среднем по губернии</i>							
Крестьяне	0,1	2,5	1,2	1,1	7,7	4,9	12,6
Иностранцы	0,0	3,2	2,5	4,4	10,5	10,1	20,6

¹⁵³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. XII.

¹⁵⁴ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 96–97; Вып. III. Приложение II к главе IV. С. 18–20; Вып. I. С. 4–5, 60–61, 67.

Небольшие величины площади усадеб у «инородцев» объясняются тем, что усадьбы эти, обычно располагавшихся на утгах (удобряемых, а иногда и орошаемых покосах) исследователями, как правило, включались в площадь покосов.

Исключив леса, составляющие зачастую более половины всех земельных угодий (реформа землеустройства предполагала наделение лесными угодьями в размере трех десятин на душу мужского пола отдельно от земельного надела) получаем следующие данные: на душу населения у инородцев Иркутского округа приходилось 6,9 дес., Балаганского округа — 11,1 дес., Нижнеудинского округа — 14 дес., Верхоленского округа — 11,7 дес., в целом по четырем округам — 10,1 дес., в среднем по четырем округам — 10,9 дес. У русских крестьян эти показатели — 3,7 дес., 5,2 дес., 7,2 дес., 3,5 дес., 4,9 дес. и 4,9 десятин соответственно. Разумеется, данные величины, как и величины площади всей удобной земли на душу населения — средние, они значительно варьировались по ведомствам и отдельным селениям. Например, в отчете о землеустроительных работах Верхоленской поземельно-устроительной партии за 1916 г. говорится, что в Ленском ведомстве до начала землеустройства в 1911 г. на душу приходилось от 24,83 до 32,62 дес. удобной земли, а в Баендаевском сельском обществе одноименной волости (бурятской) в 1909 г., также до начала землеустроительных работ, — 83,38 дес.¹⁵⁵ Не случайно, что именно инородческие ведомства стали главным объектом землеустроительной реформы. Даже если рассчитать площадь земель крестьян на приписную душу, то полученный результат в 9,6 дес. явно не дотягивал до установленной властями 15-десятичной нормы, у «инородцев» же эта величина составляла 19,2 дес. В 1897 г., по данным Министерства финансов, в среднем по Сибири на душу приходилось 15,7 дес.¹⁵⁶ В Европейской России в 1900 г. крестьянский надел включал в среднем 2,6 дес.¹⁵⁷ Как видим, бурятское землепользование конца XIX в. выгодно выделяется своими размерами как на фоне

---

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 97, 103об.

¹⁵⁶ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 26.

¹⁵⁷ Сытина Т.В. Аграрное дело графа С.Ю. Витте // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 242.

Сибири в целом, так и на фоне русских крестьян Иркутской губернии.

Безусловно, величина площади удобной земли сама по себе не может указывать на то, что буряты обладали «лишними» землями. Во-первых, все еще значительная роль скотоводства определяла необходимость в дополнительных, по сравнению с землепользованием русских, территориях, особенно в утугах и выгонах. Об этом красноречиво свидетельствуют процентные показатели этих видов угодий по отношению к площади всей удобной земли. Например, в Верхоленском районе выгон у инородцев составлял 23,5%, тогда как у русских — 6,2%¹⁵⁸. Во-вторых, говоря о количестве земельных угодий, нельзя не учитывать качество земель, эксплуатируемых в тех или иных целях. Так, песчаные почвы, обычные для мест проживания бурятского населения, могли использоваться как пашни непрерывно лишь 4–16 лет, в то время как глинистые почвы — 10–20 лет, красный лесной суглинок — 30–60 лет. Одной из причин перевода пашни в залежи было наличие большого количества сорняков. Исследователи отмечают, что в бурятских ведомствах процент залежей от сорняков больше, чем в русских волостях¹⁵⁹. Как уже упоминалось, обработка десятины земли буряту, в силу географических условий, обходилась значительно дешевле, чем русскому крестьянину. Кроме того, в степных инородческих ведомствах один работник мог обработать за полевой сезон 12,4 дес., в то время как житель лесных районов, где, как правило, и селились русские, — лишь 10,9 дес.¹⁶⁰ Наконец, двупольная система земледелия требовала больших площадей, нежели трехпольная. Исследователи, выделяя на территории Иркутской губернии два вида господствующей двупольной системы (двупольная с остатками переложной системы и двупольная с зачатками трехпольной), отмечают, что почти все бурятские ведомства относятся к первому виду, лишь два — Китойское и Капсальское — стоят на переходной ступени ко второму. Среди тех хозяйств, которые перешли к

---

¹⁵⁸ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. С. 61.

¹⁵⁹ Там же. Вып. IV. С. 8–11.

¹⁶⁰ Там же. С. 42–43.

трехпольному севообороту, бурятские не зафиксированы¹⁶¹. Все эти особенности отчасти могут объяснить нужду бурятских хозяйств в большем, по сравнению с русским, землепользовании. И, тем не менее, не все земельные площади, состоящие в пользовании, буряты использовали. «Землепользование большинства крестьянских селений достигало 7–10 дес. на душу [мужского пола. — А. К.], за инородцами же числилось 40–100 дес. на душу, при действительном пользовании почти никогда не превышающем те же 15 дес.», — отмечается в уже упоминавшемся отчете Верхоленской поземельно-устроительной партии за 1916 г.¹⁶² О явном несоответствии номинального и фактического землепользования красноречиво говорят сведения по сданной в аренду земле.

Во время хозяйственной переписи 1887–1889 гг., как отмечали исследователи, население давало неверные сведения по поводу сданной и арендованной земли: «В сокрытии населением части случаев сдачи — лицам, производившим местные исследования, приходилось убеждаться неоднократно, причем нетрудно было выяснить и мотивы такого сокрытия. Дело в том, что ожидая в результате статистической переписи каких-либо правительственных мероприятий, направленных, между прочим, и к земельному устройству, местное население (особенно — инородческое) остерегалось показать себя богатым земельными угодьями»¹⁶³. Сопоставляя данные по аренде и сдаче, исследователи выяснили, что сельские жители сокрыли в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах 39% сданной в аренду пашни и 66% покосов, в Верхоленском уезде — 32% и 53,5% соответственно¹⁶⁴. Реальная сдача земли в аренду составила по четырем округам: пашни — 37 622,6 дес. у русских крестьян, 8 015,9 дес. у бурят; покосы и утуги — 58 505,5 дес. у русских, 89 112,7 дес. у бурят; общее количество — 96 128,1 дес. у русских, 97 128,6 дес., или 16,3% от общей площади пашен и покосов

---

¹⁶¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 19–20.

¹⁶² ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 113–113об.

¹⁶³ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 260.

¹⁶⁴ Там же. С. 261; Вып. VI. С. 125.

сов — у бурят¹⁶⁵. Как видим, цифры очень близки, причем интересно, что русские сдают в основном пашню, которой им «не хватает», а буряты — «особо ценные» для них, как для «скотоводов», покосы. Но дело даже не в том, каковы масштабы сдачи земли, а в том, какие категории населения ее арендуют. Если русские крестьяне сдают землю в основном в своей волости, т.е. земля перераспределяется от более обеспеченных к менее обеспеченным хозяевам, зачастую в одном сельском обществе или селении, то буряты значительную часть земли сдают на сторону, как правило, в соседние русские волости. В волостях Иркутского, Балаганского, Нижнеудинского округов на сторону сдавалось менее 1% пашни и 32% покосов от количества земли, сданной в своей волости, в ведомствах эти показатели соответствуют 32% и 200%¹⁶⁶. Относительно этих же округов известно, что «из 39,9%, т.е. 66 500 дес. покосов, снимаемых населением волостей вне пределов владения каждой отдельной, 88,7% приходится на ведомства; в соседних волостях арендуется только 4,7%... С другой стороны, из 59 560 дес. (39,6%), сдаваемых иногородским населением, 98,5%, т.е. две пятых всех душевых покосов, ими владеемых, сдается в волости и только 1,5% городским жителям и инородческому же населению»¹⁶⁷. В Балаганском округе у русских крестьян арендованные в бурятских ведомствах покосы составляли 88% от собственных¹⁶⁸. Буряты единственного в Нижнеудинском уезде ведомства, население которого составляло всего 1 270 чел., сдавало в аренду почти 2 929 дес. покосов, причем 2 230 из них — русским крестьянам. Естественно, что социальная дифференциация у бурят и их вынуждала арендовать земли, но все же большую часть арендаторов составляли русские крестьяне. Это и не удивительно: переселенцы из других регионов России селились, как правило, на территориях волостей, именно они и формировали спрос на землю — от

---

¹⁶⁵ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 262; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 69, 79.

¹⁶⁶ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 261.

¹⁶⁷ Там же. С. 284.

¹⁶⁸ Там же. С. 285.

68 до 86% переселенцев (в зависимости от округа) были безземельными¹⁶⁹. Разница между арендой и сдачей земли русских крестьян и «инородцев» свидетельствует о том, что перед землеустроительной реформой у отдельных бурятских хозяйств имелись в наличии земли, непосредственно бурятами не обрабатываемые (табл. 6).

Таблица 6

**Средние величины сдачи и аренды покосов и пашни
в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском
и Верхоленском округах Иркутской губернии
по результатам исследований 1887–1889 гг.¹⁷⁰**

Категории земли и населения		Сдающих хозяйств, %	Арендующих хозяйств, %
Покосы	Крестьяне	32,9	32,1
	Инородцы	56,2	12,3
Пашня	Крестьяне	26,7	21,5
	Инородцы	9,7	7,0

Интересно, что сдача в аренду покосов осуществлялась, как правило, на один год, тогда как на пашню преобладала долгосрочная аренда, — в ведомствах — до 40 лет¹⁷¹. Такое положение дел свидетельствует о том, что покосы имели в местных условиях особую ценность, кроме того, ежегодный пересмотр условий аренды позволял учитывать рыночную конъюнктуру. Вероятно, сдача покосов в аренду была для инородцев немаловажной статьей доходов. В отличие от пашни, которая, как правило, состояла в пользовании частных лиц и ими же сдавалась, покосы у бурят почти повсеместно находились в общинном пользовании.

Источники сохранили множество примеров сдачи в аренду покосов в бурятских ведомствах. Обычно эти уголья сдавались с торгов на один год под выкос сена. Так, в Аларском ведомстве зафиксирован случай сдачи в 1892 г. трех участков, один из которых представлял собой выгон в степи¹⁷².

¹⁶⁹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 5; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 68.

¹⁷⁰ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. С. 129, 137.

¹⁷¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. VI. С. 129, 137.

¹⁷² НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 142. Л. 4–6.

Этим же ведомством в 1900 г. с торгов были сданы за 140 р. сенокосные места (шесть участков), находившиеся в пользовании доверенных и лам Аларского дацана¹⁷³. Поскольку доверенными чаще всего являлись родовые старосты, главы ведомств или зажиточные буряты, данный пример иллюстрирует, во-первых, то, что местная знать и кулаки имели возможность распоряжаться общественной землей, во-вторых, то, что к сдаче земель в аренду прибегала именно зажиточная часть бурятских обществ. Показателен пример инородцев Балаганского ведомства, которые, взяв в аренду более 100 дес. казенно-оброчных статей (в основном — сенокосы) за 6 р., сдавали их с торгов по частям за 20–30 р.¹⁷⁴ Сдача покосов, по всей вероятности, была очень доходным предприятием. Если арендная плата пашни составляла в среднем 1 р. в год за десятину, то сдача покосов с торгов приносила до 1,5 р. с десятины¹⁷⁵. Не случайно инородцы некоторых ведомств, а точнее, уполномоченные от ведомств, активно сопротивлялись проведению землеустройства на своей территории, подавая прошения об отсрочке землеустроительных работ вплоть до их приостановки. Как и вокруг любого доходного бизнеса, нередко на почве аренды возникали конфликты. Так, в 1890 г. в Иркутское окружное полицейское управление поступила жалоба от крестьянина Николая Кобелева на «инородцев» Первого Хонходорского рода, которые, по словам истца, сдали ему в аренду три десятины сенокоса за пять рублей, а к покосу не допускают, хотя он деньги уплатил¹⁷⁶. В 1894 г. разгорелся конфликт в Хоготовском ведомстве между оседлыми и кочевыми «инородцами». Причиной конфликта стала практика сдачи оседлыми «инородцами» Хоготовского селения общинных земель в аренду, что не устраивало их кочевых сородичей, не имеющих от этих сделок доходов. Общественный приговор по этому делу ярко иллюстрирует факт заинтересованности

---

¹⁷³ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 600. Л. 16–21.

¹⁷⁴ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 266.

¹⁷⁵ Там же. С. 265; Вып. VI. С. 135.

¹⁷⁶ НАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

кочевых бурят не в самих землях, а в получении выгод от их сдачи. Было решено земли сдавать в аренду с ведома и согласия кочевых инородцев, часть дохода оставлять на содержание церкви, кочевых бурят ведомства за счет оседлых освободить от дорожной и подводной повинностей. Прошение оседлых инородцев, не желающих делиться, об образовании отдельного общества, составленное за месяц до этого, было оставлено без внимания¹⁷⁷. Есть все основания полагать, что подобные конфликты были возможны потому, что доход от сдачи в аренду общественных покосов не распределялся на всех членов общества.

Интересно и то, что позднее, с началом реформы землеустройства, выступающие против реформы буряты, по-видимому, не изменили обычной практике сдачи земли. Так, отмечается, что в 1905 г. «инородцы» Аларского ведомства сдали в аренду крестьянам села Голуметь 296,5 дес. пашни и дополнительно сенокос на 32 710 копен, — всего на сумму 2 561 р. 50 к. В 1907 г. крестьяне Каратаевского сельского общества арендовали у «инородцев» Аларского ведомства 188 дес. пашни, 68 дес. залежей, сенокосные угодья на 9 055 копен, — всего на сумму 872 р. 70 к.¹⁷⁸ Продолжение получила и практика сдачи общественных покосов под скос травы¹⁷⁹. По поводу использования сенокоса «Каха» в 30–40 верстах от Первого Ирхедеева рода Аларского ведомства отмечается, что «в течение последних 30-ти лет ни один бурят 1-го Ирхедеева рода не скосил ни одной пяди на этом сенокосе. Осинские крестьяне платят бурятам по 30–50 р. за пользование этим сенокосом»¹⁸⁰. Крестьяне с. Хорейского Осинской волости до начала землеустройства в 1908–1909 гг. брали в аренду во Втором Ирхедеевом роде до 300 дес. пашни. Тыретская волость арендовала 1 396 дес. сенокосов у унгинских бурят. Двадцать три русских крестьянина из соседних с Укырским ведомством волостей вообще переселились в это ведомство на постоянное место жительства, поскольку

---

¹⁷⁷ НАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 107. Л. 10–10об., 12.

¹⁷⁸ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 207.

¹⁷⁹ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 745. Л. 1.

¹⁸⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 182.

постоянно арендовали здесь земли под пашню. Ленское ведомство в 1911 г. сдавало в аренду крестьянам с. Исетского 168 дес. сенокосов на сумму 492 р. (2,93 р. за десятину), в следующем году крестьянам этого же селения — 94 дес. за 302 р. (3,21 р. за десятину). Крестьяне Манзурской волости Верхотурского уезда ежегодно арендовали у «инородцев» Ленского и Кырменского ведомств около 1 000 дес. в урочищах Тумука и Арсаки — по 500 р. в год¹⁸¹. Даже после проведения землеустроительных работ буряты, пользуясь тем, что права на пользование не вошедшей в надел землей сохранились до момента выдачи отводных записей, а на пользование пашней — еще на более долгий срок, продолжали сдавать земельные угодья в аренду. Например, кокоринские крестьяне, у которых почти отсутствовали свои покосы, и которые арендовали их до землеустройства у соседних бурятских селений, продолжали это делать еще в 1911 г., хотя эти покосные земли номинально вошли в состав переселенческих участков¹⁸².

Из всех приведенных фактов можно сделать определенные выводы. Во-первых, в земле нуждались в первую очередь крестьяне, а спрос на землю удовлетворялся в значительной степени за счет предложения со стороны соседей-«инородцев». Во-вторых, в пользовании бурят имелись значительные площади, важные для них с точки зрения получения дохода, но отнюдь не непосредственного использования. В-третьих, состав земель, сдаваемых инородцами в аренду (а это в основном покосы), лишний раз подтверждает тезис о преимущественно земледельческой направленности хозяйства бурят Прибайкалья. В противном случае «инородцы» не стремились бы сдавать те угодья, которые могли использоваться для скотоводства.

Имелись ли излишки земли в Иркутской губернии в целом, которые могли использоваться для нужд переселенцев — отдельный вопрос. Но приходится признать, что не все земли, находящиеся в пользовании «инородцев», ими использовались по назначению (рис.).

---

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 113об.-114.

¹⁸² Сибирь. 1911. № 18. С. 3.

*Землепользование русских и бурятских крестьян
 Иркутской губернии в конце XIX в.*

(Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский, Верхленский округа)¹⁸³

Наконец, *третьей предпосылкой* реформирования землеустройства представляется то, что в бурятских ведомствах (впрочем, как и в русских волостях) к концу XIX в. назрела необходимость упорядочения поземельных отношений. Та-

¹⁸³ Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. Приложения. Карта Иркутского округа, Карта Балаганского округа, Карта Нижнеудинского округа; Вып. VI. Приложения. Карта Верхленского округа.

кая необходимость была продиктована двумя обстоятельствами. Во-первых, землепользование бурятского населения Иркутской губернии было крайне запутано и сложно, что выражалось, в частности, в чересполосице земельных угодий. Во-вторых, неравномерное распределение земель между бурятами в условиях притока переселенцев (что, естественно, приводило к истощению фонда свободных земель) способствовало усилению расслоения бурятского общества и, соответственно, росту социальной напряженности. Между тем, реформа землеустройства не только ограничивала душевые наделы «инородцев» пятнадцатью десятинами, она была призвана упорядочить поземельные отношения, юридически закрепить землю за ее фактическими пользователями, что в условиях активной колонизации края было в интересах самих бурят.

«Точное (хотя бы для одного момента) исчисление всех земель, находящихся фактически в чьем-либо пользовании, при настоящем состоянии источников статистики сибирского землевладения представляется совершенно невозможным», — отмечается в «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», изданных по итогам исследований 1887–1889 гг.¹⁸⁴ Причин такой запутанности несколько.

Во-первых, «состоящие в пользовании инородцев земельные дачи официально числятся за целыми родами (лишь в виде исключения — за отдельными селениями или улусами) и чаще не за одним родом, а за несколькими»¹⁸⁵. Фактически же бурятский род к концу XIX в. был лишь административно-территориальной единицей и не контролировал земельные отношения¹⁸⁶. Упомянутые в официальных источниках «роды» являлись лишь территориальными объединениями экзогамных родов, зачастую никакого отношения в плане об-

---

¹⁸⁴ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 1.

¹⁸⁵ Там же. С. 20.

¹⁸⁶ См.: Сыденова Р.П. Иерархия общинных образований у западных бурят во второй пол. XIX–начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999. 24 с.

щности происхождения друг к другу не имеющих. Но даже в экзогамном бурятском роде власть родового старейшины (иехэ-эсыгэ) была существенно ограничена, в то время как авторитет главы отдельной семьи (вабэ) для ее членов был непререкаем¹⁸⁷. Это свидетельствует о фактическом разложении родовых отношений у бурят. Формально буряты пользовались земельными угодьями по ведомствам и родам, а фактически господствовало «булучное» (поселенное) землепользование¹⁸⁸. В результате одними и теми же землями пользовались представители различных родов, угодья какого-либо селения или рода располагались чересполосно с угодьями других родов и даже русских крестьян. Вот несколько типичных примеров: буряты Четвертого Чернорудского рода Ангинского ведомства Верхоленского уезда пользовались одной дачей совместно с Шестым Чернорудским родом Ленского ведомства этого же уезда; одна из дач в Балаганском уезде находилась в совместном пользовании русских крестьян одного селения Тыретской волости и «инородцев» пяти селений Унгинского ведомства¹⁸⁹. Подобные отношения не могли не порождать земельных споров, и исследования 1887–1889 гг. их во множестве зафиксировали, как внутри бурятских родов, так и между родами и ведомствами. Например, отмечается спор между Первым и Третьим Ноэтскими родами Молькинского ведомства, делящийся с 1837 г. (!), спор между улусами одного (Третьего Готольского) рода Боханского ведомства из-за сенокосных угодий, спор из-за покосов же оседлых «инородцев» Баендаевского ведомства со своими кочевыми сородичами и многие другие¹⁹⁰. Обычны были и споры бурят с русскими крестьянами, например, спор между «инородцами» Аларского ведомства и крестьянами Голуметской волости из-за охотничьих и рыболовных угодий. За пользование лесными угодьями, например за вырубку леса, голуметские крестьяне выплачивали «инородцам» «весьма

---

¹⁸⁷ Петри Б.Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят. С. 7.

¹⁸⁸ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 34.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 86, 96.

¹⁹⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 81–83, 86–101; Вып. VI. С. 81–86.

значительную цену»¹⁹¹. Показательна тяжба Тункинского волостного правления и Кайморской инородной управы в 1895 г., начавшаяся из-за частного спора двух крестьян Тукуринского селения — братьев Усолицевых — и «инородца» Второго Хангадорского рода Антипа Худякова¹⁹².

Вторая причина недоразумений, связанных с землепользованием, состоит в том, что земельная община у русских и бурят зачастую не совпадала с податной единицей или сельским обществом (родом)¹⁹³. Как типичный, приведем пример Молькинского ведомства Балаганского округа. В ведомстве состояло семь родов, в пользовании которых находилось семь дач (различных по площади). При этом Первый Ноэтский род пользовался четырьмя дачами, Третий Ноэтский — одной, одна дача находилась в пользовании трех родов (Первого, Второго и Третьего Боровских), а еще одна — в пользовании сразу пяти родов (трех Боровских и Третьего и Четвертого Холтубаевых). Все семь родов юридически объединялись в три общины¹⁹⁴. Пример Молькинского ведомства являлся не исключением, а правилом. Такая система не могла не вызывать проблем. Положение усугублялось чересполосицей, которую министр земледелия и государственных имуществ во время поездки в Сибирь летом 1898 г. определил как «чрезвычайную»¹⁹⁵. Впрочем, в какой-то степени чересполосица представляется оправданной, так как дробность участков в суровых сибирских условиях была залогом хоть какого-то урожая в случае плохой погоды.

Еще одной причиной многих земельных споров, на этот раз не между родами или селениями, а между отдельными индивидами, был рост социального неравенства, связанный с кризисом обычной для Сибири формы землепользования. В «Материалах...» такая форма названа «захватно-родовым

---

¹⁹¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 94; ГАИО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 22. Л. 6.

¹⁹² НАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 181. Л. 1–3, 6–7.

¹⁹³ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 105.

¹⁹⁴ Там же. Приложение III. С. 34.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 13.

владением»¹⁹⁶, хотя и подчеркивается, что «инородцы *только* пользуются отведенными им землями»¹⁹⁷. Подтверждают преобладание в Сибири захватного землевладения и современные исследователи¹⁹⁸. «Захватно-родовое владение» было оптимальной формой землепользования в условиях наличия свободных земель, перспективных в плане вовлечения их в хозяйственную деятельность. Но к концу XIX в., с ростом населения и активизацией колонизации, стала ощущаться нехватка земель, и это привело к оформлению двух противоположных тенденций в землепользовании. С одной стороны, часть бурят в традициях «захватного владения» пытается закрепить за собой землю, используя «право труда» (захват общинной земли на основании затрат личного труда на ее обработку), «право наследования» (захват общинной земли после смерти фактического пользователя на основании родства или завещания), «право давности» (захват общинной земли на основании ее давней заброшенности)¹⁹⁹. В источниках зафиксированы многочисленные случаи самовольных захватов земель внутри общины, особенно пашен и утугов²⁰⁰. Подобная практика приводила к углублению имущественного неравенства и к трансформации традиций землепользования. Если на леса и степные выгоны еще распространялось совместное пользование, то утуги уже освобождаются от общественной опеки, а пашни находились исключительно в индивидуальном пользовании. Неравномерность распределения земель приводила к недовольству малоземельных крестьян, что стало причиной проявления второй тенденции — стремлению общинников ограничить землепользование своих состоятельных сородичей. Так, инородцы Тункинского ведомства в марте 1887 г. на общем суглане (собрании) составили приговор, в котором, между прочим, говорилось:

---

¹⁹⁶ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 114.

¹⁹⁷ Там же. С. 20.

¹⁹⁸ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 24; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций... С. 34.

¹⁹⁹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 125, 128, 130, 136.

²⁰⁰ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 100. Л. 1; Д. 298. Л. 1; Д. 547. Л. 1; Ф. 1. Оп. 2. Д. 203. Л. 1; Ф. 201. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

«...Менее состоятельные инородцы указывают на то, что богачи захватили огромные сенокосные и хлебопахотные угодья... Раньше сенокосной земли доставалось на душу 5–6 д., а теперь не более 1–2 дес. на душу... Инородцы указывают, что богачи почти никогда не расчищали новой земли...», и далее — решение суглана: «...Все сенокосные земли, луга и степные пашни весной будущего года разделить по числу душ так, чтобы землями этими одинаково были наделены как богатые, так и бедные»²⁰¹. Тункинские буряты были не одиноки в своем желании осуществить передел земли. «В 3-м Харанутском роде, Кудинского ведомства, хотя там производятся расчистки и теперь, между бедняками идут большие разговоры о переделе пашни по наличным душам мужского пола. Тамошние богачи даже не допускают [такой. — А. К.] идеи... Во 2-м Абоганатском роде уже толкуют о переделе...»²⁰². Для многих бурят передел был единственной возможностью справиться с нуждой. Реформа землепользования, по существу уравнивающая земельные участки, предоставляла такую возможность. Не случайно старший чиновник Иркутского поземельно-устроительного отряда в докладе Иркутскому генерал-губернатору «О желательном порядке производства поземельно-устроительных работ у инородцев Иркутской губернии» от 17 июля 1906 г. в ряду достоинств реформы упоминал о том, что землеустройство дало дополнительные наделы малоземельным бурятам²⁰³.

Само по себе глубокое социальное расслоение у бурят в конце XIX в. является неоспоримым фактом. Например, в Верхоленском уезде еще в 1873 г. было 27,9% безлошадных и однолошадных бурятских хозяйств. В 1889 г. таких хозяйств было уже 43%. Вместе с тем, более половины посевов и 60% скота находились в руках богачей²⁰⁴. Исследователями констатируется появление во второй полови-

---

²⁰¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 201.

²⁰² Там же. С. 200.

²⁰³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 77.

²⁰⁴ Батуева И.Б. Социальное расслоение в бурятском скотоводческом хозяйстве... С. 73.

не XIX столетия новой социальной группы — батраков²⁰⁵. 16,5% бурятских хозяйств отпускали работников по найму, 11% нанимало батраков на год, около 10% — на время определенных работ²⁰⁶. Рост имущественного неравенства неизбежно привел к углублению социальных противоречий, роль общины в этих противоречиях, в условиях общинного землепользования, была чрезвычайно высока.

Таким образом, во многих бурятских ведомствах к концу XIX века назрел вопрос о переделе земли. Поземельные споры стали «хроническим и повседневным явлением»²⁰⁷. Иногда «инородцы» производили передел самостоятельно. Но иногда, в силу неразрешимости противоречий внутри рода или селения, буряты обращались к властям. В некоторых случаях власти отказывали, ссылаясь на то, что распределение земель между инородцами «зависит от них самих», в некоторых — межевание производилось за счет «инородцев»²⁰⁸. «Постепенно появляются и усиливаются споры из-за земли, являются случаи самовольного запахивания меж, нарушения прав на землю, изменяются порядки наследования, нарушается чистая форма захватно-родового владения, переходя местами в подушную разверстку...», — констатируется в «Материалах...»²⁰⁹. И.А. Асалханов отмечает, что уже после X ревизии (1858 г.) в некоторых улусах было произведено поравнение утугов, а кое-где передел сенокосных угодий позднее происходил ежегодно²¹⁰. Захватное пользование землей исчерпало себя к концу XIX столетия. Реформа землеустройства же должна была упорядочить систему землепользования и юридически оформить права на пользование наделами, что в условиях разложения родовых отношений и наплыва переселенцев было необходимо. Смягчение земельных споров и препятствование имущественному расслоению

---

²⁰⁵ Санданов Ю.Б. Социально-экономическое развитие улусов... С. 89.

²⁰⁶ История Бурят-Монгольской АССР. С. 410.

²⁰⁷ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 40.

²⁰⁸ НАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1600. Л. 1об.; Д. 1978. Л. 1, 2об.; Ф.1. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.

²⁰⁹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 135.

²¹⁰ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири... С. 141, 145.

бурятских обществ можно считать одним из направлений реформы землеустройства.

Итак, предпосылки реформы землеустройства бурят Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв., теснейшим образом связанной с трансформацией традиционного бурятского хозяйства, сводятся к следующему:

1. Земледелие для большинства бурят Иркутской губернии к концу XIX в. являлось основным занятием и средством к существованию. По своим качественным характеристикам оно обладало рядом особенностей, однако эти особенности не могут служить аргументами утверждения о том, что реформа землеустройства была преждевременна вследствие неразвитости у бурят земледелия.

2. Безусловно, в Иркутской губернии, учитывая ее географические особенности, ощущался недостаток удобных для хозяйственной деятельности земель, особенно в среде русского крестьянства. Вместе с тем, значительные размеры сдаваемой в аренду «на сторону» состоятельными бурятами и целыми обществами земли указывает на возможность земельного передела, если не в пользу переселенцев, то в пользу бурятских бедняков и малоземельных крестьян-старожилов.

3. В конце XIX в. в бурятских ведомствах в связи с необходимостью юридического закрепления земель за фактическими пользователями в целях избежания земельных споров назрела необходимость передела земельных угодий. Кроме того, уравнильное перераспределение земель в пользу беднейших слоев бурятского населения позволило бы стабилизировать социальную обстановку. Упорядочение земельных отношений являлось той точкой соприкосновения «иностранцев» и государственной власти, которые делали реформу не только возможной, но и желательной.

Поскольку земледелие являлось для прибайкальских бурят основным способом природопользования, реформа землеустройства, без сомнения, должна рассматриваться как важнейший фактор трансформации традиционного бурятского хозяйства. По этой же причине реформа землеустройства объективно не могла привести к приобщению бурят к оседлому земледелию, поскольку они таковыми уже являлись к концу XIX в. Влияние реформы необходимо рассматривать в связи с оптимизацией *земледельческого* бурятского хозяй-

ства, приспособленного к местным географическим условиям, в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. Представляется сомнительным и утверждение о влиянии реформы на переход бурят от родовой системы к территориально-родовой²¹¹. Уже к концу столетия исследователи констатируют, по крайней мере, применительно к поземельным отношениям, наличие фактического поселенного землепользования. Важно то, что, хотя хозяйственной единицей землепользования выступает не род, а селение (группа селений), в любом случае хозяйственная деятельность *отдельных индивидов* в известной степени контролировалась *обществом*, а это является важным признаком традиционного хозяйства.

Содержание реформы землеустройства

Рассмотрение содержания реформы землеустройства бурятского населения в конце XIX–начале XX вв. имеет значение для понимания целей землеустроительных работ. В процессе осуществления реформы землепользования проявляются те методы управления, которые использовали центральная и местная администрация по отношению к коренному сибирскому населению, так называемым «инородцам». Наконец, анализ содержания реформы позволяет объяснить ее последствия, в том числе относительно известных изменений традиционного бурятского хозяйства. Нас, при рассмотрении проблемы содержания реформы, будут интересовать несколько вопросов, а именно: 1) основные положения реформы землеустройства; 2) особенности деятельности местной администрации и чинов землеустройства при проведении реформ; 3) отношение к реформам бурятского населения.

Содержание землеустроительной реформы должно рассматриваться на основе анализа ее законодательной базы. Подробное рассмотрение этого вопроса не является целью данной работы, поэтому ограничимся кратким разбором землеустроительных мероприятий, намечавшихся к реализации.

---

²¹¹ Бурятская этничность... С. 36.

Основой реформы стал Закон 23 мая 1896 г.²¹², согласно которому земельные наделы сибирских крестьян и «иностранцев» (кроме «бродячих») ограничивались 15 дес. на душу мужского пола²¹³. Сверх того, на каждую душу мужского пола полагался лесной надел в количестве трех десятин²¹⁴. Землепользование «иностранцев» и их переход в крестьянское сословие определялся еще и Правилами 4 июня 1898 г.²¹⁵ В результате проведения реформы «иностранцы» должны были лишиться значительной части своих земель, которая перераспределялась в пользу малоземельных крестьян-старожил, и составляла колонизационный фонд в интересах переселения крестьян из Европейской части Российской империи. Кочевые «иностранцы», на территориях которых землеустроительные работы были завершены, причислялись к оседлым, уравниваясь в правах и обязанностях с русским крестьянским населением²¹⁶. Такое причисление подразумевало ликвидацию старого административно-территориального устройства и утверждение на территориях иностранцев единообразной для всей России волостной организации, что

---

²¹² См.: Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета... // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и иностранцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 1–6.

²¹³ Там же. Ст. 5. С. 2.

²¹⁴ Там же. Ст. 11. С. 3.

²¹⁵ См.: Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и иностранцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 25–57.

²¹⁶ Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета по проекту правил о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и иностранцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. Ст. 16; Примечание 2 к ст. 26 С. 23. См., также: Положение об иностранцах // Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Книга первая. Т. I–IV. М., 1910. С. 540–541.

и было санкционировано волостной реформой 1901 г. Одновременно с 1 января 1899 г. подушные сборы и ясак заменялись поземельной (для личного пользования) и оброчной (для общественного пользования) податями (данное положение в Иркутской губернии не распространялось на «кочевых инородцев» Киренского уезда, к которым относились полуоседлые тунгусы)²¹⁷. Некоторые исследователи, констатируя ограничение земельных наделов «инородцев» 15 дес., делали и делают вывод о недальновидной политике правительства, не учитывающей особенностей хозяйственного быта коренного населения²¹⁸. Однако вопрос этот далеко не однозначен.

Во-первых, «закон... ставит земельное устройство кочевых инородцев в зависимость от их бытовых особенностей, препятствующих распространению на них означенного мероприятия» (из циркуляра Главноуправляющего землеустройством и земледелием 29 января 1908 г.)²¹⁹. Это означало, что перед проведением землеустроительных работ должно было быть проведено комплексное исследование быта инородцев, и только в том случае, если результаты исследования указывали на готовность данной группы инородцев к изменению землеустройства, таковое проводилось. Хозяйственная перепись в четырех округах Иркутской губернии, проведенная в 1887–1889 гг., как раз и имела одной из целей исследование хозяйственной жизни бурятского населения Прибайкалья. Как мы видели, перепись засвидетельствовала в целом земледельческий характер бурятского хозяйства и наличие у бурят значительного количества земель, непосредственно бурятами не используемых. Однако, поскольку указан-

---

²¹⁷ Высочайше утвержденное 19 Января 1898 г. мнение Государственного Совета о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями, ст. I, II // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 14; Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета... Ст. 7. С. 24.

²¹⁸ См., напр.: Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве... С. 58; Богданов Г.Н. Бурятское население Иркутской области... С. 26; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 40; История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. С. 479.

²¹⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 162.

ные тенденции в различных ведомствах проявлялись в разной степени, требовались дополнительные исследования, на что, в частности и указывал Иркутский генерал-губернатор, в январе 1900 г. своим решением отложивший землеустройство на территории губернии, поскольку «остались неосвещенными некоторые другие стороны быта инородцев», а сведения 1887–1889 гг. устарели²²⁰. Недостаток сведений, касающихся традиционного хозяйства коренных жителей губернии, неполный их характер были одной из причин «пробуксовки» реформы землеустройства вплоть до столыпинских преобразований.

Во-вторых, процедура проведения реформы землеустройства не сводилась к простому изъятию инородческих земель. Она представляла собой целый комплекс работ, значительно растянутых во времени и поставленных в зависимость от множества факторов. На первом этапе проводилась топографическая съемка местности, предварительное, а затем и окончательное проектирование наделов. Эту работу приходилось повсеместно начинать с нуля, поскольку предыдущие проекты планов местности либо были неудовлетворительны по качеству, либо погибли во время пожара 1879 г.²²¹, либо просто отсутствовали. Успешность землемерных работ во многом зависела от предоставления местным населением рабочих и лошадей, что в определенных условиях серьезно задерживало работу. Например, как сообщается в «Отчете о деятельности Иркутской поземельно-устроительной партии», в 1916 г. были сорваны землеустроительные работы в Харибятском и Торском ведомствах Иркутского уезда, где инородцы отказались предоставить рабочих в знак протеста против призыва жителей этих ведомств на тыловые работы²²². На втором этапе проекты земельных и лесных наделов представлялись сельским сходам, затем, при условии одобрения сходами, передавались на рассмотрение поземельно-устроительной комиссии, которая либо утверждала надел, либо возвращала проект в партию на доработку. Если по прошедшему комиссии проекту поступали жалобы, что случалось достаточно часто, он передавался на рассмотрение Общего присутствия Губернского Управления²²³. Утвержденные комиссией и Общим присутствием наделы считались окончательно отграниченными и по ним составлялись так называемые

мые отводные записи. Отводные записи были документами, официально дающими право на пользование наделами. На третьем этапе отводные записи рассматривались Старшим чиновником по составлению отводных записей, и, если санкция Старшего чиновника была получена, вручались населению. Только после вручения отводных записей проекты возвращались в землеустроительную партию «для исполнения в натуре» (устройство межников, просек, межевых столбов и ям), прекращалось старое землепользование, и землеустройство считалось законченным²²⁴. «Только с получением документов общества и селения приобретают уверенность в своих правах на отведенную землю», — утверждалось в «Объяснительной записке к плану работ по поземельному устройству и образованию переселенческих участков в Иркутской губернии на 1910 г.»²²⁵. Правила 1898 г. не ставили перевод кочевых «иностранцев» в оседлые в прямую зависимость от успехов землеустроительных работ, но при этом «...перевод же иностранцев, именуемых кочевыми, в разряд оседлых в виде общего правила совершается по выдаче отводных записей»²²⁶. Крестьяне, в том числе «иностранцы», имели право в установленном порядке обжаловать результаты межевания. Надо отметить, что «иностранцы» широко пользовались этим правом. Так, например, буряты села Мельхитуйского (Унгинское ведомство Балаганского уезда), оставшись недовольными после отмежевания надела, подали прошение о желании получить 900 дес. земли в местности Тулгутуй в обмен на земли худшего качества той же площади. Поземельно-устроительная комиссия признала претензии бурят обоснованными, так как «распределение угодий разного вида в представленном проекте не вполне обеспечи-

---

²²⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

²²¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 12.

²²² ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 178.

²²³ Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 35–41. С. 38–41.

²²⁴ Там же. Ст. 42, 46–47. С. 41, 47.

²²⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 218. Л. 91.

²²⁶ Там же.

вает хозяйственный быт устраиваемого населения. В наделе недостаточное количество земель, пригодных к пашне, при слишком большой площади степи»²²⁷. Общее присутствие отменило решение комиссии, но «иностранцы» тут же, согласно правилам, направили кассационную жалобу в Сенат. В приведенном примере интересно еще и то, что унгинские буряты предлагали обменивать степные участки на пашни, что понятно только в том случае, если они являлись не скотоводами, а типичными земледельцами. На каждом этапе процедуры формирования новых наделов проекты могли быть возвращены на доработку или вообще отклонены. Если учесть еще и тот факт, что вся эта огромная работа, состоявшая и в полевой, и в камеральной деятельности, и в подготовке большого числа официальных бумаг, производилась очень ограниченным числом людей (даже в разгар реформы, в 1914 г., личный состав четырех работавших в Иркутской губернии партий включал всего 99 чел.)²²⁸, становится понятно, что провести реформу в короткие сроки было невозможно.

В-третьих, формулировки законов 1896 и 1898 гг. предоставляли местным администрациям широкие полномочия для изменения 15-десятичной нормы, если того требовали обстоятельства. Согласно Статье 9 Главных оснований 23 мая 1896 г., если обмеренные земельные участки обществ составляли более 15 дес. на душу, они могли остаться в пользовании населения при условии «доприселения» членов общества. Однако по Статье 10 того же закона, по ходатайствам обществ, при одобрении местных властей, земли могли быть оставлены в пользовании жителей селений и без доприселения²²⁹. Так, после рассмотрения прошений Абоганатского и Кудинского ведомств от 10 сентября 1903 г. и 9 июля 1907 г. о предоставлении дополнительных трех десятин на душу к каждой десятине из 15 положенных по закону (уполномоченные просили считать четыре десятины за одну) вследствие непригодности степи для земледелия, в 1907 г. Комиссия по землеустройству посчитала возможным предо-

---

²²⁷ Сибирь. 1911. № 210. С. 3.

²²⁸ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 240об.

²²⁹ Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета... Ст. 9–10. С. 3.

ставить Абоганатскому, Кудинскому, а также Ординскому и Курумчинскому ведомствам сверх 15-десятичной нормы по три десятины на душу²³⁰.

В-четвертых, согласно Статьям 12 и 13 Правил 4 июня 1898 г., предусматривалось закрепление за крестьянами тех земель, на которые ранее администрацией были выданы официально оформленные документы, удостоверяющие права пользования землей²³¹. Правда, на практике прирезка земель на этом основании осуществлялась в исключительных случаях, поскольку документов на землю «инородцы», как правило, не имели.

Кроме того, учитывая особенности хозяйства сибирских крестьян, им предоставлялся ряд привилегий. Например, если «инородцы» не соглашались на доприселение, им предоставлялась возможность по своему усмотрению выбрать надел по 15 дес. на душу мужского пола²³². Это значит, что буряты, хотя и ограничивались в количестве земли, имели возможность выбрать земли, с их точки зрения лучшие по качественным характеристикам. Срок, в течение которого сельские жители могли «обдумывать», приселять дополнительных членов в общество или не приселять, устанавливался в три года, считая с 1 января года, следующего за выдачей отводных записей²³³. Разумеется, в течение этого времени «инородцы» могли беспрепятственно пользоваться своими землями. Сверх того, бурятам были предоставлены во временное пользование выгонные степи в размере около 15 дес. на душу мужского пола²³⁴. В тех ведомствах, где землеустроительные работы были закончены, а наделы определены, согласно Статье 22 Правил 4 июня 1898 г., обычной была практика закрепления в бесплатное пользование расчищенных пашен, не вошедших в надел, сроком на пять лет, счи-

---

²³⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 179; Оп. 5. Д. 188. Л. 4; НАРВ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.

²³¹ Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 12–13. С. 29.

²³² ГАИО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 33. Л. 2.

²³³ Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета... Ст. 9. С. 3; Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 20. С. 32.

²³⁴ ГАИО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 33. Л. 2.

тая с первого января года, следующего за отграничением надела. Прочие пашни оставались в бесплатном пользовании сроком на два года²³⁵. Так, например, согласно решению, зафиксированному в Журнале общего присутствия Иркутского губернского управления по крестьянскому отделению по переселенческому делу от 24 апреля 1913 г., пашни Верхне-Кондойского селения Ленского инородческого ведомства, «отошедшие за черту надела, а также пашни посторонних, вошедшие в него, оставляются в пользовании прежних владельцев на 5 лет»²³⁶. Также предполагалось оставить в казне степные пространства с предоставлением права инородцам пользоваться ими на льготных условиях в интересах скотоводства²³⁷. При отводе земель в первую очередь включались в надел усадьбы, присельные выгоны, пашни, переделываемые покосы, сенокосные расчистки, общественные заказные рощи, семейные и душевые лесные участки²³⁸. Если в земельный надел включались лесные насаждения, уничтожение которых властями признавалось нецелесообразным, они включались в лесной надел, а община получала компенсацию в виде прирезки соответствующего количества земель²³⁹. Земли сорокалетнего пользования оставались в пользовании сельчан до окончания срока, рыболовные воды, не вошедшие в надел, оставались в бесплатном пользовании на неограниченный срок²⁴⁰. Наконец, землеустроительные работы в ведомствах Иркутской губернии начинались, как правило, только в том случае, если на это было получено согласие са-

---

²³⁵ Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 22. С. 32.

²³⁶ ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 727. Л. 150.

²³⁷ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 240об.; Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири... С. 103.

²³⁸ Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета... Ст. 7. С. 2.

²³⁹ Правила о зачислении в лесные наделы по губерниям Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и по области Забайкальской, лесных насаждений, входящих в состав окончательно отграниченных в прежнее время наделов, а также общественных заказных роц и семейных и душевых лесных участков // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. Ст. 2. С. 136.

²⁴⁰ Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 23–24. С. 32–33.

мих «инородцев». Такая практика была обычной, по крайней мере, до 1907 г., что дало право Старшему чиновнику Иркутского поземельно-устроительного отряда Иконникову в своем докладе в Департамент государственных земельных имуществ с сожалением констатировать: «...Деятельность чинов землеустройства среди бурят сужена и сдвинута на шаткую почву инородческих желаний»²⁴¹. Тактика предоставления льгот «инородцам», свидетельствующая о заинтересованности властей в сохранении хозяйственных традиций, прослеживается и в Забайкалье. Там Закон 1900 г. о землеустройстве не требовал обязательного перечисления кочевых «инородцев» в разряд оседлых, а норма земельного надела при необходимости увеличивалась до 30 десятин на наличную душу²⁴².

Таким образом, мы видим, что реформа землеустройства, состоящая во введении уравнительного землепользования с последующим перечислением кочевых «инородцев» в разряд оседлых, не ставила своей целью просто отобрать земли инородцев и «приучить» их к земледелию, а, напротив, учитывала особенности традиционного бурятского хозяйства. Процитированное высказывание г-на Иконникова вообще характеризует методы местной администрации при осуществлении реформ землеустройства по отношению к «инородческому» населению.

Реформа началась в 1898 г. с образования Иркутской поземельно-устроительной партии. В штате партии первоначально числилось всего 22 чина²⁴³. Землеустроительные работы начались в двух русских волостях Иркутского уезда — Оекской и Хомутовской²⁴⁴. «Инородцев» реформа коснулась лишь в 1899 г., когда начали собираться сведения по ведомствам Иркутского и Балаганского округов о количестве земли, скота и численности населения. Помимо этих сведений чины Иркутской поземельно-устроительной партии опирались на данные хозяйственной переписи 1887–1889 гг.

---

²⁴¹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.

²⁴² Андреев Ч.Г., Зайцева Л.А. Очерки аграрной истории Бурятии. С. 27.

²⁴³ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 2об.

²⁴⁴ Там же. Л. 6об.

Одновременно началась топографическая съемка местности. Практически сразу от «инородческих» ведомств стали поступать прошения с просьбой приостановить землеустроительные работы, хотя они еще и не начинались. Всего к январю 1900 г. подали такие прошения 16 ведомств²⁴⁵. Это ведомства Абоганатское, Ординское, Кудинское, Торское, Харибятское, Капсальское Иркутского уезда, Хоготовское, Баендаевское, Верхнекудинское, Ользоновское, Ленское, Ангинское Верхоленского уезда, Аларское, Куйтинское, Ныгдинское, Нельхайское Балаганского уезда. Кроме того, такое же прошение подал Алагуевский отдельный род Иркутского уезда. В ответ на прошения Иркутский военный генерал-губернатор Горемыкин, воспользовавшись данным ему законом правом²⁴⁶, принял решение отложить землеустройство до «производства новой съемки» и изучения быта «инородцев». Землеустроительные работы должны были быть ограничены топографической съемкой местности без проектирования земельных и лесных наделов. Главной причиной такого решения был назван недостаток сведений, освещающих хозяйственный быт бурят²⁴⁷. Старший чиновник по составлению отводных записей Ушаков обратился к генерал-губернатору с просьбой возобновить работы, на что в марте 1901 г. получил отказ²⁴⁸. Лишь в мае 1901 г., после личного доклада губернатору, Ушаков получил разрешение на производство землеустройства в бурятских ведомствах до проектирования наделов включительно²⁴⁹. Но дальше этого дело не пошло, и на несколько лет землеустройство фактически было заморожено. Производились лишь топографическая съемка и проектирование наделов, причем только в тех ведомствах, которые просили об этом. Естественно, проведение работ при таких условиях никак не отражалось на фактическом землепользовании бурятского населения.

---

²⁴⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

²⁴⁶ Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственно-го Совета... Ст. 2. С. 22–23.

²⁴⁷ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

²⁴⁸ Там же. Л. 45.

²⁴⁹ Там же. Л. 49–50.

Таким образом, в Иркутской губернии землеустроительные работы были остановлены уже на первом этапе. Интересно, что главным препятствием продвижению реформы вперед стала исполнительная власть губернии. Трудно сказать, почему генерал-губернатор выступал против форсированного землеустройства. Возможно, он опасался обострения социальной обстановки, возможно, не хотел брать на себя ответственность за негативные последствия реформы, возможно — ни при каких обстоятельствах не хотел нарушать букву закона, ставящего земельное устройство кочевых «иностранцев» в зависимость от их бытовых особенностей. Думается, что одной из основных причин недовольства местных властей землеустроительными работами являлось то, что они не были подконтрольны губернским чиновникам. В 1907 г. другой Иркутский генерал-губернатор, Селиванов, сетовал на то, что «в настоящее время каждое Министерство имеет на местах своих представителей, которые, действуя по директивам Департаментов, фактически устранены от руководства Главного Начальника края». Одним из недочетов землеустроительной реформы Селиванов считал то, что «землеустройство производится без достаточного руководства высшей и губернской администрации края»²⁵⁰. В любом случае мы можем констатировать факт того, что в споре по поводу землеустройства между чинами землеустроительной партии, являющимися представителями государственной власти, и «иностранцами» местная администрация приняла сторону вторых.

Перелом в осуществлении реформы землеустройства намечился с началом известной реформы П.А. Столыпина, предполагавшей масштабное переселение крестьян из Европейской части России в Сибирь. Поток желающих перебраться в Сибирь значительно превзошел число переселенцев предыдущих лет. По официальным данным, статистика переселения в Сибирь в первое десятилетие XX в. выглядит следующим образом: 1900 г. — 166 000 чел., 1901 г. — 89 000 чел., 1902 г. — 82 000 чел., 1903 г. — 94 000 чел., 1904 г. — 40 000 чел., 1905 г. — 38 000 чел., 1906 г. —

---

²⁵⁰ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1908. С. 5, 22.

139 000 чел., 1907 г. — 427 000 чел., 1908 г. — 665 000 чел., 1909 г. — 619 000 чел.²⁵¹

С 1896 г. по 1 ноября 1909 г. в Иркутскую губернию переехало 25 040 душ мужского пола²⁵², что составляло, например, почти половину от бурятского мужского населения губернии. Такое положение дел подталкивало власти к форсированию реформы землеустройства, поскольку только она могла предоставить свободные земли в колонизационный фонд. А так как «инородцы» обладали большим количеством земель, именно за их счет в первую очередь и должны были формироваться переселенческие участки. Указом от 6 мая 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия с подчинением ему переселенческого управления, до этого состоящего в ведении МВД (закон от 19 сентября 1905 г.). С этого момента реформа землеустройства напрямую была поставлена на службу переселенческой политике правительства. Инородческие земли рассматривались властями как одна из основных баз для отвода переселенческих участков. В циркулярном письме Главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Васильчикова сибирским губернаторам от 25/28 декабря 1906 г. прямо говорилось: «Нахожу возможным назначить под переселенческие участки... излишки в землепользовании инородцев»²⁵³. И, тем не менее, несмотря на прямое указание закона на возможность образования переселенческих участков за счет изъятых из землепользования сибирских крестьян в ходе реформы землеустройства земель²⁵⁴, власти действовали очень осторожно. Согласно Правилам о переселении на казенные земли, под переселенческие участки отводились в первую очередь «земли непосредственно казны», а потом

---

²⁵¹ Статистик. Кризис канцелярского переселения // Сибирские вопросы. 1910. № 31–32. С. 23.

²⁵² Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1908–1909 гг. Иркутск, 1910. С. 22.

²⁵³ Циркулярное письмо г. Главноуправляющего землеустройством и земледелием Сибирским губернаторам от 25/28 декабря 1906 года // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 36.

²⁵⁴ Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета... III. С. 25.

уже прочие земельные пространства²⁵⁵. В телеграмме Председателя Совета Министров сибирским и среднеазиатским губернаторам от 17 июля 1907 г. сказано: «В виду особой государственной важности расширения переселенческого дела в Сибири и затруднений в скорейшем образовании переселенческих участков... поручено было... выяснить возможность расширения переселенческих землеотводных работ и использования для сего не только совершенно свободных казенных земель в Сибири, но и замежеванных во владение казны лесных дач и казенных оброчных статей и запасных участков»²⁵⁶. И ни слова о старожильческих или «иностранческих» землях. Причина этого, разумеется, не в особом расположении П.А. Столыпина к сибирским жителям, а скорее в том, что землеустроительные работы продвигались очень медленно, и «изъятых» земель было явно недостаточно для удовлетворения нужд колонизации.

В течение 1906–1907 гг. Старший чиновник по составлению отводных записей Иркутского поземельно-устроительного отряда Иконников составил, по крайней мере, три доклада Иркутскому генерал-губернатору и в Департамент государственных земельных имуществ, в которых обосновывал необходимость реформирования землепользования прибайкальских бурят и обвинял местные власти в некомпетентности²⁵⁷. «...Не обременяла себя, насколько мне известно, администрация проверкой бурятских домогательств на местах, — все дело ограничивалось перепиской с крестьянскими начальниками, несложной и незамысловатой», — го-

---

²⁵⁵ О порядке образования переселенческих и запасных участков в губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и в областях Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской и Забайкальской // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. Ст. 128. С. 15.

²⁵⁶ Телеграмма Председателя Совета Министров Губернаторам Томскому, Тобольскому, Иркутскому, Енисейскому, Тургайскому, Уральскому, Акмолинскому, Семипалатинскому от 17 июля 1907 г., № 3908 // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. С. 261

²⁵⁷ См.: ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 76–77, 82–85, 96–99, 119.

ворится в одном из докладов²⁵⁸. Однако и на этот раз местная администрация не пошла навстречу чаяниям чинов землеустройства. Иркутский генерал-губернатор Селиванов 6 ноября 1907 г. предложил в Китойском, Ныгдинском, Аларском, Нельхайском и Боханском ведомствах ограничиться съемкой местности и собиранием сведений о быте, в Куйтинском — производить работы, если пожелают инородцы, в Укырском и Унгинском ведомствах — собирать сведения²⁵⁹. Налицо продолжение практики затягивания реформы, ограничение ее топографическими съемками и постановка землеустроительных работ в зависимость от желания «инородцев». Только вмешательство центральных властей изменило ситуацию. В циркуляре Главноуправляющего землеустройством и земледелением от 29 января 1908 г. на имя Иркутского генерал-губернатора в частности говорилось: «...По ныне действующему закону кочевые инородцы четырех сибирских губерний в общем правиле подлежат обязательному поземельному устройству, как и крестьяне... Совершенно недостаточно для приостановки поземельного устройства заявления бурят о нежелании или несогласии на это... Нет никакой надобности спрашивать мнение инородцев относительно введения у них землеустройства»²⁶⁰.

В 1908–1909 гг. землеустроительные работы резко активизируются. С этого момента местная администрация переходит на сторону землеустроителей. В дополнение к уже имеющейся Иркутской поземельно-устроительной партии были сформированы еще две — Балаганская и Верхоленская, а также Иркутская партия по образованию переселенческих участков. Все четыре партии были подчинены Заведующему землеустройством и переселением в Иркутской губернии. Первоначально работы проводились в Иркутском, Балаганском и, частично, Верхоленском уездах. В 1910–1911 гг. землеустройство было распространено на большую часть ведомств Верхоленского уезда, а также на два бурятских ведомства Нижнеудинского уезда — Солонецкое и Гадалейское, «где на значительных пространствах живет относитель-

---

²⁵⁸ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.

²⁵⁹ Там же. Л. 161.

²⁶⁰ Там же. Л. 162.

но ничтожное население и где, поэтому, имеются огромные излишки»²⁶¹. Работы по землеустройству теперь включали все этапы — от топографической съемки до выдачи населению отводных записей. К 1913 г. землеустройством было охвачено уже около 90% «инородческого» населения. Однако, по ряду причин, работы шли не так быстро, как хотелось бы чинам землеустройства. Во-первых, очень небольшим был штат поземельно-устроительных партий. Во-вторых, чины партий привлекались и для обустройства переселенческих участков в ущерб своей основной деятельности. В-третьих, как уже отмечалось выше, землеустройство было растянуто во времени в силу необходимости соблюдения определенных процедур, а работы в большинстве ведомств начались слишком поздно (вместо 1898 г. фактически только в 1907–1908 гг.). В-четвертых, роль тормозящего реформу фактора играли не прекращающиеся жалобы и прошения «инородцев» о приостановке землеустройства. Хотя количество таких прошений значительно снизилось по сравнению с первыми годами XX в., а сами прошения, как правило, не удовлетворялись, тем не менее, они должны были рассматриваться на поземельно-устроительной комиссии и в Общем присутствии Губернского Управления, что затягивало процедуру выдачи отводных записей. Интересно, что, несмотря на изменение отношения властей к вопросу о необходимости одобрения землеустройства со стороны «инородцев», все же и в этот период предпочтительность отдавалась лояльным методам работы. Так, например, на заседания Комиссии по землеустройству и переселению, где обсуждались вопросы распределения переселенческих участков, перечисления кочевых «инородцев» в разряд оседлых и образование из ведомств волостей, приглашались уполномоченные от бурятского населения. «Было бы весьма желательно, если окажется возможным по времени, чтобы крестьяне и инородцы предварительно обсудили эти вопросы и дали своим представителям необходимые указания», — говорится в одном из таких приглашений²⁶³.

---

²⁶¹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.

²⁶² Там же. Д. 7. Л. 219.

²⁶³ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 791. Л. 1.

К 1913 г. около 90% бурят было охвачено землеустройством. Однако это не означало успеха реформы. На территории Иркутской губернии, заселенной бурятами, было запроектировано 349 наделов, 262 из них (75%) утверждено, на 86 наделов (24% от общего числа и 30% от числа утвержденных) выданы отводные записи²⁶⁴. На территории Окинского ведомства Иркутского уезда землеустройство было приостановлено вследствие особенностей хозяйственной деятельности жителей (скотоводство, рыболовство, лесные промыслы), в Ангинском, Еланцинском, Кутульском ведомствах Верхоленского уезда землеустроительные работы вообще не проводились²⁶⁵. Сложнее проходил процесс перечисления кочевых «инородцев» в разряд оседлых и образования волостей. На территориях 31 ведомства, 2 отдельных родов и 1 отдельного сельского общества было образовано 14 волостей, при этом к ближайшим крестьянским волостям были приписаны жители лишь девяти селений Унгинского ведомства Балаганского уезда и двух малочисленных ведомств Нижнеудинского уезда. Остальные волости были образованы по национальному принципу в рамках прежних ведомств (некоторые — путем деления ведомства на несколько волостей). В итоге к оседлому населению были причислены все буряты Нижнеудинского уезда, 40% «инородцев» Иркутского уезда, большинство бурят Балаганского уезда и жители только одного ведомства Верхоленского уезда²⁶⁶.

Первая мировая война отразилась на продолжении реформы двояким образом. С одной стороны, из-за призыва на действительную военную службу значительно сократился штат поземельно-устроительных партий. Если на 1 января 1914 г. он насчитывал 99 чинов, то на 1 января 1917 г. — лишь 43²⁶⁷. По этой же причине в тех ведомствах и бурятских волостях, где был произведен призыв инородцев в армию на тыловые работы (с 1916 г.), ощущался недостаток рабочих рук для производства землемерных работ. С другой стороны, на основании распоряжений Главного Управления земле-

---

²⁶⁴ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 219.

²⁶⁵ Там же. Л. 217–218.

²⁶⁶ Там же. Л. 219.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 240об.

устройства и земледелия и Иркутского генерал-губернатора, с середины 1915 г. активизировались работы «по окончательному отграничению наделов инородцев, не несущих воинской повинности за счет сокращения проектных работ по наделам крестьян, так как последние могли встретить затруднения по поставке рабочих к межевым работам»²⁶⁸. В целом же приходится признать, что в годы войны темпы реформирования землеустройства, как бурятского населения, так и русских волостей значительно снизились. Была продолжена работа в ведомствах и бурятских волостях, уже знакомых с землеустройством. Начались землеустроительные работы (съемка и проектирование наделов) в Ангинском, Кутульском и Еланцинском ведомствах Верхоленского уезда. В основном была закончена работа в Унгинском ведомстве, которое было разделено на три волости²⁶⁹. Основные сложности поземельно-устроительных партий заключались в недостатке штатных работников и рабочих, поэтому упор делался в эти годы на камеральную работу, подготовку документов по уже запроектированным наделам. В качестве иллюстрации испытываемых землеустроителями затруднений можно привести выдержки из отчетов поземельно-устроительных партий и партии по образованию переселенческих участков за 1916 г.: Иркутская партия по образованию переселенческих участков — план не выполнен «ввиду отсутствия у населения рабочих»; Верхоленская поземельно-устроительная партия — представлено старшему чиновнику 40 отводных записей, рассмотрен комиссией один надел, не запроектировано ни одного надела; Балаганская поземельно-устроительная партия — «...Благодаря обстоятельствам военного времени план поземельно-устроительных работ по партии оказался невыполненным в большей своей части»²⁷⁰. Всего за 1916 г. в Иркутской губернии было запроектировано 29 902 дес. наделов, что составляет 0,8% от ранее запроектированных земель, отграничено 59 262 дес. (2,2%), подготовлены отводные записи на 199 941 дес.

---

²⁶⁸ Там же. Л. 82об.

²⁶⁹ Там же. Л. 82об., 83, 83об., 84, 84об.

²⁷⁰ Там же. Л. 62об., 110, 150об.

(12,2%)²⁷¹. План работ на 1917 г. предусматривал еще меньшие масштабы работ — проектирование 23 550 и отграничение 74 430 дес. Штат работников, предусмотренный планом, утвержденным заместителем министра земледелия Временного правительства Н. Грудистовым, составлял всего 35 чел.²⁷² О снижении темпов землеустройства в годы войны свидетельствует и статистика заготовки земельного фонда для нужд переселенцев, проводившаяся теми же поземельно-устроительными партиями. Если в 1910 г. по Иркутской губернии было заготовлено 441 750 дес. удобной земли, в 1913 г. — лишь 38 770 дес., в 1914 и 1915 гг. еще меньше, — 24 900 и 29 900 дес. соответственно²⁷³. Такими темпами реформа могла продолжаться еще не один десяток лет, однако ей не суждено было завершиться — весной 1917 г. по распоряжению Временного правительства все работы по землеустройству бурятских земель, за исключением случаев, когда население само просило о таковых, были приостановлены, как потом оказалось, окончательно²⁷⁴.

Итак, в процессе осуществления властями реформы землеустройства бурятского населения Иркутской губернии, опираясь на ряд характерных черт, представляется возможным выделить следующие периоды:

1. Первый период — 1898–1908 гг. — начало реформы. Период характеризуется конфронтацией между местной администрацией и чинами землеустройства по вопросам применения положений реформы к бурятскому населению губернии. Землеустроительные работы ограничиваются исключительно топографической съемкой местности и, при наличии согласия «инородцев», проектированием наделов.

2. Второй период — 1908–1914 гг. — кульминация реформы. При поддержке центральной власти и с согласия местной администрации в реформу вовлекается подавляющее большинство бурятских ведомств. Землеустроительные работы включают в себя съемку земель, проектирование и отграничение наделов, подготовку и выдачу населению от-

---

²⁷¹ Там же. Л. 249–249об.

²⁷² ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 153. Л. 2, 6.

²⁷³ РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 28. Л. 4.

²⁷⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 154. Л. 2.

водных записей. Только начиная с этого времени могут констатироваться реальные результаты реформы.

3. Третий период — 1914–1917 гг. — постепенный спад темпов реформы, обусловленный объективными трудностями военного времени. Землеустроительные работы заключаются, главным образом, в отграничении запроектированных наделов и подготовке отводных записей. С приходом к власти в стране Временного правительства реформа фактически сворачивается.

Определенная неоднозначность при ближайшем рассмотрении обнаруживается и в отношении самого бурятского населения к реформе. Для детального рассмотрения этого аспекта проблемы требуется остановиться на следующих, тесно друг с другом связанных вопросах: насколько широкой была негативная реакция бурят на реформу, как эта реакция изменялась с течением времени и какие формы она принимала, каковы причины такой реакции.

Как уже отмечалось, в самом начале реформы, в 1899 г., когда только начали производиться съемки местности, 16 бурятских ведомств из 33, существовавших на тот момент, т.е. почти 50%, подали прошения о приостановке землеустроительных работ. В результате реформа была фактически остановлена. Разрешалось производить работы вплоть до проектирования участков в тех ведомствах, которые сами изъявляли к этому желание. Впоследствии Иркутская поземельно-устроительная партия не раз предлагала инородцам провести землеустройство, но результат был примерно такой же, — около половины бурят отказывалось от проведения работ. Так, например, в 1905 г. в ответ на предложение партии Ординскому ведомству, население Второго и Четвертого Бабаевских родов отказалось от землеустройства. Отрицательный ответ на подобное предложение в этом же году дали два из семи улусов Курумчинского ведомства. Отказавшиеся от проведения землеустроительных работ составляли 47% от населения этих ведомств²⁷⁵. Хотя прошения бурят и достигли своей цели, упорство чинов землеустройства подталкивало отдельных представителей бурятского населения к закреплению

---

²⁷⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 82.

нию тактической победы. На первом общегубернском съезде бурят, проходившем 20–26 августа 1905 г. в Иркутске, одним из главных пунктов повестки было отношение к реформе землеустройства. Итоговым документом съезда по этому вопросу стало прошение на имя Иркутского генерал-губернатора о нераспространении землеустройства на бурятские земли «впредь до расследования того вопроса, какое количество земли необходимо на каждую душу по современному состоянию *скотоводческо-земледельческого* [курсив наш. — А. К.] хозяйства бурят Иркутской губернии»²⁷⁶. Не иссякал поток жалоб и от отдельных ведомств (Аларского — дважды в 1905 г., Нельхайского — 1906 г., Унгинского — 1906 г. и т.п.). И, тем не менее, резолюция съезда, поданная от имени всех бурят губернии, не являлась изъятием воли всего бурятского народа. Далеко не все бурятские роды и селения, понимая выгоды землеустройства, отказывались от него. Еще на заре реформы, в 1898 г., когда работы по землеустройству еще не начались, 480 душ мужского пола Аларского ведомства ходатайствовали о переводе их из кочевых в разряд оседлых «инородцев». Из числа этих бурят была создана отдельная Грязнутская волость²⁷⁷. В 1904 г. землеустройство было фактически завершено в Бардинском отдельном сельском обществе Иркутского уезда, «инородцы» общества причислены к оседлому населению, а само общество преобразовано в волость²⁷⁸. Неоднократно хлопотали об открытии землеустроительных работ жители Еланцинского ведомства Верхоленского уезда (фактически работы начались там только в 1916 г.)²⁷⁹.

С началом форсированного землеустройства в 1907–1908 гг. количество прошений о приостановке землеустроительных работ заметно снизилось. В источниках зафиксированы протесты от бурят некоторых ведомств Балаганского уезда. Чиновники объясняли подачу жалоб «подстрекательством унгинских бурят, до сих пор ведущих упорную борьбу против землеустройства и переселения»²⁸⁰. Зато получила

---

²⁷⁶ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 155.

²⁷⁷ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 545. Л. 16, 18.

²⁷⁸ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 99, 217.

²⁷⁹ Там же. Л. 119.

²⁸⁰ Там же. Д. 378. Л. 7.

широкое распространение новая форма пассивного сопротивления реформе — отказ предоставлять рабочих и лошадей для производства землемерных работ. В условиях ограниченности финансирования и недостатка штатных сотрудников такая тактика «инородцев» зачастую могла полностью парализовать работу поземельно-устроительных партий. В годы Первой мировой войны такая форма сопротивления реформе ощущалась наиболее сильно. И это несмотря на то, что участие в землемерных работах инородцев оплачивалось. Например, за помощь в землеустроительных работах в 1909–1911 гг. 91 «инородец» Аларского ведомства получили от 1 до 96 р., общая сумма вознаграждения составила 938 р. 28 к.²⁸¹ Ситуация проясняется, если рассмотреть вопрос о том, кто был организатором противодействия властям. Так, по причине отсутствия рабочих и лошадей землеустроительные работы существенно затянулись в Ленском ведомстве. Причем, как оказалось, организаторами саботажа здесь являлись глава ведомства и родовые старосты, под различными предложениями уклоняющиеся от содействия производителям работ²⁸².

Вместе с тем, увеличилось число ходатайств с просьбой о начале землеустройства. Так, в 1907 г. такое ходатайство было представлено Торским ведомством Иркутского уезда. Прошение мотивировалось непрекращающимися земельными спорами между родами. В 1909 г. с просьбой о «перемерке» земель выступили «инородцы» Верхнекудинского ведомства Верхоленского уезда²⁸³. По просьбе самих «инородцев» в 1916 г. начались землеустроительные работы в Еланцинском ведомстве²⁸⁴. Отмечается интерес к землеустройству даже бурят Алагуевского отдельного рода, которые действительно практически не занимались земледелием, и, в свое время даже выступали против землеустройства. «Алагуевцы замечают сокращение старинных заработков и совершенно основательно усматривают необходимость в обращении, пока еще не поздно, к более постоянному занятию — сельскому хозяйству», — отмечается в одном из до-

---

²⁸¹ НАРБ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 5, 6.

²⁸² ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 727. Л. 7, 8, 81, 97.

²⁸³ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–175.

²⁸⁴ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 184–185.

кладов Старшего чиновника Иркутского поземельно-устроительного отряда в 1906 г.²⁸⁵ Делая поправку на безусловную тенденциозность чиновника, все же приходится признать, что факт симптоматичен.

Понимая неотвратимость землеустройства, некоторые селения или роды, не отказываясь от землеустройства в принципе, стремились получить от него большие выгоды. Передкими стали прошения о прирезке земель, на которые, якобы, имелись официальные документы. Как правило, при проверке оказывалось, что документов нет, или они оформлены не должным образом, что вызывало у чинов землеустройства сомнения насчет их подлинности. Так, в 1912 г. было отклонено подобное прошение Шестого Чернорудского рода Ленского ведомства²⁸⁶. Примечательно, что та же картина наблюдалась в других сибирских регионах. Например, татары Томской губернии, которые «владеют большим пространством земли, которым почти не пользуются», во время землеустройства утверждали, что документы на землю у них были, но их похитили землемеры²⁸⁷. Указывали на некие «владенные документы» при производстве землемерных работ и минусинские татары²⁸⁸. Все эти недоразумения происходили оттого, что инородцы считали землю *своей*, в то время как с точки зрения государства они ею лишь пользовались. Землемерные работы, которые проводились до реформы землеустройства, принимались инородцами «как акт, закрепляющий за ними право владения громадными площадями, в которых даже по экспликациям планов числятся десятки тысяч казенных земель»²⁸⁹.

В этой связи нельзя не упомянуть о еще одном феномене деятельности бурят во время проведения реформы — отказе от выделения лесных наделов при принятии реформы в целом. Буряты, впрочем, как и русские крестьяне, испокон веков пользовались лесами свободно. Считалось, что леса на всех хватит, и делить его не имеет смысла. Государство же

---

²⁸⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 84.

²⁸⁶ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 727. Л. 99.

²⁸⁷ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 12–12об.

²⁸⁸ Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве... С. 62.

²⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1 797. Оп. 1. Д. 542. Л. 114об.–115.

хотело взять под контроль пользование лесными угодьями, с целью чего, в частности, в рассматриваемый период активизирует деятельность государства по охране лесов (создание лесничеств, заказных дач и т.д.). Как известно, реформа предусматривала одновременное отграничение и земельных, и лесных наделов²⁹⁰. Отказ от получения лесного надела, с одной стороны, в глазах «инородцев» освобождал их от ответственности за бесконтрольное пользование лесами, с другой — затягивал проведение землеустройства. Подобные отказы зафиксированы в Ленском ведомстве, Хоготовской, Кырменской волостях Верхоленского уезда²⁹¹. В Аларском ведомстве Балаганского уезда буряты продолжали свободно пользоваться лесными угодьями даже после отвода им лесных наделов, что вызывало беспокойство властей²⁹².

К перечисленному можно добавить, что, даже соглашаясь на проведение землеустройства, буряты иногда представляли землеустроителям неверные сведения, дабы получить большие площади. Отмечаются случаи включения «инородцами» при исчислении земельных угодий утугов в сенокосы, а залежей — в пашни, констатируется искусственное завышение численности населения. Например, в 1908 г. при подсчете надельных душ Бильчирское ведомство показало умерших в 1906–1907 гг. как умерших в 1908, а родившихся в 1908, как родившихся в 1907 г.²⁹³ Между тем, по принятому правилу «не могут быть исключаемы из числа наличных душ умершие после 1 января того года, в котором открыты поземельно-устроительные работы, потому что в противном случае было бы необходимо добавлять родившихся после указанного срока»²⁹⁴.

В целом обстановка с проведением землеустроительных работ в губернии к 1910-м гг. стабилизировалась по сравнению с началом века. Причин такого поворота событий несколько. Во-первых, как представляется, сыграла свою роль

---

²⁹⁰ Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 48. С. 45.

²⁹¹ ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 727. Л. 155, 174; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 98об., 99об., 100об.

²⁹² НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 791. Л. 2.

²⁹³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 180.

²⁹⁴ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 10об.

решимость властей довести дело землеустройства до логического конца. Отклонение прошений «инородцев», переход к отграничению наделов и выдаче отводных записей и частичный отход от практики ожидания одобрения землеустройства со стороны бурят подталкивали последних к пониманию неизбежности проведения реформы. Во-вторых, в условиях наплыва переселенцев скорейшее юридическое оформление прав на пользование землей было в интересах самих «инородцев». В-третьих, на изменение отношения бурят к землеустройству повлияла разъяснительная работа, которой активно занимались чины землеустройства. В ходе встреч производителей работ с населением выяснялось, что многие простые бурятские крестьяне ведомств, от которых в 1899 г. поступили прошения о прекращении землеустроительных работ, либо ничего не знали об этих ходатайствах, либо относились к ним равнодушно²⁹⁵. В случае с Куйтинским ведомством оказалось, что неправильно был составлен общественный приговор, — на самом деле жители этого ведомства никогда не отказывались от землеустройства. В ошибке был обвинен письмоводитель инородной управы²⁹⁶. После разъяснения выгод землеустройства, «инородцы», как правило, соглашались на его проведение. «Всюду обнаруживаются признаки того, что массовые ходатайства, поданные в 1899 г. от имени целых ведомств, о приостановке применения к инородцам законов о поземельном устройстве не совпадают с интересами последних», — отмечал Старший чиновник Иркутского поземельно-устроительного отряда Иконников в 1906 г. в своем докладе Иркутскому генерал-губернатору²⁹⁷.

Вопрос о том, в чьих же интересах подавались известные прошения нужно рассматривать в тесной связи с теми аргументами, которые выдвигались против землеустройства.

Главным аргументом, озвученном и на первом общегубернском бурятском съезде в Иркутске в 1905 г., выступало утверждение о нехватке земель для ведения традиционного скотоводческого хозяйства. Утверждалось, что исследования бурятского быта, в том числе хозяйственная перепись

---

²⁹⁵ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 76, 79, 83.

²⁹⁶ Там же. Л. 209.

²⁹⁷ Там же. Л. 85.

сельского населения 1887–1889 гг., не осветили всех сторон жизни бурят, которые являются, по своей сути, прежде всего скотоводами, а уже потом земледельцами. Отсюда делался вывод о преждевременности реформы. Из 16 ведомств, подавших в 1899 г. ходатайства, в 11 площадь запашки на душу была меньше, чем в русских волостях в среднем по губернии (4 дес.). В Алагуевском роде запашки не было вообще. Однако если сравнивать показатели площади запашки ведомств с русскими волостями одного и того же уезда, картина будет несколько иной. В Иркутском уезде меньше, чем русские (3,4 дес.) имели запашки инородцы четырех ведомств (Ординское, Кудинское, Торское и Харибятское). В Верхоленском уезде — одно Верхнекудинское ведомство (то самое, которое позже, в 1909 г., само просило о «перемерке» земель), в Балаганском округе — Ныгдинское и Нельхайское ведомства. Таким образом, земледельческий характер хозяйства жителей половины ведомств (в сравнении с соседним русским населением), представивших в 1899 г. ходатайства о приостановке реформы, не подлежит сомнению. Так, например, в 1899 г. на душу в Аларском ведомстве Балаганского уезда приходилось 5,9 дес. запашки, Куйтинском ведомстве того же уезда — 5,6 дес., тогда как у русских крестьян Балаганского уезда, которых никто не подозревал в занятиях кочевым скотоводством, этот показатель в среднем равен 4,7 дес. на душу²⁹⁸. Что касается остальных ведомств, то меньшие посевные площади по сравнению с окрестными русскими волостями сами по себе еще не могут свидетельствовать о скотоводческом характере хозяйства их жителей. Определенно нельзя причислить к земледельцам лишь бурят Алагуевского рода.

Вместе с тем, исследователями бурятского хозяйства отмечается, что интенсификация земледелия у прибайкальских бурят сопровождалась появлением среди бурят людей, занимающихся скупкой и перепродажей зерна²⁹⁹. О масшта-

---

²⁹⁸ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 10, 17, 20, 24; НАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 275. Л. 2об., 8

²⁹⁹ См., напр.: Богданов Г.Н. Бурятское население Иркутской области... С. 26; ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 710. Л. 136.

бах сдачи бурятами земли в аренду говорилось выше. Интересно, что по данным исследований 1887–1889 гг. в Аларском ведомстве, упорно сопротивляющимся реформе (в то время включало в себя также будущие Ныгдинское и Куйтинское ведомства), зафиксирован самый большой в Балаганском округе и один из самых высоких в губернии процент сдающих хозяйств — 23%³⁰⁰. Естественно, что заниматься скупкой зерна могли только обеспеченные буряты. Кроме лучших земель эти люди имели и реальную власть. Звания родовых старейшин и глав ведомств были пожизненны, а иногда и наследственны. Как отмечается в «Материалах...», «...недалеко еще то время, когда тайша [здесь — глава ведомства. — А. К.] мог безнаказанно засесть до смерти непослушного бурята»³⁰¹. К моменту проведения реформы в большинстве ведомств старые династии тайшей были уже отстранены от власти кулаками, богатыми бурятами, так сказать, «новой формации»³⁰². Однако на общепринятую практику контроля верхушки ведомств над землепользованием это не повлияло. Решения от имени ведомств принимались на сугланах (собраниях), о демократичности которых говорить не приходится, — на них являлись лишь избранные от родов в количестве трех-пяти человек от 100–200 хозяев³⁰³. Таким образом, через сугланы знать могла контролировать все стороны общественной жизни. Вероятно, что именно возможность контроля над общинным землепользованием явилась яблоком раздора между тайшами и «новыми бурятами», и прав П.Т. Хаптаев, утверждая, что ликвидация Степных дум и образованием ведомств есть «начало буржуазного преобразования административного строя бурят»³⁰⁴. А для буржуазии единственно приемлемой формой собственности явля-

---

³⁰⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 278, 290.

³⁰¹ Там же. С. 30.

³⁰² Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 103.

³⁰³ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 32–33.

³⁰⁴ Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 105.

ется собственность частная. Не имея возможности в рамках общины приватизировать землю, национальная буржуазия пользовалась ею в своих интересах через административные органы. Неиспользуемая непосредственно земля, в том числе и общественная, была для представителей местной знати источником дохода, в то время как их неимущие сородичи и многие русские крестьяне-старожилы страдали от малоземелья. Около четверти бурят иркутской губернии, по данным хозяйственной переписи 1887–1889 гг. имели до 5 десятин запашки на хозяйство. Вместе с тем, главы ведомств и родовая знать одновременно являлись и самыми зажиточными хозяевами. Так, представитель старейшей тайшинской династии И. Пирожков в начале XX в. имел 300 десятин пашни, 40 рабочих лошадей, 80 голов крупного рогатого скота. Тайша Балаганского ведомства Ф. Жербаков еще в 1879 г. обладал 38 десятинами посевной площади, 10 десятинами угугов, имел 60 лошадей и 60 голов КРС³⁰⁵. Таким образом, у прибайкальских бурят основой сельской буржуазии являлась местная знать (нойоны)³⁰⁶. Поэтому напрашивается вывод о том, что землеустройство, которое, помимо ограничения землепользования пятнадцатью десятинами должно было еще и наделить землей малоземельных инородцев, было невыгодно именно состоятельной прослойке бурятского общества, к тому же находившейся у власти. Это обстоятельство отмечал Старший чиновник Иркутского поземельно-устроительного отряда, когда писал, что «...в земельных делах интересы разных групп инородческого населения губернии вовсе не совпадают»³⁰⁷. На это же указывает современный исследователь: «При изучении соответствующих архивных материалов обращает на себя внимание такой факт, как свободное оперирование различными положениями многочисленных законодательных актов в жалобах и прошениях при почти поголовной неграмотности «инородческого» населения. В качестве лиц, оказывающих противодействие реформам

---

³⁰⁵ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири... С. 289.

³⁰⁶ Там же. С. 304.

³⁰⁷ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 96.

на местах, разумеется, выступают преимущественно представители местного «инородческого» управления»³⁰⁸.

Не в меньшей, если не в большей степени, чем нехватка земель, бурятскую верхушку волновали изменения, которые должны были произойти после землеустройства, а именно — перевод кочевых инородцев в разряд оседлых и ликвидация ведомств. В этом случае главы ведомств и родовые старейшины теряли власть, население лишалось, согласно Правилам 1898 г. ряда привилегий, в частности, по суду. Закон не запрещал наследование должностей «кочевым инородцам», но, переходя в оседлые, буряты уравнивались в правах с русским населением³⁰⁹. Поэтому одним из положений, планомерно отстаиваемых представителями бурятских ведомств, было сохранение традиционного административного устройства. Это положение было сформулировано на общегубернском бурятском съезде в 1905 г. (кстати, большинство организаторов съезда являлись либо главами, либо заседателями ведомств³¹⁰), и в последующем не раз поднималось на страницах печати бурятской интеллигенцией. Один из бурятских уполномоченных, глава Аларского ведомства М. Бадмаев, в 1911 г., в преддверии реорганизации некоторых ведомств, в том числе Аларского, утверждал: «Составление волостей из чуждых по духу народностей вызовет недоумения на почве взаимного непонимания, уклада жизни, обычаев и нравов»³¹¹. Иногда столкновения представителей администрации и инородцев принимали довольно серьезный оборот. Вот выдержка из письма Заведующего Кутуликским и, временно, Осинским подрайонами, чиновника особых

---

³⁰⁸ Гончаренко А.В. Об итогах и задачах изучения национального движения народов Сибири XIX конца–начала XX вв. // Дуловские чтения 1992 года: тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 16–17 окт. 1992 г. Ч. 1. Иркутск: Изд. Иркут. пед. ин-та, 1992. С. 78–79.

³⁰⁹ Положение об инородцах. Ст. 12, 49. С. 540, 542.

³¹⁰ Например, один из организаторов съезда, С. Пирожков, представитель старой тайшинской династии Балаганской степной думы, составитель ходатайства о разрешении проведения съезда, являлся главой Боханского ведомства; М. Богданов, секретарь съезда, происходил из зажиточной бурятской семьи, в свое время ведшей борьбу за власть в Идинской степной думе (см. Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 101–102), по роду занятий — «управляющий именем» (Иркутские губернские ведомости. 1907. № 4815. С. 1).

³¹¹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 5; НАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 583. Л. 31.

поручений при Переселенческом Управлении Кременерса Иркутскому генерал-губернатору по поводу образования волостей у инородцев (1912 г.): «Буряты категорически отказались [от выбора должностных лиц волостного правления. — А. К.] и заявили, что они ожидают приказа Сената и могут согласиться лишь на чисто инородческие волости без переселенцев, но не раньше 10-ого января 1913 года... В Аляте толпа бурят под предводительством Иннокентия Тумурхунова так неистовствовала, что я, почувствовав близкую возможность оскорбления действием, вынужден был одного из бурят отстранить резким жестом и даже помахать перед собой маленьким браунингом для освобождения себе пути к переселенцам, которые... негодовали против... агрессивного... поведения бурят»³¹². Таким образом, в глазах «инородцев» землеустройство компрометировало себя еще и тем, что являлось предтечей административной реформы ведомств.

К перечисленным причинам недовольства реформой добавлялось утверждение, распространяемое, опять таки, скорее всего, зажиточными «инородцами», что, якобы, буряты в течение 10 лет будут платить подати и нести повинности и за себя, и за переселенцев (которые, как известно, после переселения на некоторое время освобождались от уплаты податей). Утверждение это не имело под собой никаких оснований. Чины же землеустройства прямо связывали противодействие бурят проведению реформы с нежеланием отбывать воинскую повинность³¹³. Хотя в прошениях от бурятских ведомств эта причина не называется, все же, вероятно, она имела место. Во всяком случае, в жалобах бурятских уполномоченных 1911–1912 гг., связанных с введением волостного правления, в числе теряемых бурятами привилегий наряду с сохранением особого суда фигурирует освобождение от воинской повинности. У бурят были причины опасаться введения воинской повинности сразу после проведения землеустройства — несколько жителей бурятской Бардинской волости, где рано завершилось землеустройство, были призваны на русско-японскую войну 1904–1905 гг.³¹⁴ Прецедент такого рода, с точки

---

³¹² ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 16–17.

³¹³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 99; НАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 583. Л. 26об.

³¹⁴ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 99.

зрения многих бурят, мог легко превратиться в общее правило. Один из известнейших бурятских общественных деятелей, Ц. Жамцарано, в 1906 г. писал, что буряты по своей сути — «мирные кочевники», воспитанные в отвращении к убийству. У бурят, якобы, «повсеместно вывелась охота на зверей и птиц, а убийство человека вовсе не встречается». Поэтому, делает вывод Ц. Жамцарано, введение воинской повинности у бурят противоречит самому их мировоззрению³¹⁵. В 1916 г. был издан указ о привлечении «инородцев» Сибири (кроме «бродячих») на работы по строительству оборонительных сооружений и военных сообщений³¹⁶. При призыве учитывался образ жизни «инородцев», в частности, бурят, численность населения, количество необходимых для нормальной жизни на местах после призыва людских и материальных ресурсов, количество скота. Хотя бурят привлекали только на тыловые работы, все же эти меры вызывали недовольство бурятского населения, что отражалось и на землеустройстве, — как уже отмечалось выше, буряты отказывались от предоставления рабочих и лошадей, мотивируя это отсутствием свободных рабочих рук вследствие призыва.

Итак, как мы видим, реакция бурят на реформу землеустройства не везде и не всегда была резко отрицательной. Наибольшее сопротивление реформе оказывали ведомства, обладающие значительными площадями земли. Как правило, после разъяснения сути землеустройства, население ведомств соглашалось на его проведение. Землеустройство было невыгодно, прежде всего, национальной бурятской знати, теряющей в результате реформы свои привилегии. Нравы, царящие в высших слоях бурятского общества, впрочем, как и в русских волостях, могут быть проиллюстрированы следующим примером. Задолго до реформы, в 1882 г., Верхоленский окружной исправник отмечал: «Многие из жителей Верхоленского округа, как крестьянских так и инородческих обществ, люди значительно состоятельные, при исходотайствовании беднейшими земледельцами их обществ ссуд хлеба на пропитание, весенний и осенний посевы,

---

³¹⁵ Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 182.

³¹⁶ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 4.

записываются в именные списки неимущих земледельцев, наравне с бедняками и пользуются ссудой даже в большем против бедняков количестве. Между тем почти ежегодно эти состоятельные личности продают из собственных запасов в частные руки хлеба до 60 и более пудов»³¹⁷.

Обобщая сказанное по поводу проведения реформы землеустройства бурятского населения Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв., представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Хотя реформа землеустройства, бесспорно, в перспективе должна была способствовать формированию колониационного фонда, она не ставила своей целью форсированную перестройку традиционного хозяйственного уклада бурятского населения. Напротив, как видно из анализа положений реформы и методов проведения ее на местах, при проведении землеустройства учитывались особенности хозяйственной деятельности и быта «иностранцев».

2. Методы осуществления землеустроительной реформы, особенно до 1907–1908 гг., отличаются высокой степенью лояльности, а что касается местной администрации, — даже сочувствия по отношению к «иностранцам». В последующие годы работы по землеустройству активизировались, но и для этого времени источники не позволяют сделать вывод о том, что реформа проводилась исключительно командно-административными способами, не учитывавшими пожелания местного населения.

3. Безусловное неприятие реформы землеустройства было свойственно не широким слоям бурятского населения, а знати, опасавшейся за свои привилегии. Большинство бурят ничего не теряло от проведения землеустроительных работ, поэтому в целом реформа проходила в условиях относительно стабильной социальной обстановки. Обвинения в адрес землеустроителей со стороны бурятской интеллигенции объясняются тем, что интеллектуальная бурятская элита выражала интересы нарождавшейся национальной буржуазии, тесно связанной с администрациями ведомств и родовыми старейшинами.

---

³¹⁷ ГАИО. Ф. 151. Оп. 3. Д. 8. Л. 54.

Содержание основных положений реформы землеустройства и, в особенности, характер осуществления этих положений говорят о том, что власти не только не желали ликвидировать хозяйственные традиции бурятского населения Иркутской губернии, а напротив, были заинтересованы в их сохранении. К таковым традициям относится все еще значительная роль скотоводства, а также общинное землепользование. Последнее особенно усиленно охранялось государством. Даже после поездки в 1910 г. в Сибирь П.А. Столыпина и Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, когда был взят курс на ликвидацию крестьянской общины в Сибири³¹⁸, общинное землепользование бурят не претерпело изменений. Как отмечает И.А. Асалханов, «внутринадельное межевание не получило широкого распространения в Иркутской губернии»³¹⁹, еще в меньшей степени оно коснулось «инородцев». Первая статья Главных оснований 23 мая 1896 г. гласила: «Наделы отводятся сельским обществам»³²⁰. Желание государства сохранить общинное землепользование в Сибири прослеживается и по другим статьям законов, определяющих порядок землеустройства³²¹. Поскольку контроль общества за индивидуальной хозяйственной деятельностью является одним из важнейших признаков традиционного хозяйства, можно утверждать, что реформа землеустройства способствовала сохранению этого признака, а через него, — повышала устойчивость всей системы в целом.

---

³¹⁸ Рогачевская М.А. П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // Эко. 2002. № 9. С. 150.

³¹⁹ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 86.

³²⁰ Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета... Ст. 1. С. 1.

³²¹ Там же, ст. 13. С. 4. См., также: Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета... Ст. 5. С. 23; Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила... Ст. 2. С. 25; Положение об инородцах. Приложение 3 к ст. 38. С. 595; Об общественных землях и угодиях государственных крестьян и инородцев в Сибири, не получивших еще поземельного устройства (Примечания к ст. 14 Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях) // Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Дополнения. М., 1911. Ст. 1–2. С. 129.

Итоги землеустроительной реформы

Для определения позиции по вопросу о месте и роли реформы землеустройства в процессе трансформации традиционного бурятского хозяйства, необходимо рассмотреть конкретные результаты реформы. Помимо очевидного сокращения бурятского землепользования, в числе явлений, в той или иной степени отождествляемых со следствиями реформы, исследователями называются интенсификация бурятского земледелия, снижение поголовья скота и изменение его видового состава, углубление имущественного неравенства среди бурят и даже обнищание бурятского населения, снижение численности бурят, подъем национального движения³²². Заострим внимание на тех социально-экономических итогах реформы, которые чаще других упоминаются исследователями в ряду изменений, произошедших в хозяйственной жизни бурят в конце XIX–начале XX вв. К таковым относятся, прежде всего, потеря бурятами значительной части земель, и, как следствие, изменение форм хозяйственной деятельности. Кроме этого, представляется важным рассмотреть вопрос о сокращении численности бурятского населения Иркутской губернии в связи с реформой, поскольку идеологами бурятского национального движения землеустройство называлось одним из инструментов политики насильственной русификации бурят.

В ходе реформы землеустройства у бурятского населения была изъята часть земель, ранее находившихся в его пользовании. «...Землеустройство иркутских бурят было превращено в простой грабеж, в циничное, откровенно грубое насилие, попрание самых кровных интересов бурят», — отмечалось в постановлении апрельского 1917 г. съезда бурят Иркутской губернии по земельному вопросу³²³. И.И. Осинский говорит о потере иркутскими бурятами 53,3% своих земель, Л.М. Дамешек упоминает о сокращении земельных наделов бурят в

---

³²² См., напр.: Братский М. Очерк бурятского хозяйства... С. 279; Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 120; Богданов Г.Н. Бурятское население Иркутской области. С. 38 и др.

³²³ Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. С. 13.

результате землеустроительных работ на 944 815 дес., или на 47%, Л.А. Зайцева приводит цифру в 53%³²⁴. По данным П.Т. Хаптаева, под переселенческие участки у иркутских бурят предполагалось изъять 235 тыс. дес.³²⁵ Очевидно, что при оценке количества изъятной у инородцев земли необходимо помнить, что *фактически* земли изымались у бурят не после завершения землемерных работ или утверждения наделов комиссией по землеустройству, а только после выдачи населению отводных записей на новые земельные и лесные наделы. Необходимо также учитывать, какие виды угодий были изъяты.

И.А. Асалханов в своей монографии «Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в.» приводит данные о потере «инородцами» Иркутской губернии в результате землеустройства к 1916 г. 945 115 десятин³²⁶. Эта цифра практически совпадает с данными Л.М. Дамешека. Однако И.А. Асалханов здесь же упоминает о том, что русские крестьяне и казаки получили в результате землеустроительных мероприятий 2 632 290 дес.³²⁷ Суммировав земельные угодья крестьян, казаков (2 632 290 дес.) и «инородцев» (1 065 650 дес. по И.А. Асалханову³²⁸ или 1 065 950 дес. по Л.М. Дамешеку³²⁹) мы получаем цифру в 3 697 940 (3 698 240) дес. С учетом того, что часть земель отводилась церквям, школам, горожанам и другим категориям населения, полученная сумма очень близка данным по *запроектированным наделам* к 1916 г. (3 844 618 дес.³³⁰) и к 1917 г. (3 849 479 дес.³³¹), и гораздо больше как площа-

---

³²⁴ Осинский И.И. Исторические особенности социальной структуры... С. 178; История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. С. 217; Дамешек Л.М. Аграрная политика правительства... С. 65–67; Зайцева Л.А. Земельная реформа... С. 215–219.

³²⁵ Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 155.

³²⁶ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 69.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. С. 217.

³³⁰ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 68.

³³¹ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 249.

дей, окончательно отграниченных, так и величины наделов, на которые составлены отводные записи (табл. 7).

Таблица 7

**Результаты землеустроительных работ
по Иркутской губернии на 1 января 1917 г.³³²**

Виды работ	Балаганский уезд	Верхотенский уезд	Иркутский уезд	Киренский уезд	Нижнеудинский уезд	Иркутская губерния
Подлежало землеустройству, дес.	1 619 018	799 846	1 101 404	411 180	1 060 572	4 992 020
Запроектировано, дес.	1 463 598	371 247	1 083 882	33 180	897 572	3 849 479
Запроектировано, %	90,4	46,4	98,4	8,1	84,6	77,1
Отграничено, дес.	1 313 029	214 268	827 085	—	372 668	2 727 050
Отграничено, %	81,1	26,8	75,1	—	35,1	54,6
Выданы отводные записи, дес.	1 017 917	95 198	651 253	—	81 839	1 846 207
Выданы отводные записи, %	62,9	11,9	59,1	—	7,7	37,0

Иными словами, говоря о потерях бурятами земель, исследователи оперируют данными по запроектированным наделам, а не по землям, на которые выданы отводные записи. Между тем, только после выдачи населению отводных записей вступало в действие новое землепользование.

В результате землеустроительных работ к 1 января 1917 г. по Иркутской губернии было запроектировано в наделы (земельные и лесные) 77,1%, отграничено 54,6%, выданы отводные записи на 37% земель, подлежащих землеустройству. Если понимать под завершающей фазой реформы выдачу отводных записей населению (а только так и возможно дать более или менее объективную оценку ее результатов),

³³² Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 249, 249об., 250об.

можно видеть, что землеустройство было закончено чуть более чем на трети территории губернии. Если иметь в виду только уезды, на территории которых проживали буряты (четыре из пяти), то и в этом случае оказывается, что отводные записи выданы на площади, составляющие чуть более 40% территорий этих уездов, подлежащих землеустройству. Безусловно, землепользование бурятского населения было значительно сокращено, однако и после этого сокращения земельные площади, находящиеся в распоряжении «инородцев» были весьма значительны. В 1916 г. в пользовании бурят состояло 20% всей пашни губернии и 34% покосов³³³, и это только на территориях, позднее составивших Усть-Ордынский округ. По данным переписи 1917 г. (далеко не полным, что признавали сами производители переписи), официально в пользовании бурят Иркутской губернии (около 20% сельского населения) состояло 21,33% пашни и 36,47% покосов губернии (без Киренского округа)³³⁴.

Немалое значение имеет и то, какие земли изымались у «инородцев». Например, в Аларском ведомстве в 1908–1909 гг. из землепользования «инородцев» было изъято 37 258,58 дес., из которых на долю запашки и покосов приходилось 9 996,62 дес., т.е. 26,8%³³⁵. Остальную площадь составляли леса, степи и неудобные земли. В 1917 г. на душу населения у иркутских бурят приходилось 1,5 дес. мягкой пашни³³⁶, т.е., по сравнению с концом 1880-х гг., этот показатель снизился на 28,6%. В конце 1880-х гг. 51,1% всех земель, находящихся в пользовании иркутских бурят, составляли леса. Вместе со степными пространствами леса составляли 72,4% всех удобных земель. Принимая во внимание, что по реформе на душу полагалось отведение 15 дес. в земельный надел и лишь три десятины — в лесной, логично предположить, что большая часть изъятых у бурят земель была занята лесными массивами. Факт изъятия лесных пло-

---

³³³ Дресвянский Ф.Д. Земледельческое освоение... С. 156.

³³⁴ Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск: Изд. Министерства снабжения и продовольствия, 1919. С. 414–415, 436–437, 458–459, 480–481.

³³⁵ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 788. Л. 4–5.

³³⁶ Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года... С. 473, 480.

щадей у инородцев требует отдельного рассмотрения, в том числе, в связи с общей тенденцией, связанной с активизацией политики государства в решении вопросов охраны природы. В этом случае претензии государства на распоряжение лесами представляются вполне обоснованными.

Нельзя забывать и о том, что далеко не вся изъятая в ходе реформы земля до этого бурятами использовалась. В 1887–1889 гг. 33,9% покосов и 2,4% пашни инородцы сдавали в аренду, причем покосы — чаще всего русскому населению. Чины землеустройства не раз подчеркивали, что в большинстве ведомств межевание производилось в соответствии с фактическим землепользованием. «Инородческое землепользование, если принимать его в тесном смысле слова, не потерпело серьезных изменений», — утверждалось в 1917 г. производителями землеустроительных работ³³⁷.

Весной 1917 г. по инициативе актива бурятской интеллигенции решением Временного правительства землеустроительные работы на территории Иркутской губернии и Забайкалья были приостановлены. «Впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса поземельном устройстве бурятского населения проектирование новых наделов и образование переселенческих участков из земель бурятского землепользования приостанавливается исключением случаев безусловного согласия заинтересованного населения. Во избежание расстройств скотоводческого хозяйства в тяжелое переживаемое время местному населению разрешается текущем году бесплатный выпас скота на незаселенных и свободных от зачисления переселенческих участков, а равно оставшихся свободными оброчных статьях и других занадельных землях за исключением устроенных лесных дач», — говорилось в телеграмме за подписью Комиссара Временного правительства Волкова, члена Государственной Думы и Начальника Переселенческого управления Чиркина³³⁸. В июне 1917 г. губернская комиссия по земским делам разрешила бурятам пользование и всеми свободными пашнями и сенокосами, правда, за плату³³⁹.

---

³³⁷ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 115об.

³³⁸ Там же. Д. 154. Л. 2.

³³⁹ НАРБ. Ф. 251. Оп. 3. Д. 2. Л. 10–11.

Учитывая все перечисленные обстоятельства, а также то, что пашня, разработанная «инородцами», но не вошедшая в границы земельного надела, отдавалась в безвозмездное пользование на пять лет (это значит, что срок действия такого пользования к 1917 г. истек у тех обществ, которые получили отводные записи ранее 1912 г., а таких было меньшинство), приходится признать, что бурятское землепользование в действительности пострадало не в таких масштабах, как это преподносилось российской общественности бурятской элитой.

Земельный вопрос по-прежнему оставался крайне актуальным для Иркутской губернии и в последующем. Серьезность вопроса понималась краевой властью, поэтому его рассмотрение не давалось на откуп местным хошунным и аймачным комитетам. «Вопрос о земельных функциях аймачных организаций представляется обсуждению на национальных съездах и должен быть решен окончательно, по получении мнений съездов и мнений с мест, краевым комитетом», — говорилось в резолюции краевого съезда 1917 г.³⁴⁰ Одна из проблем, составляющих земельный вопрос, была озвучена на заседании Эхирит-Булагатской аймачной управы 14 мая 1918 г.: «Население бурятское обладает преимущественно против русского лучшими угодьями и даже в излишке»³⁴¹. Несмотря на *номинальную* потерю в результате реформы около половины находящихся в пользовании земель, *фактически* бурятское население продолжало эксплуатировать значительную их часть и после свертывания землеустройства.

В этой связи требует рассмотрения исследователями и вопрос о влиянии характера проведения реформы на масштабы переселения. Как известно, поток переселенцев в Сибирь с 1909 г. стал неуклонно снижаться, несмотря на поддержку правительства. Как представляется, одной из причин спада переселенческого энтузиазма могла быть нехватка земель, которые были изъяты у «инородцев» в пользу новоселов лишь на бумаге.

С землеустроительной реформой связаны и *качественные* изменения способов хозяйственной деятельности бу-

---

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 10. Л. 1.

³⁴¹ ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 727. Л. 217.

рятского населения губернии. Связь эта прослеживается, прежде всего, в отказе от переложной (залежной) системы земледелия и переходе к двуполью и трехполью, т.е. от экстенсивного к интенсивному хозяйству. Как показала хозяйственная перепись 1887–1889 гг., в конце XIX в. в Иркутской губернии двупольная система была господствующей. Однако она имела территориальные варианты. Среди русского населения Иркутского и Балаганского округов появлялись зачатки трехпольного севооборота. Близки были к переходу на трехполье жители Китойского и Капсальского ведомств. В русских волостях Нижнеудинского округа и большинстве бурятских ведомств сохранялись остатки залежной системы³⁴². Связано это было не с традициями землепользования, а с географическими особенностями. В Нижнеудинском округе относительно немногочисленное население проживало на огромной территории, наличие свободных земель обуславливало экстенсивный характер земледелия. В бурятских ведомствах к этому обстоятельству добавлялись низкое качество степных почв (по сравнению с лесными) и неглубокий, вследствие выдуваемости, снежный покров, что угрожало озимым посевам. Однако уже тогда исследователи отмечали, что в русских волостях главной причиной «залежности» является не быстрое истощение почв, а «маломощность» хозяйств. Другими словами, пахотные земли забрасывались не столько потому, что истощались, сколько потому, что их не успевали или некому было обрабатывать в силу нехватки рабочих рук или отсутствия тяглового скота. В бурятских же ведомствах главной причиной сохранения переложной системы оставались истощение почв и сорняки³⁴³. Под залежами у «инородцев» находилось в среднем по губернии около 14% пашни, у русских крестьян — около 10%³⁴⁴. Посевы на жниве по губернии составляли в среднем 4,2% посевной площади³⁴⁵. Это меньше, чем в западносибирских губер-

---

³⁴² Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 19.

³⁴³ Там же. С. 10–14.

³⁴⁴ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 10–11; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 67, 77.

³⁴⁵ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 136.

ниях, но даже такие масштабы знаменуют прогрессивные изменения в сельском хозяйстве. Сокращение земельных угодий и наплыв переселенцев заставляли и бурятское и старожильческое население переходить к более интенсивным способам эксплуатации земли, прежде всего, — к посевам на жниве, т.е. переходу на трехпольную систему. К 1917 г. в Иркутской губернии земли, находящиеся под паром составляли более 40% всей пашни, значит, большая часть наличных земель находилась в хозяйственном обороте³⁴⁶. У бурят под паром было 43,8% пашни, залежь составляла 7%, т.е., по сравнению с концом XIX в., ее удельный вес в пашне *сократился вдвое*³⁴⁷. В результате, при сокращении площади пашни в целом, посевная площадь, т.е. та часть пашни, которая непосредственно засеивалась сельскохозяйственными культурами, без учета пара и залежей, даже увеличивалась. Так, если по данным местных исследований в 1887–1889 гг. посевная площадь у бурят составила около 103 000 дес., в 1890 г. — более 106 500 дес., то в 1911 г., когда землеустроительные работы набирали обороты, и инородцам уже начали выдавать отводные записи, она выросла до 124 800 дес.³⁴⁸ Стало необходимым и более рациональное отношение к покосам. Журнал «Сибирский архив» в 1912 г., говоря о XIX в., писал: «Известно, что крестьяне сибирские и иноверцы, по изобилию здесь сенокосных трав, в сенокосе бывают крайне нерадивы, считая покосами одни чистые луговые места; они косят только там, где травы густы и высоки... Такое небрежение производит весной общий почти недостаток в сене»³⁴⁹. Этот вывод подтверждается и некоторыми архивными источниками. Парадоксально, но до реформы землеустройства обладающие огромными пространствами «инородцы» иногда не могли прокормить свой не очень многочисленный скот,

---

³⁴⁶ Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования... С. 200.

³⁴⁷ Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года... С. 480.

³⁴⁸ Рассчитано по: Материалы по следованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 98; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 80–81; Обзор Иркутской губернии за 1890 год. Иркутск: Губернская типография, 1891. С. 3; РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 20 (см. также: Азиатская Россия. Т. II. С. 274).

³⁴⁹ К истории бурятского хозяйства. С. 171–172.

испрашивая соломку у властей³⁵⁰. Теперь же, после передела земель, такое отношение к ценнейшему в условиях губернии типу сельскохозяйственных угодий было недопустимо. Известный историк бурятского народа, П.Т. Хаптаев, прямо указывал на то, что сокращение земель у бурят привело к развитию утужной системы³⁵¹. В 1916 г. из 128 тыс. дес. покосов иркутских бурят, проживающих на территориях, вошедших позднее в состав Усть-Ордынского автономного округа, утугов (орошаемых и удобряемых покосов) было 50 тыс. дес., т.е. около 40%³⁵².

Что касается состава сельскохозяйственных культур, то особых изменений в этом плане не произошло. Как и в конце XIX в., к моменту свертывания землеустройства основными культурами являлись рожь, овес, пшеница, ячмень (перечислены в порядке уменьшения посевных площадей). Причем, если в русских волостях преобладали посевы озимой ржи, то в бурятских ведомствах предпочтение отдавалось яровой (ярице)³⁵³. Это объясняется географическими особенностями территорий ведомств (озимая рожь часто вымерзала в степях). Кроме того, яровая рожь устойчива к засухам. Вместе с тем, в некоторых бурятских ведомствах, обеспеченных землями в гористой и лесистой местностях (Китойское, Укырское), озимая рожь также преобладала над яровой, а русские крестьяне Верхотенского уезда выращивали преимущественно ярицу. Приходится согласиться с выводом исследователей сельского хозяйства губернии конца XIX в., что посев той или иной культуры зависит не от бытовых особенностей, а от качества почв и географического положения³⁵⁴. Однако некоторая интенсификация заметна и здесь. Несмотря на сокращение у бурят в начале XX в. посевов традиционной для них яровой ржи и увели-

---

³⁵⁰ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 904. Л. 5.

³⁵¹ Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 120.

³⁵² Дресвянский Ф.Д. Земледельческое освоение... С. 156.

³⁵³ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 54. См. также: Зуляр Ю.В. Очерки истории природопользования... С. 152–152.

³⁵⁴ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 52.

чение посевов ржи озимой (с 1902 по 1909 гг. посев ярицы сократился с 35 372 до 32 014 дес., а посев озимой ржи увеличился с 17 646 до 18 832 дес.³⁵⁵), прослеживается устойчивая тенденция роста урожайности ярицы, тогда как урожайность озимой ржи изменилась мало. Эта тенденция также является свидетельством качественных сдвигов в бурятском земледелии в рассматриваемый период (табл. 8).

Таблица 8

**Урожайность ржи в русских волостях
и «инородческих» ведомствах в начале XX в.³⁵⁶**

Год	урожайность яровой ржи, сам-			урожайность озимой ржи, сам-		
	волос- ти	ведом- ства	урожайность в ведомствах к урожайности в волостях, %	волос- ти	ведом- ства	урожайность в ведомствах к урожайности в волостях, %
1900	2,4	1,8	75	4,4	3,8	86
1901	2,8	2,3	82	4,1	3,1	75
1902	1,7	1,2	71	3,8	3,2	84
1903	3,0	2,9	97	5,5	5,7	104
1904	3,1	2,8	90	5,0	3,9	78
1905	3,7	3,5	95	4,9	3,7	76
1906	3,8	3,8	100	4,3	3,3	77

С одной стороны, землеустройство, ограничивая площади наделов, заставляло рациональнее использовать имеющиеся земельные ресурсы, что в условиях рыночных отношений крайне важно, с другой стороны, 15-десятинный надел не мог обеспечить товарность хозяйства в части производства хлеба. Упреки в адрес правительства по поводу якобы ничем необоснованной нормы земельного надела (15 дес.) не

³⁵⁵ Обзор Иркутской губернии за 1902 год. Иркутск: Губернская типография, 1903. Приложения. Ведомость № 1; Обзор Иркутской губернии за 1909 год. Иркутск: Губернская типография, 1911. Приложения. Ведомость № 1.

³⁵⁶ Составлено по: Обзор Иркутской губернии за 1900 год. Иркутск: Губернская типография, 1901. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1901 год. Иркутск: Губернская типография, 1902. С.2; Обзор Иркутской губернии за 1902 год. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1903 год. Иркутск: Губернская типография, 1904. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1904 год. Иркутск: Губернская типография, 1905. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1905 год. Иркутск: Губернская типография, 1907. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1906 год. Иркутск: Губернская типография, 1909. С. 2.

совсем корректны. Исследования по итогам хозяйственной переписи 1887–1889 гг., учитывавшие географическое положение, урожайность, количество податей и повинностей, нормы продовольствия, определили необходимую для жизни норму площади пашни, которая в среднем по губернии должна была составлять около 8 дес. на хозяйство. Реально только русские Иркутского уезда не имели такого количества пашни³⁵⁷. Имея в виду, что основным занятием населения Иркутской губернии было растениеводство, мы приходим к выводу о достаточности земельного надела в 15 дес. на душу мужского пола для жизнеобеспечения хозяйства. Однако такой вывод подразумевает сохранение натурального в основе своей характера хозяйства, что не удовлетворяло формирующимся в то время в Восточной Сибири, прежде всего в связи с ростом городов и строительством Транссиба, экономическим условиям. По данным переписи 1917 г. на бурятское хозяйство в среднем приходилось 7 дес. пашни (у крестьян-старожилов — 9,5 дес., у новоселов — 6 дес.)³⁵⁸. Хотя переписчиками учитывалась наделная земля (без пашен пятилетнего срока пользования), все же приходится предполагать, что площадь пашни иркутских бурят не позволяло большинству из них осуществлять товарное зерновое производство.

Вместе с тем реформа землеустройства повысила товарность бурятского хозяйства в части животноводства. Вопреки распространенному среди бурятской элиты начала XX в. мнению о сокращении скота у бурят вследствие недостатка покосов и выгонных степей, следует констатировать в целом по губернии не сокращение поголовья скота, а качественное изменение его состава. По данным И.И. Серебренникова, с 1889 по 1916 гг. у иркутских бурят сократилось количество лошадей со 103 043 до 77 487 голов, но вместе с тем выросло поголовье крупного рогатого скота со 174 988 до 228 875 голов³⁵⁹. Доля лошадей в общем поголовье скота сократи-

---

³⁵⁷ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 119.

³⁵⁸ Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года... С. 483–484.

³⁵⁹ Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. С. 90.

лась с 21,7% до 17,3%, а доля КРС увеличилась с 36,8% до 51%. Общая же численность крупного скота увеличилась с 278 031 до 306 362 голов, т.е. на 9,4% (табл. 9).

Таблица 9

**Динамика развития скотоводства у бурят Иркутской губернии
в конце XIX—начале XX вв.³⁶⁰**

Вид скота	1887–1889		1916		при- рост, %
	коли- чество	% от все- го скота	коли- чество	% от все- го скота	
Лошади	103 043	21,7	77 487	17,3	–24,8
Крупный рогатый скот	174 988	36,8	228 875	51,0	+30,8
<i>Всего крупного скота</i>	<i>278 031</i>	<i>58,5</i>	<i>306 362</i>	<i>68,3</i>	<i>+9,4</i>
Свиньи	4 410	0,9	18 268	4,1	+314,2
Мелкий рогатый скот	192 597	40,6	123 913	27,6	–35,7
<i>Всего мелкого скота</i>	<i>197 007</i>	<i>41,5</i>	<i>142 181</i>	<i>31,7</i>	<i>–27,8</i>

В изменении соотношения лошадей и КРС отражается тенденция приспособления скотоводства бурят к новым экономическим условиям. Количество голов КРС, всегда преобладающее у иркутских бурят над поголовьем лошадей, что диктовалось спецификой географических условий Прибайкалья (недостаток степей), еще более увеличивается в связи с сокращением землепользования. В некоторых ведомствах количество лошадей значительно сократилось еще до землеустройства. Так, например, в Унгинском ведомстве с 1888 по 1902 гг. поголовье лошадей уменьшилось с 2 300 до 1 600 голов. Основной причиной такого сокращения М.Н. Богданов называл конокрадство³⁶¹. По отдельным ведомствам динамика численности скота неодинакова. В Харибятском ведомстве Иркутского уезда в 1899–1916 гг. число лошадей сократилось с 5 212 до 5 182 (на 0,6%), но поголовье КРС увеличилось с 9 506 до 13 900 голов (на 46,2%)³⁶². В Ленском ведомстве до землеустроительных работ, в 1910 г., у населения было 3 879 лошадей и 4 862 головы крупного рогатого скота. Эко-

³⁶⁰ Составлено по: Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. С. 90; Батуева И.Б. Скотоводство в системе традиционного хозяйства бурят. С.55.

³⁶¹ Восточное обозрение. 1902. № 161. С. 2. См., также: Восточное обозрение. 1899. № 242. С. 2

³⁶² НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 904. Л. 5; РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 50. Л. 48.

номическое обследование 1914 г. зафиксировало в ведомстве уже 2 024 лошадей (52,2% от уровня 1910 г.) и 4 651 головы КРС (95,7%)³⁶³. По отдельным ведомствам фиксируется беспрецедентный рост численности и КРС, и лошадей. Так, в Хоготовском ведомстве (с 1914 г. — волость) Верхоленинского уезда с 1908 по 1916 гг. поголовье лошадей увеличилось с 1 419 до 2 580 (на 81%), КРС — с 4 157 до 9 280 голов (на 123%)³⁶⁴. Это, скорее, исключение, чем правило для инородческих ведомств, но увеличение поголовья крупного скота является уже проявлением общей сибирской тенденции. По данным Отдела статистики Министерства земледелия в период с 1897 по 1917 гг. численность крупного скота (лошади и КРС) в Сибири увеличилась на 47,2% (лошадей на 216%, КРС — на 66,7%)³⁶⁵. Увеличение поголовья КРС и сокращение конских табунов у бурят может рассматриваться как прямая реакция их хозяйства на уменьшение площади выгонных степей, которое, к тому же, приводило к специализации на мясомолочном производстве, и, соответственно, повышению товарности хозяйства³⁶⁶. В то же время происходило сокращение т.н. «мелкого скота», в первую очередь овец. Довольно прихотливые и малопродуктивные животные, овцы все чаще в бурятском хозяйстве уступают место свиньям. Общее поголовье скота к 1916 г. по сравнению с концом 1880-х гг. сократилось на 5,6%, однако, в свете указанных тенденций эта цифра никак не может свидетельствовать об упадке скотоводства у иркутских бурят. Что касается сенокосных угодий, то их площадь, по данным И.А. Асалханова, по губернии только за период с 1915 по 1917 гг. возросла на 27,5%³⁶⁷.

Очень важным представляется и еще одно последствие реформы — официальное закрепление общественного пользования землей. Это последствие не может быть связано с изменениями, поскольку и до реформы номинально буряты

---

³⁶³ ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 710. Л. 21; Оп. 2. Д. 14. Л.15.

³⁶⁴ НАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 441. Л. 19а; РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 50. Л. 570.

³⁶⁵ РГИА. Ф. 433. Оп. 1. Д. 17. Л. 2об.

³⁶⁶ Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 120.

³⁶⁷ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 229.

пользовались землей совместно. Значение реформы состоит в том, что в условиях наступления рыночной экономики ею был поставлен своеобразный заслон для распространения законов рынка на такое важнейшее средство производства, каковым является земля. В контексте общей аграрной политики российского правительства положения реформы землеустройства сибирского населения выглядят вполне закономерными. Еще в 1893 г., при активной поддержке С.Ю. Витте, который на первом этапе своей деятельности был горячим сторонником общины, был принят закон, затруднявший выход крестьян из общины и запрещающий залог и продажу наделных земель³⁶⁸. И позднее, когда С.Ю. Витте отошел от поддержки общины, он, тем не менее, оставался сторонником ненасильственного, эволюционного ее разрушения. О столыпинской реформе он писал: «Я чувю, что закон этот послужит одной из причин пролития еще много невинной крови»³⁶⁹. Поскольку для бурятского общества общинное землепользование было естественным, нужно признать, что в этом плане реформа землеустройства не разрушала традиционный бурятский хозяйственный уклад, а укрепляла его. В связи с этим становится понятным негодование представителей бурятской элиты, которая фактически контролировала землепользование в своих интересах, в марте 1917 г. от имени Комитета общественных организаций г. Иркутска сделавших заявление, в котором, в частности, говорилось: «...В то время, как в государстве *принцип частной собственности находился под особой, чрезвычайной охраной* [курсив наш. — А. К.], бурятские земли беспощадно реквизировались для нужд государственного фонда»³⁷⁰. Частная собственность на землю — вот что было нужно нарождающейся бурятской буржуазии. Реформа землеустройства помешала процессу индивидуализации земельной собственности в бурятском обществе. С другой стороны, закрепление общинного землепользования свидетельствует о твердой позиции правительства по вопросу собственности

---

³⁶⁸ Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX—начале XX века // Экономическая история России XIX—XX вв.: Современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2001. С. 529.

³⁶⁹ Сытина Т.В. Аграрное дело графа С.Ю. Витте. С. 250.

³⁷⁰ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.

на землю. Одним из непосредственных толчков, побудивших власти к проведению землеустроительной реформы можно считать обращение Иркутского генерал-губернатора Игнатьева в 1887 г. в Государственный Совет с предложением о поземельном устройстве. Игнатьев объяснял его необходимость тем, что крестьяне повсеместно «считают землю своей»³⁷¹. Однако преувеличивать роль данного фактора не стоит, так как индивидуализм по отношению к земле в конце XIX в. как в русских деревнях, так и в бурятских улусах пришел в противоречие с общинными интересами, о чем свидетельствуют многочисленные земельные переделы. Захватное землепользование вступило в полосу кризиса, и на этом этапе интересы общины и государства совпадали.

Итак, землеустройство повлияло на качественные изменения способов традиционной бурятской хозяйственной деятельности, их трансформацию. Однако трансформация, в данном случае, связана не с изменением вида хозяйственной деятельности, переориентацией хозяйства с одной отрасли на другую, т.е. переход от скотоводства к земледелию (или от скотоводческо-земледельческого хозяйства к земледельческо-скотоводческому). Изменения носили иной характер и проявились в трансформации *форм* уже сложившегося к началу реформы *земледельческого* хозяйства иркутских бурят. Скотоводство в конце XIX в. являлось для большинства бурят Иркутской губернии таким же важным, но имеющим второстепенное значение видом хозяйственной деятельности, каким для русского населения являлись различные промыслы³⁷². Изменения, произошедшие на рубеже веков, состояли, в первую очередь, *в переходе к интенсивному земледелию и оптимизации скотоводства в новых экономических условиях*. При этом землеустроительная реформа явилась не причиной зарождения обозначенных явлений, а катализатором процесса их развития. Этому объективно способствовало ограничение масштабов землепользования, произведенное в ходе реформы. Новые экономические реалии, состоявшие в развитии товарно-денежных отношений,

---

³⁷¹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С.35

³⁷² Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 94.

увеличении населения, росте его потребностей, сокращении жизненного пространства и усилении конкуренции, также не являлись следствиями реформы, а были частью широкомаштабного процесса российского освоения Сибири, освоения, происходившего в этот период в условиях распространения рыночных отношений. Землеустройство, в данном случае, являлось лишь инструментом этого освоения. Однако это не умаляет его значения, поскольку реформа решала задачи и другого уровня.

Во-первых, она способствовала дальнейшей рационализации сельского хозяйства. Если раньше рационализация проявлялась в приспособлении к окружающей среде, то теперь она поднялась на качественно иной уровень — приспособление к экономической реальности, основанной на разумном использовании имеющихся ресурсов, и реальности социальной, требующей твердых оснований пользования землей. Трансформация бурятского хозяйства, составной частью и известной причиной которой была реформа, в данном случае заключалась не только непосредственно в изменении хозяйственных форм при сохранении и развитии господствующего способа природопользования (земледелия), но и изменению направленности хозяйственной деятельности. Эта деятельность, как и раньше, являлась для большинства населения средством выживания, но теперь не в среде, обусловленной природными условиями, а в окружении набирающих силу рыночных отношений. Изначально прибайкальские буряты, по сравнению с эвенками или тофами, находились в более выгодном положении перед лицом грядущих изменений, поскольку земледелие подразумевает большую степень свободы от природных условий, хотя само является реакцией на них, «благодаря земледелию человек освободил себя от стихийной зависимости от природы»³⁷³. Вот эта-то свобода от «стихийной» зависимости явилась той цементирующей силой, которая позволила традиционному бурятскому хозяйству устоять в новых условиях, изменяясь, трансформируясь в соответствии с ними.

---

³⁷³ Кучуков Р., Савка А. Приоритет экологических ценностей в процессах устойчивого развития // Экономист. 2001. № 6. С. 92.

Во-вторых, реформа, хотя косвенно и способствовала ликвидации остатков родовой организации бурят, на самом деле закрепила общественное землепользование. Только теперь пользователем земель выступал не род, а селение или несколько селений. Тем самым, было юридически закреплено сложившееся положение вещей, и тем самым был нанесен удар по национальной буржуазии, уже начавшей передел общественных земель в свою пользу. Данное обстоятельство по своему значению для сохранения традиционного хозяйства является едва ли не основным. Хотя В.Г. Тюкавкин писал о том, что в условиях Сибири отсутствие частной собственности на землю способствовало развитию капитализма³⁷⁴, применительно к инородцам логичнее выглядит точка зрения Л.Ф. Склярова об ускорении капиталистического развития вследствие разрешения частной земельной собственности³⁷⁵. Отсутствие этой собственности знаменует не столько «задержку» развития, сколько сохранение оптимальных в данных географических условиях способов хозяйственной деятельности, поскольку поддерживает приоритет общественных интересов над интересами частными, который, в свою очередь, является неотъемлемым признаком традиционного хозяйства. Деятели ВСОИРГО (Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) отмечали, что «юридические обычаи бурят под влиянием русской культуры незаметно исчезли и исчезают»³⁷⁶. Реформа землеустройства, закрепив общинное землепользование при возможности земельных переделов, препятствовала такому исчезновению. Закрепление общественного землепользования государством, таким образом, еще и консервировало, в известной степени, традиционные социальные отношения.

В-третьих, будучи по своей сути *уравнительной*, реформа произвела передел земли, выгодный для неимущих бурят и русских крестьян, чем в известной степени способствовала улучшению материального положения бедняков. Наряду с сохранением общинного землепользования, это последствие

---

³⁷⁴ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 58.

³⁷⁵ Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири. С. 344.

³⁷⁶ Сибирская заря. 1909. № 3. С. 3.

реформы свидетельствует о заинтересованности государственной власти в стабильности «инородческого» хозяйства.

В-четвертых, ограничивая земельные наделы инородцев 15 десятинами, что для земледельческо-скотоводческого хозяйства было достаточно в плане жизнеобеспечения, но недостаточно для хлебного товарного производства, реформа *опосредованно* способствовала товарной специализации бурятского хозяйства на животноводстве.

Реформа землеустройства сибирских инородцев является ярким примером активного вмешательства российского государства в экономику, что, в свою очередь, вытекает из особенностей исторического развития России. В этом плане правительство действовало в полном соответствии с традициями российской власти. Однако условия, в которых пришлось проводить реформу, значительно отличались от условий предыдущих лет, — это было время триумфального шествия капитализма по стране. Аграрные реформы начала XX столетия превратились в узел противоречий, составными частями которого были:

- необходимость решения вопроса малоземелья в Европейской России при сохранении помещичьего землевладения;

- необходимость рационализации сельского хозяйства при сохранении общинного землепользования;

- необходимость хозяйственного освоения сибирских просторов при сохранении традиционного хозяйства коренных народов.

В дополнение ко всему, аграрные преобразования осуществлялись в условиях мощного промышленного подъема, по отношению к которому они выступали в роли «побочного продукта»³⁷⁷. Все это в совокупности определило противоречивый характер аграрных реформ в целом, и реформы землеустройства сибирских крестьян в частности.

Все названные изменения традиционного хозяйства проявились в бурятском обществе в разной степени. В силу того, что размеры землепользования бурят фактически оставались весьма значительными, интенсификация сельского хозяй-

---

³⁷⁷ Муравьева Л.А. Аграрный вопрос в России в конце XIX–начале XX века // Финансы и кредит. 2002. № 4. С. 34.

ства проходила медленно. Исследователи отмечают сохранение залежной системы в Прибайкалье еще в конце 1920-х гг. Даже в Иркутском округе залежи составляли 7,8% от всей пашни. С 1917 до конца 1920-х гг. практически не изменилась площадь пара (40%), а значит, затруднен был переход к трехполью³⁷⁸. Гораздо заметнее были итоги, связанные с закреплением прав на землю. Несмотря на то, что буряты на различных условиях продолжали пользоваться большей частью ранее им принадлежавших земель, формально за ними были закреплены только те наделы, на которые были выданы отводные записи. Причем, как уже отмечалось, записи выдавались селениям и обществам, а не частным лицам. Легитимность остального землепользования, как и землепользования отдельных лиц, в любой момент могла быть поставлена под сомнение.

* * *

Важным показателем, характеризующим уровень социально-экономического развития народа, региона, страны является динамика количественного состава населения. Численность бурят, как наиболее крупного коренного народа Сибири, стала объектом пристального внимания исследователей еще в конце XIX–начале XX вв. Их беспокойство вызывалось сокращением бурятского населения, которое иногда прямо определялось, как «исчезновение с лица земли»³⁷⁹. Часто сокращение численности бурят связывалось, наряду с другими причинами, с проведением землеустроительных работ, в результате которых, якобы, бурятское население вынуждено было менять весь жизненный уклад, что, в свою очередь, приводило к увеличению смертности. Это было характерно для представителей интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., этой же точки зрения придерживаются некоторые современные исследователи³⁸⁰. Всесторонний анализ движения бурятского населения на рубеже веков не является целью данной работы, попытаемся лишь проверить утверждения об отрицательном влиянии земельного переустройства на численность бурят.

---

³⁷⁸ Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования... С. 201.

³⁷⁹ Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1910. № 36. С. 23.

³⁸⁰ См., напр.: Братский М. Очерк бурятского хозяйства... С. 287; Богданов Г.Н. Бурятское население Иркутской области. С. 25.

Трудно представить, как в течение жизни одного поколения далеко не завершённые меры по землеустройству могли практически изменить в значительной степени количественный состав населения. Но обратимся к фактам. В течении первой половины XIX в. «иностранческое» население Иркутской губернии всех категорий (оседлое, кочевое, бродячее) неуклонно росло³⁸¹. О динамике численности населения во второй половине XIX–начале XX вв. мы можем судить по данным переписи населения 1897 г., а также результатам X ревизии 1857–1858 гг. и местного исследования 1887–1889 гг. (табл. 10).

Таблица 10

**Численность бурятского населения Иркутской губернии
в 1857–1897 гг.**³⁸²

Показатель	X ревизия (1857–1858 гг.)	Исследования 1887–1889 гг.	Перепись 1897 г.
Всего	100 392 ³⁸³	110 541	108 867
Прирост, %	–	+10,1	–1,5
Среднегодовой прирост, %	–	+0,3	–0,2

Как видим, убыль бурятского населения в 1887–1897 гг., т.е. в первое десятилетие реформ, до начала фактических землеустроительных работ составила 1,5%, тогда как за период с 1857 по 1887 гг. зафиксирован прирост.

Если сравнить показатели по округам (уездам), картина представляется несколько иной (табл. 11).

Таблица 11

**Численность бурятского населения Иркутской губернии
в 1887–1897 гг. (по округам)**³⁸⁴

Округ (уезд)	Исследования 1887–1889 гг.	Перепись 1897 г.	Прирост, %
Иркутский	30 302	30 835	+1,8
Балаганский	53 527	51 928	–3,0
Верхоленский	25 442	24 595	–3,3
Нижнеудинский	1 270	1 509	+18,8
<i>Итого</i>	110 541	108 867	–1,5

³⁸¹ Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. С. 95.

³⁸² Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 96–97; Вып. VI. С. 10; Первая всеобщая перепись населения... С. XII.

³⁸³ Без учета Ольхонского ведомства.

³⁸⁴ Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 96–97; Вып. VI. С. 10.

Убыль населения наблюдается в Верхоленском и в Балаганском округах, в Иркутском округе обнаруживается некоторый прирост, а в Нижнеудинском округе, где все немногочисленное бурятское население жило оседло, прирост этот наиболее заметен. Напомним, что реформа в этот период еще не началась, тем не менее, численность бурят уже начала падать. Сравнивая данные местного исследования 1887–1889 гг. с показателями X ревизии, обнаруживаем похожую закономерность: прирост по Нижнеудинскому округу составляет 12,4%, по Иркутскому — 7,8%, по Балаганскому — лишь 5,8%, по Верхоленскому — убыль на 2,2%. Исходя из этого, можно предположить, что отнюдь не земельная реформа является причиной «вымирания» бурят.

В контексте этой динамики падение численности бурятского населения в следующие годы (по переписи 1897 г. в Сибири проживало 269 тыс. бурят, по переписи 1926 г. — лишь 237 тыс.³⁸⁵, по другим данным в 1897 г. было 288 600 бурят³⁸⁶) труднообъяснимо с точки зрения негативного влияния землеустроительных работ. Во-первых, сама реформа проводилась достаточно либеральными методами, во-вторых, очевидно, что значительное сокращение населения не могло быть инициировано естественными процессами снижения рождаемости и увеличения смертности. Напротив, по всей вероятности, в годы, предшествующие Первой мировой войне, имел место стабильный рост численности бурятского населения. В 1911 г. по данным Военного министерства численность «инородцев» Иркутской губернии составляла 134 362 чел.³⁸⁷ Естественно, что подавляющая их часть являлась бурятами (по данным авторов «Азиатской России» — 127 852 чел.³⁸⁸). Среднегодовой прирост «инородческого населения» Иркутской губернии с 1897 по 1911 гг., по данным Л.М. Дамешека, составлял около 1%³⁸⁹.

---

³⁸⁵ Население России в XX веке: исторические очерки. Т. I: 1900–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 20, 124

³⁸⁶ История Сибири. Т. 3. С. 78.

³⁸⁷ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 36.

³⁸⁸ Азиатская Россия. Т. I. С. 84.

³⁸⁹ Дамешек Л.М. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири... С. 98.

Потери следующих лет нужно отнести на счет Мировой войны и социальных потрясений, связанных с революцией и гражданской войной. Необходимо также учитывать миграцию бурят в Монголию, особенно усилившуюся с 1916 г. после издания приказа о мобилизации «инородцев» Сибири на тыловые работы³⁹⁰.

При сравнении прироста бурятского населения в период с 1857 по 1889 гг. по ведомствам обнаруживаются интересные факты. В Укырском и Боханском ведомствах Балаганского уезда, о которых известно, что «в этих ведомствах почти все население занято земледелием» и что они «представляют собой чистейший образец земледельческого хозяйства, где все население занято земледелием, и притом исключительно им одним»³⁹¹, прирост населения составил 29,5 и 25,9% соответственно, при среднем приросте по округу 5,8%³⁹². В Верхоленском округе отрицательный прирост (-2,2%) зафиксирован по причине убыли населения в двух самых северных и экономически слабообразованных ведомствах — Ангинском (-16,2%) и Ленском (-15,3%), в то время как земледельческие Баендаевское и Куленгское ведомства дали прирост +12,7 и +20,7% соответственно³⁹³. Стабильный прирост населения демонстрирует и немногочисленное оседлое бурятское население Нижнеудинского округа. Таким образом, буряты, занятые преимущественно в земледелии, в плане движения населения находились в более выгодном положении, нежели их соплеменники, еще уделяющие много внимания скотоводству, что никак не согласуется с тезисом об отрицательном влиянии на численность населения перехода бурят к оседлой жизни земледельцев. Ч.Г. Андреев отмечает, что распространение среди сибирских народов земледелия было главной причиной роста их численности³⁹⁴.

---

³⁹⁰ Курас Л.В. К вопросу о переселении бурят в Монголию в годы I-й Мировой войны // Страны и народы Востока: пути развития: тезисы докладов к регион. конф. 10–12 мая 1988 г. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 69.

³⁹¹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 3. Д. 33. Л. 1. См. также: ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 7.

³⁹² Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 96–97.

³⁹³ Там же. Вып. VI. С. 10.

³⁹⁴ Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири... С. 53.

Вместе с тем, обращает на себя внимание факт некоторого роста мужского населения в 1887–1897 гг. (+0,44%), при убыли населения в целом (–1,5%), особенно заметный на примере Верхоленского округа, и говорящий о сокращении, прежде всего, женского населения. Факт этот является косвенным подтверждением распространенного в конце XIX–начале XX вв. мнения о тяжелейшем положении бурятской женщины, которая выполняла всю работу по дому и хозяйству, в то время как «мужчины же до введения хлебопашества вели очень праздный образ жизни; почти единственным видом их труда было сенокошение; удобрение угугов (покосов) отнимало сравнительно мало времени, а в уборке сена и уходе за скотом участвовали тоже женщины»³⁹⁵. Известный исследователь инородцев Сибири И.И. Серебренников обращал в свое время внимание общественности и на то, что у бурят замужние численно превосходят женатых (104 женщины на 100 мужчин по данным переписи 1897 г.), что косвенно свидетельствует об ассимиляции бурят русскими. Замечателен факт большого числа холостых мужчин среди бурят (31 900 чел., или 56% от числа лиц мужского пола), зафиксированный переписью. Объясняется он, прежде всего, высоким калымом, достигающим 1 500 р. наличными деньгами, который выплачивался иногда годами, что зачастую делало невозможной женитьбу или отодвигало ее на неопределенный срок (пока претендент на звание жениха не скопит деньги, часто по достижении 40 лет)³⁹⁶. Это обстоятельство не могло не сказаться на уровне рождаемости. Заслуживает внимания и влияние на высокую смертность бурят таких факторов, как антисанитарные бытовые условия и медицинская безграмотность, которые приводили к эпидемиям. Так в 1911 г. в Укырском ведомстве разразились эпидемии тифа и оспы сразу. Источники рисуют ужасающую картину, — в Хонзойском улусе, например, на ногах остались только три женщины, которые и ухаживали за больными³⁹⁷.

---

³⁹⁵ Братский М. Очерк бурятского хозяйства... С. 284. См. также: РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 41об.

³⁹⁶ Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири... С. 7, 43, 44. См. также: Сибирские письма. С. 24; О браках среди бурят буддистов и шаманистов Иркутской губернии // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 575.

³⁹⁷ Сибирь. 1911. № 5. С. 3.

Очевидно, по вопросу о влиянии реформы на движение бурятского населения необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

– падение численности бурят в конце XIX–начале XX вв., зафиксированное в некоторых источниках, если и имело место, отнюдь не было инициировано начавшейся земельной реформой, а отражает общую динамику процессов естественного движения бурятского населения, проявившуюся в переходе от снижения темпов роста непосредственно к снижению численности;

– маловероятно влияние изменения хозяйственного быта (переход к оседлому земледелию) на снижение численности бурятского населения, поскольку именно среди бурят-земледельцев обозначенная тенденция не проявляется;

– для полноценного и масштабного изучения вопроса о причинах сокращения бурятского населения в конце XIX–начале XX вв. требуется обратить особое внимание на особенности его быта и традиций;

Землеустройство совпало по времени со стабилизацией и, возможно, ростом численности бурят Иркутской губернии. Вопрос о влиянии реформы на численность бурятского населения требует отдельного рассмотрения, но очевидно, что такое влияние, если оно имело место, отнюдь не было негативным.

* * *

Итак, землеустроительная реформа в процессе постепенной, начавшейся задолго до нее трансформации имеет особое значение.

Землеустройство не привело и не могло привести к переходу бурят Иркутской губернии от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. К началу реформы подавляющее большинство иркутских бурят уже имели либо земледельческое, либо земледельческо-скотоводческое хозяйство. Земледельческий характер бурятского хозяйства был не столько следствием контактов с русским населением региона, сколько исторически предопределенной формой жизнеобеспечивающей деятельности, оптимальной в конкретных географических условиях Прибайкалья. Это в полной мере относится и к бурятскому скотоводству, играющему важ-

ную, но далеко не главную роль в традиционном хозяйстве. Русское население, оказавшись в местных условиях, восприняло многое из достижений бурятской экономической традиции (например, орошение и уваживание покосов). В свою очередь буряты переняли у русских крестьян различные методы более рационального, с точки зрения затрат труда, использования земельных угодий. Медленный процесс перехода бурят к земледелию был основной составляющей трансформации бурятского хозяйства до конца XIX в. Целью трансформации было приспособление хозяйства к специфическим природным условиям.

К началу XX в. оптимизация хозяйственной деятельности бурятского населения Прибайкалья, до этого ориентированная на приспособление к географическим условиям, исчерпала себя, вступив в противоречие с новыми условиями социально-экономического плана. Эти новые условия имели различную природу. Часть их имела внутреннее происхождение. В первую очередь, это неравномерное распределение земель при формально сохранявшемся общинном пользовании. Во-вторых, это кризис родовой организации, явившийся следствием углубления имущественного неравенства. Если ранее община сдерживала проявления индивидуальной экономической активности, то теперь, с развитием производительных сил, хозяйственный индивидуализм начинает возобладать над общественными интересами. Проявлениями борьбы общинного и индивидуального начал в бурятском обществе стали многочисленные земельные споры и фактически начавшийся передел общественных земель в пользу частных лиц. Перед бурятским обществом встал вопрос об определении отношения к земле, прежде всего, об определении форм собственности на землю и порядке ее отчуждения.

Вторая часть новых социально-экономических условий имела внешнее по отношению к бурятам происхождение. К ним относится появление «земельного голода» среди русских крестьян, вызванного ростом численности населения, в том числе, за счет переселенцев. Царское правительство, стремясь разрешить проблему аграрного перенаселения Европейской России за счет Сибири, окончательно и бесповоротно нарушило шаткое равновесие сибирского землепользования. Мощным фактором, повлиявшим на развитие

событий в регионе, стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, необходимое для вовлечения материальных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в экономику страны, ускорившей урбанизацию Восточной Сибири, а, соответственно, и развитие товарного сельского хозяйства. И колонизацию, и строительство Транссиба необходимо рассматривать не как способы решения задач частного характера, а как осуществление исторически обусловленного и объективно необходимого процесса освоения Российским государством обширных сибирских пространств.

Обе группы названных факторов делали земельный передел в Сибири, в частности, в Иркутской губернии, насущной необходимостью. Реформа землеустройства была призвана осуществить этот передел.

Требования времени сделали главной, но не единственной целью реформы для правительства формирование переселенческого колонизационного земельного фонда. После 1906 г. приоритет этого направления не подвергался сомнению. Наличие в пользовании бурят Иркутской губернии огромных площадей земли, эксплуатация которых далеко не всегда была рациональной, предопределили то, что объектом реформы стало в первую очередь бурятское землепользование. Однако меньше всего власти желали ликвидировать или кардинально перестроить традиционный хозяйственный уклад бурят. Об этом говорят и проводившиеся в конце XIX в. исследования бурятского быта, и позиция иркутского генерал-губернатора в первый период реформы, и положения реформы, и методы ее проведения. Конечно, причиной такого поведения властей была отнюдь не забота о сохранении культурного наследия бурятского народа. Власть поддерживающие были обеспокоены развитием как раз той отрасли хозяйства, разрушение которой им ставилось и ставится в вину до сих пор некоторыми исследователями, — скотоводства³⁹⁸. Не случайно еще в начале XIX в. Иркутский гражданский губернатор считал нужным «обратить сельских жителей к скотоводству, как к такой части сельской экономики, которая после земледелия всего более обеспечивает

---

³⁹⁸ См., напр.: Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири... С. 102; История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. С. 479.

народное продовольствие»³⁹⁹. Не случайно на рубеже веков ежегодно местной администрацией в бурятских ведомствах собирались данные о поголовье скота, причинах его убоя или падежа, наряду со сведениями о положении дел в земледелии. Не случайна и формулировка мотива приостановления землеустроительной реформы в 1917 г., — «во избежание расстройств скотоводческого хозяйства...»⁴⁰⁰. В Забайкалье в бурятских улусах по распоряжению властей содержались жеребцы-производители для улучшения породы⁴⁰¹. В Прибайкалье землеустройство не распространялось на чисто скотоводческие районы. Несмотря на дополняющую функцию скотоводства в системе жизнеобеспечения большинства бурятского населения Прибайкалья, территории расселения иркутских бурят, как и Забайкалье, всегда считались стратегически важными животноводческими районами.

В идеале реформа землеустройства должна была закрепить используемые земли за их фактическими пользователями, и, при этом, высвободить площади для колонистов. Но при изъятии бурятских земель реформа натолкнулась на сопротивление местной знати, не желающей терять источники своих богатств и власть, поскольку вслед за землеустройством следовала реорганизация инородческих ведомств. Так землеустроительные работы стали одной из причин подъема бурятского национального движения, проходившего под руководством выразителей интересов национальной буржуазии, имевшей корни в родовой аристократии. Лишив бурятскую верхушку части земель, реформа землеустройства была обречена на непонимание со стороны части бурятской интеллигенции.

Реформа лишила национальную буржуазию возможности отчуждения земель в свою пользу, поскольку закрепила порядок не *владения*, а *пользования* землей, причем, пользования не индивидуального, а общественного. Ц. Жамцарано в 1906 г. прокомментировал ситуацию так: «При Николае II буряты были лишены права на свои «породные» земли потому, что у них не успело создаться понятия о частной

---

³⁹⁹ К истории бурятского хозяйства. С. 171.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 154. Л. 2–3.

⁴⁰¹ Восточное обозрение. 1906. № 9. С. 3.

собственности на землю»⁴⁰². Верная консервативным принципам, империя снова делала ставку на общину и не могла пойти на индивидуализацию земельной собственности в широком масштабе.

Учитывая то, что землеустройство инородцев Сибири 1) имело уравнительный характер, 2) закрепило общественное пользование земельными угодьями и 3) ограничило развитие хлебного товарного хозяйства, мы делаем вывод о землеустроительной реформе, как факторе, в известной степени сдерживающем развитие в регионе рыночных отношений.

Вместе с тем, в ходе реформы был сформирован колонизационный земельный фонд. Население губернии в 1896–1914 гг. за счет переселенцев увеличилось на 127,5 тыс. чел.⁴⁰. Поселившись среди местного, в том числе инородческого населения, переселенцы способствовали внедрению передовых технологий обработки почв, распространению новых сельскохозяйственных культур. С другой стороны, изъятие части земель у бурят заставляло их переходить к более рациональным в сложившихся условиях приемам хозяйствования, в частности, к специализации на выращивании крупного рогатого скота, что повышало товарность хозяйства. Перечисленные процессы свидетельствуют о реформе землеустройства, как факторе, косвенно способствующем интенсификации традиционного хозяйства, что облегчало его интеграцию в общероссийскую экономику.

Обе противоречивые «ипостаси» реформы землеустройства нивелировались тем, что она так и не была завершена, одна из ее составляющих — ограничение «инородческого» землепользования — фактически была осуществлена лишь частично, а, соответственно, все вышеперечисленные последствия землеустройства проявились не в полной мере. Особенно это касается интенсификации традиционного хозяйства. Думается, что противоречивый характер реформы лежит в основе причин ее незавершенности. И все же, роль землеустроительной реформы в процессе трансформации традиционного хозяйства иркутских бурят огромна.

---

⁴⁰² Жамцарано Ц. О правосознании бурят. С. 169.

⁴⁰³ Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования... С. 60.

В узком смысле, она стала началом земельного передела, назревшего в среде бурят в связи с объективными процессами активной колонизации края и разложения родовых отношений. Первый она обеспечила высвобождением пригодных для земледелия земель, проблема второго была разрешена реорганизацией национальных органов управления при сохранении общественного пользования землей.

В широком смысле, последствия землеустроительной реформы выполнили в бурятском обществе функцию сдерживания процесса, который К. Поланьи назвал «великой трансформацией», — процесса освобождения экономических отношений от опеки общества и превращения их в самостоятельные институты⁴⁰⁴. В результате было заторможено развитие в бурятском обществе рыночных отношений. Но зато, благодаря такой дезинтеграционной функции реформы, бурятское хозяйство сохранило культурные особенности, что не позволяет говорить об исчезновении этнических традиций природопользования.

Как фактор переселенческой политики правительства, реформа землеустройства не только стала методом решения проблемы малоземелья в Европейской России, что должно было оградить помещичье землевладение, но и способствовала заселению Сибири, что являлось уже объективной необходимостью в русле естественного движения России на восток и освоения жизненного пространства, самой природой предоставленного ей для осуществления исторической миссии создания евразийского государства.

Нельзя забывать и о еще одной стороне аграрных преобразований начала XX в., — рационализации сельского хозяйства. Две точки зрения на аграрные реформы, — как на способ решения проблемы малоземелья и как на сельскохозяйственную рационализацию, — существуют с конца 1910-х гг.⁴⁰⁵ В отечественной историографии до последнего времени приоритетной была первая позиция. Представля-

---

⁴⁰⁴ См.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. М.: Алетейя, 2002. 320 с.

⁴⁰⁵ Куренышев А.А. На пути к частной собственности на землю. Союз земельных собственников России // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 40.

ется, что данная проблема гораздо шире, и она включает в себя, помимо прочего, и вопросы, связанные с трансформацией традиционного хозяйства.

Методы проведения реформы и ее незавершенность явились проявлением общей тенденции медленных изменений традиционных хозяйственных форм. Другими словами, трансформация бурятского хозяйства по своему характеру являлась не «революцией», а «эволюцией». Как во всякой эволюции, искомые изменения стали следствием постепенного приспособления к окружающим условиям. Особая роль землеустройства в процессе трансформации состоит еще и в том, что оно знаменовало переход от эволюции под давлением природных факторов к эволюции, инициированной факторами общественно-экономическими.

Возвращаясь к вопросу о землеустройстве, как инструменту колонизационной политики царского правительства, стоит отметить два обстоятельства, рассмотрение которых является отдельной проблемой, требующей подробного исследования. Первое состоит в том, что переселение в Сибирь как таковое связано не только со стремлением правительства решить проблему малоземелья крестьян в Европейской России, не затрагивая интересов помещиков, но и с необходимостью освоения сибирских территорий в целях укрепления России в регионе в условиях начавшейся между сильнейшими государствами планеты борьбы за передел мира. Не случайно, что прорыв в осуществлении реформы наметился после печально известной русско-японской войны. Во Всеподданнейшем отчете Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. прямо указывается на геополитическую обусловленность переселения и экономических реформ в регионе: «Возможность в будущем новых столкновений на восточном фронте уже на нашей территории ставит Генерал-Губернаторство в особые условия и вызывает 1) настоятельность интенсивного заселения края коренным русским населением, чтобы, сильное любовью к родине, оно создало противовес инородческому стремлению к политическому обособлению Сибири и 2) необходимость в культурном поднятии страны, как-то: земледелия, скотоводства и пр. отраслей сельскохозяйственной, а также добывающей заводской и фабричной промышленности, могущих облегчить операции армии в случае войны на

востоке»⁴⁰⁶. Ослабление позиций России на Дальнем Востоке требовало принятия серьезных мер по обеспечению государственной безопасности в регионе⁴⁰⁷. С этим тесно связано второе обстоятельство, которое заключается в том, что реформа землеустройства, закрепляющая государственную собственность на землю в Сибири, должна была еще и необходимо предшествовать уравниванию инородцев в правах и обязанностях с русским населением. Все это также способствовало закреплению прав Российской империи на огромные сибирские пространства. Иначе говоря, землеустройство сибирского населения было необходимо России даже в том случае, если бы проблема малоземелья в Европейской России не стояла так остро, как это было на самом деле. В связи с этим становится понятно, почему в предложениях Иркутского генерал-губернатора, высказанных во Всеподданнейшем отчете за 1906–1907 гг. по поводу улучшения положения переселенцев, *нет ни слова о формировании переселенческих участков за счет инородческих земель*⁴⁰⁸. Такая практика получит свое развитие лишь со следующего, 1908 г. С этого же года начался спад переселенческой волны. Предположение о влиянии непоследовательной политики проведения землеустройства на «инородческих» землях на регрессивную динамику переселения не кажется абсурдным и, в свою очередь, подвергается сомнению тезис о поселении новоселов исключительно на землях, отобранных у «инородцев».

---

⁴⁰⁶ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. С. 5.

⁴⁰⁷ В этой связи, в частности, интерес представляют два закона, изданные в 1910 г.: Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой и Высочайше утвержденный, 21 июня 1910 года, закон — Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве и Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой и Высочайше утвержденный, 21 июня 1910 года, закон — О предоставлении Приамурскому генерал-губернатору особых полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземных шпионов (Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Дополнения. М., 1911. С. 242).

⁴⁰⁸ См.: Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. С. 26.

Подводя итоги сказанному в главе, можно сделать следующие выводы:

1. Реформа землеустройства конца XIX–начала XX вв., в Иркутской губернии коснувшаяся в первую очередь «иностранцев»-бурят, имела большое значение не только как инструмент колонизационной политики российского правительства, но и как фактор трансформации традиционного бурятского хозяйства.

2. Реформа землеустройства имела объективные предпосылки, заключающиеся в том, что 1) бурятское хозяйство в Прибайкалье было в основе своей земледельческим; 2) в связи с земледельческим характером хозяйства значительная часть земель, находящихся в пользовании бурят, фактически ими не использовалась или сдавалась в аренду; 3) разложение родовых отношений и начало процесса индивидуализации собственности на землю в бурятском обществе делали необходимостью земельный передел.

3. Сопrotивление реформе инициировалось бурятской элитой, не желающей поступиться своим выгодным экономическим и социальным статусом. На самом деле, землеустройство проводилось методами, учитывающими особенности хозяйственной деятельности и быта «иностранцев». Эти методы способствовали тому, что изменения в бурятском хозяйстве происходили постепенно, без ломки традиционного уклада.

4. Прямыми результатами реформы было изъятие у бурят части их земель в колонизационный фонд и закрепление общественного пользования земельными и лесными наделами. Косвенные последствия состояли в возможном влиянии на стабилизацию естественного движения бурятского населения, переходе к более интенсивным способам эксплуатации земель.

5. Перечисленные результаты и последствия реформы обуславливают ее особую роль в процессе трансформации традиционного бурятского хозяйства. Это выразилось в том, что в ходе реформы 1) трансформация приобрела новое качество, превратившись из инструмента приспособления к условиям природы в инструмент приспособления к социально-экономическим условиям, связанным с интенсивным освоением Сибири и проявлением внутренних противоречий бурятского общества; 2) в новых условиях трансформация

сохранила эволюционный характер, характер постепенных, медленных изменений; 3) эволюционный характер трансформации проявился, в частности, в ее направленности против индивидуализации собственности на землю.

6. Совокупность обозначенных особенностей трансформации, проявившихся под влиянием реформы, свидетельствует о том, что в конце XIX–начале XX вв. трансформация заключалась в усилении влияния внешних связей в традиционном бурятском хозяйстве как системе, при сохранении при этом целостности системы.

Все составные части трансформации бурятского хозяйства, все изменения хозяйственного быта, имевшие место на рубеже XIX–XX столетий (переход к двуполью и начало перехода к трехполью, качественные изменения в составе скота, повышение товарности скотоводства, консервация общинного землепользования) так или иначе связаны с реформой землеустройства. Все они, за исключением повышения товарности скотоводства, свидетельствуют в пользу утверждения о сохранении традиционного хозяйства как системы. Повышение товарности скотоводства является важным признаком приобщения бурят к новым для Сибири рыночным отношениям, но относится *не к основному, а вспомогательному способу природопользования*, поэтому влияние этого фактора на традиционное хозяйство не является определяющим.

**ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА ЭВЕНКОВ И ТОФОВ
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Трансформация способов природопользования

В отличие от бурят, системы традиционного хозяйства эвенков Иркутской губернии и тофов подверглись более серьезным изменениям, поскольку ими был затронут основной способ природопользования — охота.

Если для бурят Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. основным содержанием трансформационных процессов хозяйственной деятельности связано с реформой землеустройства и ее последствиями, то изменения традиционного хозяйства так называемых «бродячих инородцев», эвенков (тунгусов) и тофаларов (карагасов), лежат в несколько иной плоскости. Исследователи хозяйства эвенков и тофаларов чаще всего склонны отождествлять эти изменения с постепенным вовлечением «бродячих инородцев» в систему товарно-денежных отношений, что выражалось, в первую очередь, в интенсификации пушного промысла⁴⁰⁹. Называются также переход части «бродячих инородцев» к оседлому образу жизни, обращение их к животноводству и земледелию. В тесной связи с изменениями традиционного хозяйства находится проблема ассимиляции этих малых народов Прибайкалья русскими и бурятами. Наша задача заключается в анализе названных изменений хозяйства и определении их места в многогранном процессе трансформации.

Все изменения систем традиционного хозяйства эвенков и тофов представляется возможным объединить в две группы. Первую группу составляют процессы, связанные с

---

⁴⁰⁹ См., напр.: Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Роль территориального, ресурсного и социального факторов в развитии пушного промысла в Восточной Сибири во II половине XIX–начале XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 60.

трансформацией самого способа природопользования. Жизнеобеспечение эвенков и тофов всегда было самым тесным образом связано с окружающей природной средой, эта связь гораздо заметнее, чем у соседних бурятского и русского народов, и проявляется она в приоритете «присваивающего» фактора над «производящим». Поскольку природная целесообразность, очевидно, первична по отношению к целесообразности экономической, и ее примат для хозяйства эвенков и тофов также не вызывает сомнений, изменение именно *способа природопользования* может быть признано одной из основных составляющих процесса трансформации традиционного хозяйства этих народов. Во вторую группу входят изменения, связанные с формированием у эвенков и тофаларов зачатков товарного хозяйства. При всей тесной взаимосвязи этих двух групп явлений, и их синхронности во времени, изменения первой группы касались *содержания* хозяйственной активности (например, переход от занятия только охотой дополнительно к скотоводству или земледелию), в то время как изменения второй группы затрагивали *форму* способа природопользования (переход от потребительской охоты к товарной). И вторая группа изменений не менее важна, так как изменение формы способа природопользования повлекло за собой и изменение целеполагания хозяйственной деятельности, что в итоге привело к аккультурации эвенков и тофов. В данном разделе рассматривается первая группа хозяйственных изменений.

В соответствии с предлагаемой схемой, трансформация способов природопользования эвенков и тофов в части содержания хозяйственной активности проявилась в следующих изменениях: 1) интенсификация скотоводства; 2) развитие земледелия; 3) переход части эвенков и тофов к оседлости.

Тофы проживали компактно на юго-западе Иркутской губернии, на территории Нижнеудинского округа (уезда). Они кочевали на площади около 120 000 квадратных верст, доходя иногда до Тункинского края. Численность тофов в 1888 г. составила 431 чел.⁴¹⁰ Проживание в условиях высоко-

---

⁴¹⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 180.

когорной тайги определило их основной способ жизнеобеспечения — охота на копытных (лось, олень, изюбрь), и кочевой образ жизни, опирающийся на оленеводство. Эвенки (тунгусы) рассеянно проживали на территориях четырех из пяти округов — Киренского, Верхоленского, Иркутского и Балаганского. В конце XIX в. существовало шесть эвенкийских инородческих ведомств: Нижнеилимское, Киренско-Хандинское, Курейское и Кондогирское⁴¹¹ — в Киренском округе, Очеульское и Тутурское — в Верхоленском округе. О двух последних, в силу малочисленности населения, в начале XX в. писали, как о существующих «по недоразумению»⁴¹². Кроме этого, в конце XIX в. эвенки проживали на территориях бурятских инородческих ведомств — Кудинского (тунгусы Чинканова рода, голоустинские тунгусы, 104 чел.), Аларского (малобельские тунгусы, 58 человек)⁴¹³. В 1888 г. 8 тунгусов проживали в Ольхонском ведомстве⁴¹⁴. Часть тунгусов Киренского округа, перекочевавших из Якутской области, находилась в непосредственном подчинении Вилуйского исправника⁴¹⁵. По данным переписи 1897 г., на территории Иркутской губернии проживало всего 2 017 тунгусов, что составляло 0,39% численности населения губернии, из них 1 289 чел. в Киренском, 578 в Верхоленском, 141 в Иркутском, 7 в Балаганском и 2 чел. в Нижнеудинском округах⁴¹⁶. По уточненным данным С. Патканова в Иркутской губернии проживало до 2 191 эвенка⁴¹⁷. У эвенков, помимо охоты, большую роль играли собирательство и рыбо-

---

⁴¹¹ По С. Патканову курейские и кондогирские тунгусы состояли в одном ведомстве (См.: Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен... Часть I. Вып. I. С. 107), однако, это не подтверждается официальными документами, свидетельствующими о существовании двух отдельных ведомств — Курейского и Кондогирского (См.: Иркутские губернские ведомости. 1899. № 43. С. 1).

⁴¹² ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 218.

⁴¹³ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 96–97.

⁴¹⁴ НАРВ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1908. Л. 29.

⁴¹⁵ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен... Ч. I. Вып. I. С. 105.

⁴¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 59.

⁴¹⁷ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен... Ч. I. Вып. I. С. 114.

ловство, т.е. их хозяйство имело комплексный характер. Огромную роль в эвенкийском, как и в тофаларском, хозяйстве играли олени, выполняющие транспортную функцию.

Разведение скота, а именно оленей, для эвенков и тофаларов было традиционным занятием. Из двух народов приоритет в оленеводстве принадлежал тофаларам, — в конце XIX в. 94% тофаларских хозяйств имели оленей. На душу мужского пола в 1888 г. у тофов приходилось 5,1 оленей, на хозяйство — 13,5 оленей⁴¹⁸. Н.М. Астырев отмечал, что «карагас без оленей — это то же, что земледелец без земли, орудия, рабочего скота и дома»⁴¹⁹. Более того, у тофов «места кочеваний определяются в значительной степени оленем»⁴²⁰. Эвенки, проживающие в различных географических условиях, имели различное количество оленей, но в целом оленеводство у них было развито в меньшей степени. Например, у тунгусов Нижнеилимского инородческого ведомства в 1883 г. на наличную душу мужского пола приходилось лишь 1,2 оленей⁴²¹. Несмотря на меньший удельный вес оленей, «эвенкийское оленеводство являлось важнейшим компонентом системы природопользования, обеспечивая наиболее рациональные варианты освоения биотических ресурсов»⁴²². И у тофов, и у эвенков олени в основном использовались как транспортное средство при передвижении в поисках промыслового зверя. Таким образом, оленеводческий характер хозяйства тофов и эвенков был подчинен охоте.

По образу жизни таежное население Иркутской губернии, как и Сибири вообще, делилось на «кочевых» и «бродячих». По официальной градации, «инородцы» различались по «степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания»⁴²³. Все тофы относились к «бродячим инородцам» ввиду кочевого образа жизни. Среди эвен-

---

⁴¹⁸ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 181–182.

⁴¹⁹ Астырев Н. На таежных прогалинах. С. 317.

⁴²⁰ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Карагассия. С. 73.

⁴²¹ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 13, 14.

⁴²² Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 57.

⁴²³ Положение об инородцах. Ст. 2. С. 539.

ков (тунгусов) Иркутской губернии, наряду с «бродячими» выделяются и «кочевые». Это говорит о неравномерности развития тунгусского населения края, — кроме «бродячих» оленеводов значительную долю тунгусского населения составляли полуседлые «кочевые» эвенки, в хозяйствах которых оленей почти не было.

В конце XIX—начале XX вв. начинается переориентация хозяйства эвенков и тофов в направлении интенсификации скотоводства как вида природопользования.

В Тофаларии указанная тенденция имеет свои особенности. У тофов уже исследования 1887–1889 гг. фиксируют появление лошадей. Лошади использовались как транспортные животные при перекочевках и на охоте. При этом отмечается, что лошади начали появляться у карагасов от бурят незадолго до исследований. Хотя в современной науке есть мнение о сохранении коневодства у тофов с «древнетюркских времен»⁴²⁴. В 1888 г. из 82 хозяйств не имели лошадей лишь 22 (26,8%). К 1912 г. количество лошадей увеличилось до 53⁴²⁵, в 1914 г. их было уже 56, а к 1925 г. у карагасов было уже 130 коней⁴²⁶. Вместе с тем изменяется характер оленеводства. Среди карагасов в 1888 г. лишь два хозяйства из 83 имели более 50 оленей и лошадей, при этом отмечается, что раньше были хозяйства, содержащие до 300 оленей⁴²⁷. К 1912 г. у тофов насчитывалось 2 579 оленей⁴²⁸ (рост по сравнению с 1888 г. — 56,5%), в то время как население в 1911 г. составляло 449 чел.⁴²⁹ (+4% к уровню 1888 г.). Это может свидетельствовать об одной из двух тенденций — либо тофы стали больше кочевать, что требовало увеличения оленьего стада, либо они стали использовать оленя не только в транспортных целях, но и как источник мяса. Учитывая, что порядок и территория перекочевок тофов в рассматриваемый период оставались, по всей вероят-

---

⁴²⁴ См.: Рассадин И.В. Хозяйство, быт и культура тофаларов.

⁴²⁵ Мельникова Л.В. Тофы... С. 52.

⁴²⁶ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Карагассия. С. 80.

⁴²⁷ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 182.

⁴²⁸ Мельникова Л.В. Тофы... С. 52.

⁴²⁹ Миротворцев К.Н. Карагасы... С. 2.

ности, неизменными (во всяком случае о таких изменениях не упоминается в источниках), логичнее предположить второй вариант. Использование в качестве транспортного средства лошади было предпочтительнее в плане скорости передвижения и грузоподъемности, что создавало для оленя серьезную конкуренцию в тофаларском хозяйстве. Кроме того, уменьшение количества промыслового зверя заставляло тофов все чаще использовать в пищу мясо оленей. Если в 1887 г. тофами было добыто 249 диких оленей и 134 изюбря, то в 1888 г. — только 156 и 126 соответственно. На уменьшение количества зверя, которое заставляет их переходить к другим промыслам, указывали и сами тофы⁴³⁰. Указанная тенденция прослеживается и в дальнейшем. При сопоставлении данных за 1888 и 1914 гг. обнаруживается сокращение добычи основных промысловых видов копытных (дикий олень, изюбрь, лось) с 361 до 344 голов, т.е. почти на 5%, при увеличении численности населения с 431 до 447 чел. (на 4%), а также увеличении числа едоков на одного взрослого мужчину с 4,1 до 4,5⁴³¹. Очевидно, что тофы не могли ограничиваться при обеспечении себя пищей только охотой. Поэтому недостаток средств к существованию в результате сокращения промысла решался за счет забоя оленей. В 1914 г. на мясо тофами было забито 17,6% всего оленьего стада, что сопоставимо со средними данными по Сибири по забоям крупного рогатого скота (в 1913 г. — 17,3%)⁴³². Вследствие сокращения промыслового зверя и усиления расслоения карагасского общества по причине нещадной эксплуатации со стороны скупщиков мехов, жители Тофаларии были вынуждены забивать домашних оленей. Поскольку естественным образом поголовье оленей не успевало восстановиться, в последующие годы наблюдается его сокращение⁴³³. Все эти факты свидетельствуют о некотором изменении характера оленеводства, — из средства передвижения олень превращается в источник пищи. В свою очередь, сокращение оленьего ста-

---

⁴³⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 183.

⁴³¹ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... — С. 75, 78.

⁴³² РГИА. Ф. 433. Оп. 1. Д. 17. Л. 17об.

⁴³³ Золотарев М.Е., Ходукин Я.Н. Карагассия. С. 76.

да приводило к дальнейшему углублению имущественного неравенства, толкая безоленных и малооленных карагасов к занятию различными промыслами.

Таким образом, в конце XIX—начале XX вв., в тофаларском традиционном хозяйстве фиксируются определенные тенденции, связанные с изменением характера оленеводства: с одной стороны, олени продолжают использоваться как транспортное средство, но к этому добавляется использование в этих же целях лошадей, с другой стороны, оленеводство начинает теснить промысел копытных как основной источник средств существования. Изменение характера оленеводства было вызвано, в первую очередь, сокращением добычи зверя, т.е. явилось следствием обстоятельств природного происхождения. Использование домашних оленей как источника пищи свидетельствует об очень важной тенденции, — обращении от присваивания продуктов питания к их производству. Безусловно, говорить о полном переходе тофов к производящему хозяйству в конце XIX—начале XX вв. еще рано. Проблематично также рассматривать домашнего оленя как стабильный источник мяса (каким для бурят, например, являлся крупный рогатый скот). Тем не менее, этот факт показателен, так как он дает представление о том, в каком направлении происходили бы процессы изменения традиционного тофаларского хозяйства в объективных условиях сокращения поголовья промысловых животных в природе, если бы внешние контакты тофов не представили им альтернативы в виде товарной охоты.

Процесс интенсификации скотоводства отмечается и в эвенкийском хозяйстве, однако, здесь он имел несколько иную направленность. Как уже отмечалось, среди эвенков оленеводство было развито в меньшей степени, нежели у тофов. Олени использовались почти исключительно как транспортное средство. Забой домашних оленей осуществлялся лишь в исключительных случаях. Притом, что основным источником получения средств к существованию была охота на копытных, у эвенков, по сравнению с тофами, большую роль играли собирательство и рыболовство, за счет чего и компенсировался недостаток продуктов питания. Трансформация традиционного эвенкийского хозяйства проявилась как в изменении состава эвенкийского скота, так и в повы-

шении удельной доли продуктов животноводства в структуре потребления эвенков. Вместе с тем, несколько изменяется функция оленеводства в системе традиционной хозяйственной деятельности.

Изменения в составе скота выразились в распространении среди эвенков практики содержания лошадей и КРС, изменения в быте — в отказе части эвенков от потребительского промысла в пользу животноводства. Надо отметить, что, вероятно, скотоводство не было для тунгусов чем-то новым. Как считают многие исследователи, до расселения по огромным сибирским просторам основу их хозяйства составляло как раз скотоводство, оленеводами эвенки стали позже⁴³⁴. Сформировавшийся у эвенков способ природопользования, основанный на потребительской охоте, транспортном оленеводстве, рыболовстве и собирательстве, явился следствием приспособления к окружающей среде. Этот способ был оптимальным для данных географических условий, однако в XIX в. он подвергается изменениям, несмотря на то, что природная среда проживания эвенков не претерпела изменений. Уже в середине XIX в. фиксируются факты разведения лошадей тунгусами Киренско-Хандинского ведомства, жители которого были типичными кочевниками-оленеводами, — в 1865 г. «бродячие инородцы» ведомства имели 675 оленей и 10 лошадей⁴³⁵. В 1880 г. на 279 жителей Кондогирского ведомства приходилось 668 оленей, 8 лошадей и 11 голов крупного рогатого скота⁴³⁶. Гораздо заметнее изменения хозяйства в районах, расположенных рядом с местами компактного проживания русских и бурят. В конце века официальные сводки фиксируют достаточно высокий уровень скотоводства иркутских тунгусов. Например, в Нижнеилимском инородческом ведомстве в 1883 г. эвенки содержали 158 оленей (на душу мужского пола — 1,2), 53 лошади (0,4), 64 головы крупного рогатого скота (0,5), а также 92 овцы и 23 свиньи⁴³⁷. Причем, четко выделяется две группы эвенков. «Бродячие» тунгусы имели исключитель-

---

⁴³⁴ См., напр.: Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги...

⁴³⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 187. Л. 410–411.

⁴³⁶ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке... С. 47.

⁴³⁷ ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 13.

но одних оленей, которых у них приходилось 3,2 головы на душу. «Кочевые» не разводили оленей вовсе, зато у них приходилось по 2,6 головы различного другого скота на душу мужского пола⁴³⁸. Безусловно, отмеченные показатели не позволяют причислить «кочевых» нижеилимских тунгусов к скотоводам, тем не менее, отсутствие у них традиционных для эвенков оленей, а также наличие пашни и даже огородов⁴³⁹ заставляют предположить, что отнюдь не только потребительская охота доставляла им средства к существованию. «Кочевничество» этих тунгусов выражалось не в том, что они постоянно меняли место жительства, как их «бродячие» соплеменники, а в периодическом уходе части населения, как правило, мужчин, на промысел в тайгу. Тунгусы Зогинского стойбища (бурятское Кудинское инородческое ведомство) — 32 мужчины и 34 женщины — в 1901 г. содержали 17 коров, 10 голов мелкого рогатого скота и 20 лошадей. У тунгусов Кочергинского стойбища того же ведомства было 3 лошади и 4 головы КРС на 17 человек (8 мужчин и 9 женщин). При этом в источнике подчеркивается, что большая часть лиц мужского пола — зверопромышленники (в Зогинском стойбище — 15 из 32, в Кочергинском — 7 из 8)⁴⁴⁰. По количеству лошадей и крупного рогатого скота на душу населения (0,3 и 0,3 соответственно) кудинские тунгусы еще значительно отставали от «кочевых» бурят соседнего 2 Ашегабатского рода (1,6 и 1,5), но уже приближались к оседлым бурятам рядом расположенного Курского селения (0,5 и 0,7)⁴⁴¹. Разведение лошадей, овец и свиней, а в особенности — крупного рогатого скота, уход за которым требовал значительных времени и сил, заставляло эвенков отказываться от оленеводства⁴⁴². Отсутствие во многих хозяйствах эвенков оленей и явная недостаточность лошадей для того, чтобы использовать их как транспортное средство при потребительской охоте, позволяет определить основным занятием жителей стойбищ товарный промысел. Продукция животноводства в этом слу-

---

⁴³⁸ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 16–19.

⁴³⁹ Там же. Л. 14.

⁴⁴⁰ НАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 275. Л. 79об., 80, 82об.

⁴⁴¹ Рассчитано по: НАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 275. Л. 37, 79об., 80, 82об.

⁴⁴² Туголуков В.А. Тунгусы... С. 21–22.

чае, наряду с покупным продовольствием, и обеспечивала жизнедеятельность кудинских тунгусов. Как и для соседей-бурят, скотоводство для них выполняло важную функцию дополнительного источника существования (у бурят — к земледелию, у тунгусов — к зверопромышленности). Тенденция распространения практики содержания нетрадиционных видов домашних животных прослеживается и у эвенков Верхоленского округа. В.А. Туголуков отмечает, что «к 1875 г. эвенки Тутурского ведомства располагали таким количеством домашнего скота, что это потребовало дележа покосов между ними и соседними русскими»⁴⁴³. Очеульские тунгусы уже в 1868 г. на 583 чел. имели 275 оленей, 40 голов крупного рогатого скота и 125 лошадей⁴⁴⁴.

К концу XIX столетия животноводство как способ природопользования широко распространяется среди эвенков, и перепись 1897 г. уже констатирует, что 8,1% самостоятельных хозяев-тунгусов (6,7% населения с членами семей) считали себя скотоводами⁴⁴⁵. В хозяйствах тунгусов, практически перешедших к оседлости, количество скота в начале XX в. уже сопоставимо с поголовьем скота у русских крестьян. Например, в тунгусской деревне Ясачной на реке Коченге (приток Илима) в 1924 г. на 120 жителей приходилось 53 лошади, 54 головы КРС и 33 овцы⁴⁴⁶. Исследователями отмечаются не только распространение у эвенков нетрадиционных для них видов домашних животных, но и изменения способов их содержания, например, появление утугов. Обращение тунгусов к новому для них виду деятельности имеет две главные причины. Первая заключается во влиянии русских и бурятских соседей. Вторая состоит в том, что к скотоводству обращались, как правило, безоленные и малооленные семьи. Факт существования таких семей свидетельствует об уже высокой степени имущественного расслоения в эвенкийских группах. Такое расслоение, в свою очередь, говорит о слабости родовой организации тунгусов.

---

⁴⁴³ Туголуков В.А. Тунгусы... С. 16.

⁴⁴⁴ ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 41. Л. 17, 20.

⁴⁴⁵ Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.

⁴⁴⁶ Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги. С. 22, 24.

Таким образом, у «кочевых» эвенков, в отличие от тофов, общая тенденция интенсификации скотоводства заключается в переориентации с оленеводства на разведение крупного рогатого скота и лошадей.

Вместе с тем, М.Г. Туров, отмечает, что транспортная функция оленя у «бродячих» эвенков именно к концу XIX столетия приобретает все большее значение в связи с увеличением территории, на которой производятся перекочевки. Причем увеличение промысловых площадей происходит не в связи с охотой на копытных, а по причине активизации пушной охоты⁴⁴⁷. Именно с пушным промыслом связаны дальние переходы эвенков с одного места на другое. При таких переходах без оленей было не обойтись, в связи с чем домашний олень становится очень ценным животным. В свою очередь, увеличение поголовья оленей требует освоения дополнительных площадей, необходимых для выпаса. Таким образом, переход к пушному промыслу повлиял на интенсификацию «бродяжничества» тунгусов.

Итак, применительно к «кочевым» эвенкам Иркутской губернии следует говорить о трансформации самой структуры животноводства и повышении его роли в процессе жизнеобеспечения. Этот процесс выразился в полном или частичном отказе некоторых групп эвенков от оленеводства и переходу к практике разведения лошадей и крупного рогатого скота. К этой категории с уверенностью можно отнести «кочевых» тунгусов Нижнеилимского, Тутурского, Очеульского ведомств и немногочисленных эвенков Иркутского округа (уезда), причисленных к бурятским ведомствам. Недостаток сведений по Киренско-Хандинскому, Курейскому и Кондогирскому ведомствам не позволяет отнести какие-либо группы их жителей к данной категории, но все же очевидно, что указанная тенденция в некоторой степени проявилась и здесь. По сведениям В.А. Туголукова во второй половине 1920-х гг. прибайкальские эвенки (нижнеилимские, киренско-хандинские, тутурские, очеульские и тунгусы Иркутского уезда) имели 447 оленей, 182 лошади и 150–170 голов КРС⁴⁴⁸. Такое соотношение видов разводимых животных

---

⁴⁴⁷ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны... С. 53, 123, 162.

⁴⁴⁸ Туголуков В.А. Тунгусы... С. 19.

свидетельствует о прогрессивном повышении роли скотоводства в эвенкийских хозяйствах. Скотоводство не стало главной отраслью эвенкийского хозяйства, но было важным источником средств к существованию. В отличие от тофов, интенсификация скотоводства у «кочевых» эвенков стала не столько результатом истощения источников традиционного потребительского промысла, т.е. реакцией на «вызов» природы, сколько следствием тесных контактов с русским и бурятским населением (у тунгусов Кондогирского ведомства — с якутами) и выбором под их влиянием экономически более целесообразного способа природопользования. Вместе с тем, не стоит исключать углубление имущественного неравенства как внутреннюю причину такой интенсификации. У эвенков род представлял собой патронимию (большую семью)⁴⁴⁹, соответственно не существовало общественных институтов выше семьи, контролирующих соотношение имущественных статусов отдельных хозяйств, как в русских или бурятских земледельческих общинах. Такой порядок сложился потому, что главным богатством для кочевых охотников являлись олени, а не земля. В такой ситуации малооленные и безоленные хозяйства под влиянием хозяйственной деятельности соседей-русских и бурят связывали свое будущее с альтернативными занятиями — скотоводством и земледелием. Проявлением трансформации животноводческих традиций «бродячих» эвенков стало повышение роли транспортного оленеводства в связи с территориальным расширением сферы охотничьего промысла, что также, в свою очередь, было связано с активизацией торговых контактов с соседними народами.

Переходя к рассмотрению вопроса о распространении среди малых народов Иркутской губернии в конце XIX—начале XX вв. земледелия, нужно отметить, что этот процесс, как и переход к оседлости, в рассматриваемый период в самой малой степени затронул Тофаларию. Причина этого заключается в том, что природные особенности ареала обитания тофов практически исключают возможность занятия земледелием. Кроме того, малочисленность и компактность проживания этого народа, несмотря на интенсивные контакты с

---

⁴⁴⁹ Туголуков В.А. Тунгусы... С. 275.

представителями других этнических общностей, в то время еще позволяли изыскивать дополнительные ресурсы жизнеобеспечения внутри ориентированного на охоту и оленеводство традиционного тофаларского хозяйства.

В конце XIX в. исследователями зафиксировано лишь одно тофаларское хозяйство, основным занятием членов которого было земледелие. В этом хозяйстве, расположенном в стороне от основной территории проживания тофов, в Гада-лейском участке Тулуновской волости, кроме всего прочего, содержалось семь лошадей и шесть коров⁴⁵⁰. Судя по количеству скота и замечанию, что именно земледелие является основой жизнедеятельности этих тофов, хотя площадь обрабатываемой земли неизвестна, можно предположить, что данное хозяйство по своим характеристикам было типично крестьянским, как у соседних нижнеудинских бурят или русских крестьян. Безусловно, это хозяйство является исключением из правил и не может служить объектом анализа тофаларского хозяйства в целом, но сам факт достаточно интересен, как одна из иллюстраций процесса преодоления экономической замкнутости Тофаларии.

Что касается перехода к оседлости, то этот вопрос прямо связан с уровнем развития земледелия, — в отличие от скотоводства, хлебопашество подразумевает необходимость проживания на одном месте. Поскольку земледелие у тофаларов в рассматриваемый период практически отсутствовало, кочевой образ жизни для них был естественным и единственно возможным в существующих природных условиях, и оставался таковым вплоть до 1920-х гг.⁴⁵¹

Гораздо большее значение земледелие имело для эвенков. Лишь «бродячие» тунгусы, жизнь которых была связана с постоянными перемещениями, не занимались земледелием. Зато почти во всех группах «кочевых» тунгусов в XIX в. земледелие было знакомым и обычным, хотя и имеющим подсобный характер родом занятий. В Нижнеилимском ведомстве уже в 1869 г. было шесть мельниц⁴⁵². Возможно, что на

---

⁴⁵⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С.181.

⁴⁵¹ Мельникова Л.В. Тофы... С. 201.

⁴⁵² ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 11. Л. 9.

них перемалывалось не только доморощенное зерно местных тунгусов, но источники указывают, что в дальнейшем происходит интенсификация тунгусского земледелия. В 1883 г. у «кочевых» тунгусов ведомства было 108 дес. под пашней (1,2 дес. на душу мужского пола) и 9 дес. под огородами. По выбору сельскохозяйственных культур инородцы практически ничем не отличались от русских крестьян, — ими выращивались рожь, пшеница, овес, ячмень⁴⁵³. Учитывая, что в ведомстве состояли и «бродячие» тунгусы, хлебопашество, выражаясь словами составителя приложения к отчету по ведомству, «очень мало имеет влияния в экономическом отношении на благосостояние народа»⁴⁵⁴. «Иностранцы» не производили хлеб на продажу, почти не занимались огородничеством, хлеб на пропитание в основном брали у русских крестьян в долг из расчета на год, рассчитываясь потом шкурками пушных зверей. Основным же занятием тунгусов Нижнеилимского ведомства был товарный промысел пушного зверя⁴⁵⁵. Вместе с тем, год от года земледелие получает все большее распространение в эвенкийских ведомствах, что дает возможность предположить его целесообразность в глазах самих тунгусов. Если в Очюльском ведомстве в 1868 г. «хлебопашеством тунгусы не занимаются»⁴⁵⁶, то к концу столетия и очюльские, и тунгусские эвенки начинают приобщаться к земледелию⁴⁵⁷. Занимались огородничеством отдельные хозяйства Кондогирского ведомства⁴⁵⁸. В 1880 г. трое тунгусов Курейской управы занимались хлебопашеством⁴⁵⁹. Редкость среди кондогирских и курейских тунгусов земледелия объясняется неблагоприятными природными условиями бассейна Нижней Тунгуски, в этих местах даже русские крестьяне сводили концы с концами лишь благодаря помощи из казны⁴⁶⁰. Географически занятие земледелием

---

⁴⁵³ ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 4, 5, 14.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 9.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 10, 11.

⁴⁵⁶ Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 41. Л. 27.

⁴⁵⁷ Туголуков В.А. Тунгусы... С. 16.

⁴⁵⁸ Там же. С. 135.

⁴⁵⁹ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке... С. 48.

⁴⁶⁰ Восточное обозрение. 1906. № 269. С. 2.

распространено у тунгусов не так широко, как скотоводство, но по численности эвенков-земледельцев можно говорить о том, что земледелие даже более популярно, чем скотоводство. По результатам переписи 1897 г. 10,4% тунгусских хозяйств Иркутской губернии (12,4% населения с членами семей) жили за счет земледелия⁴⁶¹. Это почти вдвое больше, чем скотоводческих эвенкийских хозяйств. Причина этого феномена, по-видимому, состоит в том, что большая часть бурятского и русского населения, состоящая в постоянных контактах с эвенками, занималась именно хлебопашеством. Как и скотоводство, земледелие стало элементом эвенкийского хозяйства в результате заимствований хозяйственных традиций русских и бурят. Как и в случае с распространением скотоводства, земледелие получает большее развитие у прибайкальских эвенков (по классификации В.А. Туголукова), особенно у тунгусов Нижнеилимского ведомства. Как и распространение практики содержания КРС, земледелие во многом было обусловлено имущественным расслоением эвенкийского общества, — к земледелию переходили наиболее бедные, безоленные семьи.

Разведение крупного рогатого скота и, в особенности, земледелие, требующее постоянного внимания к обрабатываемым почвам, стали причинами перехода части эвенков к оседлому образу жизни, — сначала «кочующие» тунгусы начали заниматься земледелием, а уже потом переходили к оседлости. Во всяком случае, именно с оседлостью связываются перспективы развития тунгусского хлебопашества руководством ведомств⁴⁶². В 1883 г. в Нижнеилимском ведомстве из 62 юрт 28 (почти половина) были деревянными, сверх того, учтено 49 нежилых деревянных зданий (амбары, помещения для скота и т.д.)⁴⁶³. Этот факт указывает на то, что так называемые «кочевые» тунгусы ведомства, скорее всего значительную часть года жили оседло, — иначе, зачем строить нежилые постройки и как заниматься выращиванием хлеба? В том же Нижнеилимском ведомстве, по данным

---

⁴⁶¹ Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115.

⁴⁶² ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 8.

⁴⁶³ Там же. Л. 13.

С. Патканова, в 1897 г. насчитывалось уже всего 18 хозяйств «бродячих» тунгусов (оленоводов) из 42⁴⁶⁴. Вместе с тем, можно заметить и другой процесс — переход от оседлости к земледелию. Так, например, в эвенкийском Очеульском ведомстве, жители которого в середине XIX в. еще не сеяли хлеба, уже в 1830 г. наряду с традиционными берестяными юртами, которые легко разобрать и не жалко бросить, что для эвенков, постоянно менявших место жительства, было очень важно, источники фиксируют и юрты деревянные, из чего следует, что часть тунгусов, по крайней мере, должна была регулярно возвращаться в обжитые места. На 150 берестяных юрт приходилось 20 деревянных⁴⁶⁵. Наличие постоянных деревянных юрт у тунгусов, не занимающихся земледелием, свидетельствует об осознании ими необходимости сезонной оседлости в целях стабильности контактов со скупщиками мехов. В 1868 г. в Очеульском ведомстве было уже 27 деревянных жилых домов, 158 деревянных юрт и лишь 138 берестяных⁴⁶⁶. Материалы исследований 1887–1889 гг. отмечают, что у тунгусов Иркутского округа, охотящихся по берегам Байкала, также есть усадебная земля, к которой они должны были быть привязаны, «что заставляет предполагать известную оседлость»⁴⁶⁷. Современный исследователь катангских тунгусов утверждает, что к концу XIX в. и курейцы с кондогирцами перешли к оседлому и полуоседлому образу жизни, продолжая при этом заниматься охотой⁴⁶⁸.

Итак, интенсификация скотоводства и земледелия (последнего в особенности) у эвенков Иркутской губернии тесно связана с переходом к оседлости. Оседлость «кочевых» эвенков имела сезонный характер, приспособленный под земельческий цикл работ и охотничий промысел. Переход к оседлости связан с необходимостью обработки земли и содержания скота (сенокос). Так называемые «кочевые» тунгусы

---

⁴⁶⁴ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен... Часть I. Вып. I. С. 110.

⁴⁶⁵ ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 5. Л. 162а.

⁴⁶⁶ Там же. Д. 41. Л. 16.

⁴⁶⁷ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. III. С. 21.

⁴⁶⁸ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке. С. 77.

не кочевали постоянно, а совершали циклические перекочевки, несколько раз в год возвращаясь в места проживания.

Таким образом, одним из проявлений трансформации традиционного хозяйства эвенков и тофов является повышение роли земледелия и скотоводства. Первое характерно для прибайкальских территориальных групп эвенков. Второе при детальном рассмотрении обнаруживает деление на три варианта: у тофов — использование домашнего оленя в качестве дополнительного источника продуктов питания и распространение коневодства в транспортных целях, у «кочевых» тунгусов — переход от оленеводства к выращиванию лошадей и КРС, у «бродячих» тунгусов — возрастание роли оленя как средства передвижения.

Земледелие и скотоводство, получившие широкое распространение у эвенков, тем не менее, для абсолютного их большинства оставались вспомогательными занятиями. Причина этого заключена, опять-таки, в природных условиях проживания. Как заметил Я.Н. Ходукин, говоря о нижнеилимских тунгусах, недостаток лугов и покосов, ранние заморозки, и, вместе с тем, постоянное сокращение промыслового зверя «заставляет насельников Илима довольствоваться смешанной формой хозяйства: немного пашни, скота в меру возможности, охота и, уже совсем немного, рыболовство»⁴⁶⁹. По причинам естественного, природного плана, не получило развития земледелие у тофов, а скотоводство было ограничено использованием лошадей (даже не разведением, большую часть лошадей тофы покупали у окинских бурят).

Интенсификация животноводства и земледелия у эвенков, а также связанный с этим переход к относительной оседлости, по всей вероятности, явились следствием контактов с бурятским и русским населением. Эвенки, проживающие среди бурят или русских или в непосредственной близости от них, обнаруживают более развитые животноводство и земледелие. Животноводство, как и земледелие, распространялось у иркутских эвенков на протяжении всего XIX в. Однако с конца столетия этот процесс приобрел массовый характер, в связи с активной колонизацией региона и, соответственно, усилением межэтнических контактов.

---

⁴⁶⁹ Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги. С. 13.

Животноводство и земледелие позволяли более рационально вести хозяйство и оптимально использовать имеющиеся ресурсы, гарантированно обеспечивая жизнедеятельность. Об этом косвенно могут свидетельствовать демографические показатели. Хотя общая динамика численности тунгусского населения говорит о неуклонном вымирании этого народа на протяжении всего XIX в., в том числе за счет ассимиляции, все же показатели эвенков-животноводов и земледельцев выглядят оптимистичнее показателей их сородичей-охотников. Так, в конце XIX в. в Нижнеилимском ведомстве среди «кочевых» тунгусов дети до 16 лет составляли 44,5%, тогда как среди «бродячих» — лишь 22,3%⁴⁷⁰. К 1883 г. по сравнению с 1869 г. численность «кочевых» эвенков увеличилась на 56 че. (51,9%), в то время как состав «бродячих» сократился на 68 человек (37,8%). Если предположить, что численность «бродячих» тунгусов уменьшилась, в том числе, за счет перехода части их в разряд «кочевых», все же это только подтверждает тезис о предпочтительности занятия скотоводством и земледелием.

Рука об руку с изменениями в хозяйстве эвенков шел процесс их ассимиляции соседними народами. Ассимиляции подвергались в большей степени те группы тунгусов, которые обнаруживают признаки трансформации традиционного хозяйства и перехода к оседлости, поскольку именно они и вступали в контакт с русскими и бурятами. При этом естественный прирост в этих группах мог быть положительным, но за счет смешанных браков, перехода в крестьянское сословие, изменения хозяйственного быта общая численность эвенков неуклонно уменьшалась. Так, например, при подсчете сельского населения во время исследований 1887–1889 гг. оказалось, что часть тунгусов Иркутского округа настолько сблизилась с бурятами по образу жизни, что они были записаны как буряты⁴⁷¹. Многие тунгусы селились оседло среди русского и бурятского населения, а затем причислялись к крестьянскому сословию, теряя всякие связи со своими сородичами и ассимилируясь в течении двух поколений. Вот

---

⁴⁷⁰ ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 16–19.

⁴⁷¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. С. 57.

типичный пример: в 1883 г. «оседлый инородец» Михаил Березовский с женой был исключен из Нижнеилимского ведомства «за перечислением в крестьяне Нижнеилимской волости»⁴⁷². Восприимчивость эвенков к хозяйственным новациям исподволь способствовала их аккультурации и ассимиляции. Еще к XVII в. большинство эвенков по левому берегу верхней Ангары было монголизировано и перешло к скотоводству⁴⁷³. В конце XIX столетия процесс ассимиляции эвенков, в связи с усилением межэтнических контактов, становится практически необратимым. В свою очередь, метисация эвенков также влияла на традиционную хозяйственную деятельность. Так, например, В.А. Туголуков считает, что смешение эвенков и русских привело к отказу потомков смешанных браков от использования оленя в качестве транспортного средства, так как олень не мог выдержать взростого метиса, более крупного, чем чистокровные эвенки⁴⁷⁴.

Итак, физическому поглощению тунгусов предшествовало поглощение хозяйственное. В отличие от иркутских бурят, создавших свой специфический земледельческо-скотоводческий тип хозяйства, приспособленный к природным особенностям региона и обнаруживший ресурсы для приспособления к социально-экономическим условиям российской действительности начала XX столетия, эвенки не смогли или не успели сформировать жизнеспособный для данных условий способ природопользования. В результате они заимствовали этот способ у соседей. Это выразилось в распространении скотоводства и земледелия, как дополняющих по отношению к охоте видов хозяйственной деятельности. Но поскольку охота была переориентирована на пушной товарный промысел, она еще больше укрепляла экономическую зависимость тунгусов от русских и бурят, что в итоге приводило к ассимиляции. Сначала в области материальной культуры, а затем и в физическом плане.

Тофы, как и эвенки, тесно контактировали с русскими и бурятами, их численность в рассматриваемый период также подверглась серьезным изменениям. С 1888 по 1914 гг. она

---

⁴⁷² ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

⁴⁷³ Туголуков В.А. Тунгусы... С. 45.

⁴⁷⁴ Там же. С. 21.

несколько выросла (с 431 до 447 чел.). Однако посередине этого периода, в 1897 г., было зафиксировано лишь 386 тофов⁴⁷⁵. Резкий спад, а затем столь же резкий подъем численности населения Тофаларии труднообъясним. Возможно, в данном случае имеет место какая-либо эпидемия. Метод количественного анализа вряд ли применим к тофам, численность которых очень ограничена, но, во всяком случае, по показателям 1888 и 1914 гг., население Тофаларии демонстрирует демографическую стабильность. Как представляется, причины этого, опять-таки, связаны с фактором адаптации хозяйства к природным и социально-экономическим условиям. Относительно однообразная по топографическим и климатическим характеристикам территория, неудобная для земледелия, была малопривлекательной для соседей. Хозяйство тофов, очень небольшого народа, компактно проживающего на этой территории, было идеально адаптировано к местным условиям, как и хозяйство эвенков. Его коснулось, в первую очередь, изменение природных условий (сокращение промыслового зверя). Адаптировав оленеводство к новым условиям и занимаясь товарными промыслами, тофы на некоторое время смогли сохранить традиционный образ жизни. Эвенки же не смогли, в силу дисперсности проживания, относительной доступности ареала обитания, ограниченности оленеводства, ориентации традиционного хозяйства почти исключительно на присваивание «даров природы» (потребительская охота, рыболовство, собирательство), ответить на «вызов» цивилизации. Немаловажную роль сыграло и то, что эвенкийский род, представляющий собой фактически большую семью, а часто — малую семью⁴⁷⁶, был открыт для всякого влияния, в том числе экономического, через брачные контакты, в отличие от более устойчивой тофаларской социальной организации (тофы делились на пять больших экзогамных родов, представляющих собой фактически территориальные общины⁴⁷⁷). Позднее, с 1920-х гг., когда проблема приспособления к новым социально-экономическим условиям, на этот раз связанным не с рынком, а

---

⁴⁷⁵ Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. С. 97.

⁴⁷⁶ Народы Сибири... С. 726.

⁴⁷⁷ Там же. С. 534.

с социалистической экономикой, встанет перед тофами, их хозяйство также начнет постепенно поглощаться нетрадиционным способом природопользования, что затем приведет к постепенной ассимиляции коренного населения.

Исходя из сказанного, по вопросу трансформации способов природопользования иркутских эвенков и тофов в конце XIX–начале XX вв. следует сформулировать ряд выводов:

1. Трансформация природопользования тофов и эвенков по сути своей заключается в постепенном изменении соотношения «присваивающей» и «производящей» составляющих хозяйств данных народов в пользу последней.

2. Трансформация способа природопользования тофов явилась следствием, главным образом, сокращения масштабов потребительской охоты, т.е. фактора внутреннего по отношению к системе традиционного хозяйства происхождения, поэтому ее задачи сводились к оптимизации традиционного оленеводства к новым природным условиям. В отличие от этого, трансформация хозяйства эвенков осуществлялась, в первую очередь, под воздействием внешних факторов, таких как экономическое и культурное влияние русского и бурятского населения, и должна была стать ответом на новые социально-экономические условия, возникшие под этим влиянием. Другой причиной распространения среди эвенков земледелия и скотоводства являлось имущественное расслоение.

3. В результате трансформации традиционного способа природопользования тофаларское хозяйство на некоторое время стабилизировалось, сохранив особенности быта и сыграв известную *этносохраняющую* роль. Аналогичная трансформация хозяйства эвенков вылилась в экономическую, культурную, а затем и физическую ассимиляцию эвенкийского этноса русским и бурятским народами.

4. Повышение роли транспортного оленеводства у «бродячих» эвенков, имевшее причиной активизацию пушной охоты, является свидетельством влияния специализации на товарном промысле на систему традиционного хозяйства в целом.

Проанализировав состояние тофаларского и эвенкийского хозяйств, М.В. Рагулина в своей монографии выделяет к началу XX в. три типа природопользования: оленеводчес-

ко-промысловый (связанный с транспортным оленеводством) — для эвенков и тофов, скотоводческо-промысловый и земледельческо-скотоводческо-промысловый — только для эвенков⁴⁷⁸. Принимая в общих чертах эту градацию, все же добавим, что выделение типов природопользования в данном случае произведено по *дополняющим* способам природопользования, тогда как основным способом оставалась охота, изменившая в рассматриваемый период характер с промыслового на товарный.

Переход к товарному хозяйству

Проявления трансформации традиционного хозяйства эвенков и тофов, сводящиеся к появлению признаков товарности, заключаются, прежде всего, в переходе от преимущественно потребительской охоты к товарной охоте на пушного зверя, а также в нерегулярной практике обращения к другим, нехарактерным для традиционного хозяйства промыслам.

Распространение товарной охоты, пришедшей на смену потребительской, является главным проявлением перехода малых народов Иркутской губернии к товарному хозяйству. До начала XIX в. у этих народов была распространена почти исключительно потребительская охота на копытных. Пушная охота в основном осуществлялась для уплаты ясака. С разрешением в начале XIX столетия свободной торговли пушниной ситуация коренным образом изменилась. За появлением спроса на пушнину последовало немедленное предложение. Пушным промыслом занимались и русские, и буряты, и интернациональные артели⁴⁷⁹. Но, в отличие от всех них, для тофов и эвенков промысел был, как правило, не способом обогащения, а источником средств к существованию, более надежным и рациональным, чем традиционная потребительская охота.

Причины перехода эвенков и тофов к товарному хозяйству разнообразны. Первой из них нужно считать осознание

---

⁴⁷⁸ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 116–117.

⁴⁷⁹ Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят... С. 42.

более высокой степени рациональности новой формы деятельности по сравнению с традиционной, которое пришло под влиянием соседних народов — русских и бурят. Настоящие «хозяева тайги», тунгусы и карагасы понимали, что охота на пушного зверя им, как своего рода «специалистам», может принести большую пользу, нежели более сложная и менее удачливая охота на копытных. Другими словами, активизация пушного промысла у этих народов явилась реакцией на конъюнктуру рынка, начавшего свое триумфальное шествие по сибирским просторам. Естественность такой реакции, достаточно быстрое ее течение и, в итоге, повсеместное распространение товарного промысла говорят о внутренней слабости хозяйственных структур эвенков и тофов, которые не смогли предоставить достойную альтернативу нараждающимся товарным отношениям.

Вторая причина связана с ясачной политикой правительства. Взимание ясака пушшиной стимулировало пушной промысел, а переход на денежный ясак на рубеже веков делал его едва ли не единственным источником получения денег для «бродячих» инородцев. С одной стороны, политика взимания ясака «укрепляла экономический застой, ибо вместо развития производительных сил способствовала полуфеодальной эксплуатации «инородцев»⁴⁸⁰, с другой — подталкивая этих «инородцев» к товарному промыслу, исподволь разрушала традиционные формы природопользования и вовлекала сибирские народы в общероссийскую экономическую систему. При этом, правда, место инородцев в данной системе было весьма скромным, поскольку ограничивалось предоставлением им роли добытчиков сырья. Необходимо отметить, что само по себе взимание ясака не рассматривалось правительством как элемент вовлечения инородцев в систему товарных отношений. Не являлся ясак таковым и по форме. Напротив, проекты упорядочения сбора ясака предполагали строгую регламентацию форм и способов торговли пушшиной, дабы не допустить ухода «мягкой рухляди» «на сторону» помимо казны⁴⁸¹. Тем не менее, ясачная политика

---

⁴⁸⁰ Дамешек Л.М. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака... С. 190.

⁴⁸¹ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма... С. 71–72.

властей приводила к противоположному результату. Во-первых, распространяя на сибирских инородцев практику сбора ясака и ограничивая свободную торговлю пушниной, правительство тем самым втягивало их в общероссийскую систему взаимоотношений между народом и государством⁴⁸². В этой системе государство контролировало экономическую активность, брало на себя функции общины. Тем самым правительство исподволь подтачивало сами устои традиционного хозяйства, предполагавшего зависимость хозяйственной деятельности от социальных институтов. Во-вторых, свободная торговля пушниной и высокие ставки ясака (33% от доходов⁴⁸³) делали более выгодным осуществление торговых операций со скупщиками мехов. Как следствие — ежегодная 25-и процентная недоимка сибирских аборигенов по ясаку и окончательный переход на денежный ясак в 1910 г.⁴⁸⁴

Третья причина связана с сокращением популяции животных, которые являлись объектами потребительской охоты. Как отмечает М.В. Рагулина, чтобы обеспечивать себя исключительно продукцией охоты, эвенки в конце XIX—начале XX вв. должны были бы ежегодно отстреливать 7 072 лося или 16 974 оленя, а тофы — 1 438 лосей или 2 877 изюбров. Природная среда просто не смогла бы выдержать такой нагрузки, и предельный отстрел мог составить 3 100 лосей, 420 изюбров и 1 000 оленей у эвенков, и 30 лосей, 200 изюбров и 15 оленей в местах проживания тофов. Тофы же, например, в 1888 г. добыли фактически 79 лосей, 126 изюбров, 156 оленей⁴⁸⁵. Безусловно, такие масштабы охоты рано или поздно должны были привести к сокращению численности диких копытных, и, как следствие, к нехватке продовольствия. Сама природа ограничивала потребительскую охоту и делала в принципе невозможным, при неразвитых земледелии и животноводстве, исключительно натуральный характер тофаларского и эвенкийского хозяйств.

К концу XIX в. у эвенков значение пушного промысла в процессе жизнеобеспечения выросло настолько, что можно

---

⁴⁸² Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма... С. 69.

⁴⁸³ Там же. С. 132.

⁴⁸⁴ Там же. С. 113, 132.

⁴⁸⁵ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 78.

говорить о приобретении тунгусским хозяйством товарного характера. По данным переписи 1897 г. 1481 иркутский тунгус (73,4%) главными своими занятиями имел рыболовство и охоту⁴⁸⁶. То есть, большая часть тунгусов, несмотря на явные изменения хозяйственного быта (интенсификация скотоводства и земледелия) жила по-прежнему за счет охотничьего и рыболовного промыслов. Однако изменился характер главного промысла — охоты. Ранее охота осуществлялась в основном на лося и дикого оленя, сейчас — на пушного зверя, ранее животные добывались для употребления их мяса в пищу, теперь — для обмена шкурок животных на продовольствие, а также свинец и порох для той же охоты. В документах инородческих ведомств, характеризующих состояние эвенкийского хозяйства в конце XIX в., содержится информация, прямо свидетельствующая о такой направленности тунгусской охоты. Так, например, в материалах управы Нижнеилимского инородческого ведомства встречаем следующее замечание: «Народное продовольствие инородцев здешней управы обеспечивается покупкою, т.е.: зажиточные крестьяне Нижнеилимской и Киренской волостей снабжают инородцев хлебом на годовое продовольствие и рассчитываются с ними по окончании звериных промыслов — получают за хлеб пушными звериными шкурами... Главный промысел инородцев составляет звероловство, от которого и зависит благосостояние их, посредством продажи пушнины оплачиваются подати и приобретается все необходимое для пропитания»⁴⁸⁷. Кудинские тунгусы в начале XX столетия также занимались зверовым промыслом, — из 40 лиц мужского пола 22 чел. (т.е., надо полагать, все взрослые мужчины) занимались исключительно товарной охотой⁴⁸⁸. Об очеульских тунгусах известно, что еще в конце 1860-х гг. они «шкуры от упромышленного зверя... сбывают торговым лицам на Качугской ярмарке и в ближе расположенных селениях»⁴⁸⁹. В конце 1920-х гг. во всех региональных группах иркутских

---

⁴⁸⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 115. См. также: Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири... С. 34.

⁴⁸⁷ ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 10–11.

⁴⁸⁸ НАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 359. Л. 79об., 82об.

⁴⁸⁹ ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 41. Л. 35.

эвенков в структуре балансов жизнеобеспечения мясо диких животных уже значительно уступало покупному продовольствию (в среднем 34,7% против 80% от потребностей группы в год). Более того, при сопоставлении показателей по отдельным группам выясняется, что с обеспечением продовольствием дело лучше обстоит в тех группах, в которых покупные продукты питания составляют большую часть всего продовольствия, а охота на пушного зверя более масштабна⁴⁹⁰.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в целом эвенкийское хозяйство было направлено на товарный промысел, а именно — охоту на пушного зверя. По данным Н.П. Никульшина, в начале 1930-х гг. товарность эвенкийской охоты (в процентах к валовому выходу продукции) составляла 65,1%, в то время как товарность оленеводства — 35,9%. Причем, высокая товарность охоты наблюдается во всех имущественных категориях эвенков — от беднейших до наиболее зажиточных (от 63,7% до 68,9%), а товарность оленеводства присуща лишь богатым эвенкийским хозяйствам⁴⁹¹.

Обычно, говоря о товарном характере хозяйства, имеют в виду *товарное производство*. Переход эвенков к товарному хозяйству связан, прежде всего, с трансформацией форм традиционного их занятия — охоты. Охота же имеет черты не производящего, а присваивающего хозяйства. Предметы сбыта инородческой охоты, а это практически исключительно шкуры зверей, перед тем как превратиться в товар, подвергались лишь первичной, самой примитивной обработке, и не были готовы к непосредственному употреблению, фактически представляя собой природное сырье. Таким образом, товарный характер экономической деятельности эвенков представляет собой не товарное производство как таковое, а, скорее, присвоение природных богатств с целью сбыта. Такая специфика товарности тунгусского хозяйства свидетельствует о тесной ее взаимосвязи с традиционным способом природопользования. Сам прежний способ (охота) остался господствующим, но изменилась его *форма*, — если

---

⁴⁹⁰ См.: Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 106.

⁴⁹¹ Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения... С. 17.

ранее охота была только потребительской, т.е. натуральной, то теперь она приобрела товарный характер.

Активизация пушного промысла в рассматриваемый период заметна и в хозяйствах тофов. Причем, выросло не только количество добытого зверя, но и стал более разнообразным его видовой состав. Это говорит и о росте спроса на пушнину с одной стороны, и на сокращение популяций пушных зверей — с другой (табл. 12).

Таблица 12

Добыча пушнины тофами в конце XIX—начале XX вв.⁴⁹²

Пушной зверь	1869	1888	1914
Соболь	583	570	293
Белка	5 030	3 225	13 798
Рысь	—	4	2
Росомаха	—	2	26
Колонок	—	2	39
Горноста́й	—	—	21
<i>Всего</i>	5 613	3 803	14 179

Уже тогда вызывало тревогу снижение численности пушного зверя, вызванное его фактически неконтролируемой добычей. Например, очеульские тунгусы в 1868 г. не добыли ни одного соболя⁴⁹³. В 1902 г. Иркутский генерал-губернатор издал постановление о запрете охоты на пушного зверя с 1 марта по 1 сентября в пределах генерал-губернаторства⁴⁹⁴. В своем Всеподданнейшем отчете за 1906–1907 гг. Иркутский генерал-губернатор Синельников писал: «Промышленная охота не регламентируется особыми инструкциями для каждого района, производится по обычаю предков и носит хищнический характер»⁴⁹⁵. Внуждала опасения добыча соболя и позднее, что вынудило губернские власти в 1910 г. принять правила охоты на соболя в новой редакции, которая,

⁴⁹² Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 183; Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 80.

⁴⁹³ ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 41. Л. 34.

⁴⁹⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 204.

⁴⁹⁵ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. С. 33.

в частности, запрещала соболиную охоту в период с 1 января по 1 октября каждого года, а также употребление сетей и самоловных приспособлений⁴⁹⁶. Однако применение этих весьма полезных правил фактически было невозможно проконтролировать.

С сокращением соболя связано увеличение добычи белки и других животных. В целом пушная охота у тофов имела, по-видимому, меньшее значение, нежели у эвенков. Об этом свидетельствует, во-первых, видовой состав добытого зверя. Если тофы сосредотачивались на соболиной и беличьей охоте, и лишь в начале XX в. среди их добычи появляются другие животные, то тунгусы еще в начале–середине XIX в. добывали на продажу зайца, лисицу, горноста, хорька, медведя, выдру, волка, барсука, росомуху⁴⁹⁷. Во-вторых, тофы подвергались при продаже пушнины неслыханному обману, в результате чего оказывалось, что они «кругом в долгу и безнадежной кабале»⁴⁹⁸. Так, например, тунгусы Очеульского ведомства в 1845–1846 гг. за шкурку соболя получали 11 р. 85 к., в то время как тофы — лишь 5 р. 5 к.⁴⁹⁹ Частично это можно объяснить сравнительно небольшими масштабами добычи соболя тунгусами в сравнении с тофаларской добычей (например, в 1869 г. тофы добыли 583 соболя, а тунгусы Очеульского ведомства годом раньше — ни одного), и все же искусственно сниженные цены на пушнину делали промысел не всегда выгодным. В 1888 г. тофаларских соболей скупали по средней цене 7 р., а на Якутской ярмарке они стоили в 1889 г. в среднем 30 р., т.е. в пять раз дороже⁵⁰⁰. Недостаток средств к существованию компенсировался частью оленеводством, частью — другими промыслами. В итоге, по данным 1888 г., из 82 тофаларских хозяйств занимались

---

⁴⁹⁶ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. Иркутск, 1912. С. 25.

⁴⁹⁷ ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 75; Д. 5. Л. 105; Д. 41. Л. 34.

⁴⁹⁸ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 185.

⁴⁹⁹ См.: ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 20. Л. 3; Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 186.

⁵⁰⁰ См.: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 183; Известия ВСОИРГО. Т. XX. № 5. 1889. С. 21.

охотой 68 (82,9%), а только охотой, и ничем другим — лишь 27 хозяйств (32,9%)⁵⁰¹.

То, что было сказано относительно специфики товарного промысла эвенков, в полной мере применимо и к тофаларскому хозяйству, с той лишь оговоркой, что, в отличие от тунгусов, пушной промысел для тофов был далеко не единственным проявлением товарности. «В последние 20–25 лет, — отмечает исследователь, — ...карагасы стали переходить от охоты к другим промыслам»⁵⁰². К таким промыслам относились заготовка сена и рубка леса для золотых приисков, золотодобыча, перевозка тяжестей на оленях. Золотодобычей в 1888 г. занимались 28 человек — представители 21 хозяйства (25,6%), сенокосением — 24 хозяйства (29,3%), извозом или доставкой леса — 8 хозяйств (9,8%). Сенокосение, таким образом, после пушной охоты, было самым популярным промыслом. Интересно, что некоторые карагасы не косили траву, а рвали ее руками по кочкам. Одна семья из трех человек за лето заготовила таким способом 100 пудов сена⁵⁰³. Учитывая цену на сено (85 к. за пуд), эта семья должна была заработать 85 р., что соответствует стоимости примерно стоимости 12 соболиных шкур. При средней добыче 7 соболей на хозяйство в 1888 г. это совсем неплохой заработок. Однако здесь, как и в случае со сбытом пушнины, отмечается спекулятивный характер торговли с тофами, которым за сено, золото или работу по неоправданно высоким ценам предлагались хлеб, соль, порох и свинец.

Эвенкийское хозяйство, несмотря на свой более комплексный, по сравнению с тофами, характер, специализировалось практически исключительно на пушной охоте. Эта специализация поставила эвенков в зависимое положение от скупщиков мехов. Без покупки продуктов питания, пороха, свинца, а также алкогольной продукции, специализирующиеся на пушной охоте тунгусы уже не могли обойтись.

Результаты перехода эвенков и тофов в конце XIX–начале XX вв. к товарному хозяйству неоднозначны. Во-первых,

---

⁵⁰¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 182.

⁵⁰² Там же. С. 183.

⁵⁰³ Там же. С. 182–183.

трансформировалась форма традиционного способа природопользования — охоты. Несмотря на то, что произошло изменение формы, но не содержания, вместе с этим видоизменилось целеполагание экономической деятельности. По-прежнему охота служила только целям удовлетворения насущной потребности человека в пище. Речь еще не идет о преследовании других целей, связанных с материальной выгодой. Об этом говорят хотя бы данные об огромных долгах тунгусов и карагасов перед казной и частными лицами, крайне низкий уровень их жизни, а также анализ балансов жизнеобеспечения отдельных групп этих народов⁵⁰⁴, — все свидетельствует о том, что и перед эвенками, и перед тофами стояла проблема физического выживания. Традиция не подразумевала накопление богатств. Вот как Н.М. Астырев характеризует жизнедеятельность тофов в конце XIX в.: «Убив зверя или наловив рыбы, карагаз и его семья едят до отвала в течении нескольких дней, пока хватит добычи, и только последний кусок съеден, карагаз идет вновь на промысел, а семья кормится до его возвращения оленьим молоком, если оно есть, или разваренной сараной»⁵⁰⁵. Существует мнение, что народам Сибири вообще чужд экономический индивидуализм⁵⁰⁶. И все же если раньше продукция охоты непосредственно употреблялась в пищу, то теперь она обменивалась на продовольствие у русских и бурят, что открывало широкую дорогу в патриархальный быт коренного населения иркутской тайги проникновению нового экономического уклада, основанного на обмене и обмане. Современный исследователь С.В. Березницкий так пишет о трансформации взглядов коренных народов Амура: «В результате приобщения к чуждой культуре они смогли усвоить лишь поверхностные элементы. Зато дух наживы и стяжательства, а также притупление люб-

---

⁵⁰⁴ См.: ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 9; Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 185; Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 106–107.

⁵⁰⁵ Астырев Н. На таежных прогалинах... С. 315.

⁵⁰⁶ См.: Кулемзин В.М. Традиционные культуры Сибири, народное сознание и рыночные отношения // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 104–107.

ви к природе внедрилось в их сознание и быт очень быстро»⁵⁰⁷. Думается, что эти слова можно отнести к любому народу, чей традиционный, не меняющийся веками образ жизни подвергся стремительному наступлению рыночных отношений, не предполагающих любви к ближнему своему.

Во-вторых, как отмечалось выше, именно специализация «бродячих» эвенков на пушной охоте стала причиной расширения площадей, на которых осуществлялся промысел и, соответственно, перекочевки, и возрастание роли оленя как транспортного средства. Надо полагать, что пушной промысел был не только фактором увеличения поголовья оленей, но и фактором углубления социального и имущественного неравенства. Торговля с частными лицами, «покрута», необходимость выплаты ясака — все эти явления, имевшие конечной целью *личную* выгоду, повышали значимость индивидуального труда и сводили на нет контрольную функцию рода.

В-третьих, необходимость расширения пушного промысла и активные контакты с русским и бурятским населением приводили к расширению ассортимента огнестрельного оружия. М.Г. Туров рассматривает это явление как положительное⁵⁰⁸. Вместе с тем, «введение новых технологий оказывает не меньшее воздействие на распад системы традиционных поземельных связей, чем государственная политика отчуждения промысловых территорий»⁵⁰⁹. Иначе говоря, использование достижений цивилизации позволяло человеку осознать относительность зависимости от природы, что в итоге могло привести (и приводило) к деформации комплекса экологических традиций, как одного из важнейших элементов системы традиционного хозяйства. Например, на Ербога-ченской ярмарке, где происходило выменивание у тунгусов

---

⁵⁰⁷ Березницкий С.В. Трансформация традиционной системы жизнеобеспечения коренных народов Амура под влиянием этнокультурных контактов с иноэтническими цивилизациями // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 17.

⁵⁰⁸ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны... С. 61.

⁵⁰⁹ Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна реки Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 92.

пушнины и шкур копытных животных, ежегодно фиксировалось поступление в продажу лосиных шкур, добытых в весенне-летний период, что было запрещено. Причем никто из виновных, как правило, не наказывался, поскольку торговля шкурами была выгодным делом для всех⁵¹⁰.

Неоднозначна роль товарного промысла для «бродячих» эвенков. С одной стороны, как отмечалось выше, пушной промысел требовал регулярных перекочевок по сравнительно большой территории, что приводило к повышению роли транспортного оленеводства и усилению «бродяжничества». На первый взгляд, эти обстоятельства свидетельствуют об определенной консервации традиционной хозяйственной формы — кочевой охоты. С другой стороны, торговые контакты со скупщиками пушнины, зависимость от поставщиков пороха и свинца, специализация исключительно на пушном промысле, требующая покупки продуктов питания заставляла «бродячих» тунгусов иметь постоянные места дислокации. В этом смысле товарный промысел стал одним из факторов перехода «бродячих» эвенков к «сезонно-оседлому образу жизни»⁵¹¹. На примере «бродячих» тунгусов заметно влияние изменения такого признака традиционного хозяйства, как натуральный характер хозяйственной деятельности, на систему традиционного хозяйства в целом.

Вместе с тем, наряду с интенсификацией животноводства и земледелия, переход к товарному промыслу повлиял на оптимизацию хозяйственной деятельности тофов и эвенков в новых условиях, в некоторой степени способствовал взаимопроникновению «иностранческой» и русской культур, создавал условия для распространения грамотности.

С переходом к товарному хозяйству эвенкийский и тофаларский род внешне не претерпел существенных изменений. Однако эта неизменность кажущаяся. Раньше тофаларский род, как социальный институт, контролировал экономическую активность своих членов, например, с помощью перераспределения охотничьих угодий, добычи, мест кочевий. Род не был экономической структурой в том смысле, что сами экономические отношения были подчинены социальным

---

⁵¹⁰ Сибирь. 1911. № 294. С. 3.

⁵¹¹ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны... С. 78.

интересам, хозяйственная деятельность осуществлялась как бы *внутри* общины, и не выходила за ее рамки. С переходом к товарному промыслу мало того, что возросла роль отдельной семьи или отдельного охотника, — экономическая деятельность теперь была направлена за пределы общины, и оттуда же, *извне*, посредством рыночных механизмов она регулировалась. Теперь род не был экономической структурой потому, что начал терять контроль над хозяйственной деятельностью, отделяющейся от него и тяготеющей к внешней среде. Теперь он постепенно превращается в социальный институт, не выполняющий экономических функций и *зависимый* от чуждых, отделившихся от других обществ экономических институтов. Однако контроль рода у тофаларов еще проявлялся в соблюдении внутривидовой экзогамии и разделе охотничьих угодий на ежегодном общем суглане пяти (по С.И. Вайнштейну — восьми⁵¹²) родов. Хотя отдельные семьи охотились уже самостоятельно, патронимии тофов, состоящие из малых семей, все еще объединялись в роды, и номинально, и для осуществления хозяйственной деятельности (при выпасе оленей весной и летом)⁵¹³.

Тунгусская родовая организация к концу XIX в. эволюционировала в сторону распада родовой общины на патронимии, и далее — на обычные малые семьи, в силу дисперсного проживания, масштабных перекочевков и вступления в контакты с другими народами. Этническое единство у тунгусов практически отсутствовало, — у них не было общего самоназвания, общего занятия, общего языка (выделяются 3 наречия, 15 диалектов и, по крайней мере, 50 территориальных говоров)⁵¹⁴. Иностранческие тунгусские ведомства являлись лишь административными единицами. Эвенкийский род (фактически — семья) мог контролировать экономическую активность лишь в рамках семейного хозяйства. Коллективные формы труда у эвенков наблюдаются лишь во вспомогательных занятиях (рыболовство, выпас оленей, потребитель-

---

⁵¹² Вайнштейн С.И. Родовая структура и патронимическая организация... С. 60–61.

⁵¹³ Мельникова Л.В. Тофы... С. 37.

⁵¹⁴ Ермолова Н.В. Эвенки: проблема этнических различий и локальных групп // Этнос и этнические процессы. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1993. С. 99.

ская охота), в основном же (пушной промысел) господствует индивидуальный труд⁵¹⁵. О фактическом отсутствии родовой организации у иркутских эвенков говорит хотя бы тот факт, что во время переписи 1897 г. 90% тунгусов не показали свой род. Это сделали лишь эвенки, перекочевавшие из Якутской области, а также часть эвенков Верхоленского округа (кочевье Качик) и эвенки, проживающие в Иркутском округе. Причем две последние группы показали себя членами бурятских территориальных родов⁵¹⁶. Эвенкийский род не являлся препятствием для товарных отношений, что отразилось как на сравнительно быстром приобщении тунгусов к рынку (в качестве поставщиков мехов), так и на ассимиляции прибайкальских территориальных групп эвенков уже в рассматриваемый период. В 1897 г. 31,8% эвенков считали родным языком русский язык, а 15,7% — бурятский⁵¹⁷. А Полярная перепись 1926–1927 гг. на Илимe, например, застала лишь 16 тунгусов⁵¹⁸. Отдельные отголоски родовой организации эвенков можно еще видеть в обычае «нимата» (когда охотник обязан делиться добычей)⁵¹⁹, однако в целом общественный контроль за индивидуальной хозяйственной деятельностью отсутствовал.

Наконец, упомянутые новые экономические отношения приводили к экономической зависимости эвенкийского и тофаларского населения, — посредством взимания денежного ясака — от государства, посредством «покруты» (когда охотники, получая припасы и оружие у «предпринимателя», должны были отдавать ему часть добычи, чаще — 1/3) — от частных лиц. «Покруту» справедливо называют одной из форм закабаления представителей коренного населения Сибири⁵²⁰. «Покрута» была столь обычным явлением хозяйственной жизни обитателей иркутской тайги, что русских крестьян, разбогатевших на эксплуатации труда эвенков

---

⁵¹⁵ Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения... С. 26, 30, 41, 45.

⁵¹⁶ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен... Часть I. Вып. II. С. 131.

⁵¹⁷ Будаева Ц.Б. Экологические традиции... С. 36.

⁵¹⁸ Туголуков В.А. Тунгусы... С. 19.

⁵¹⁹ Народы Сибири. С. 725.

⁵²⁰ Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР... С. 112.

и тофов, в Восточной Сибири называли «тунгусниками»⁵²¹ и «карагасниками»⁵²². Занимались ссуживанием свинца и пороха и органы местной власти. Например, руководство Нижнеилимской управы регулярно испрашивало для «иностранцев»-зверопромышленников свинец и порох, которые отпускались тунгусам в долг под расписку⁵²³. Помимо пок-руты, таежные аборигены подвергались эксплуатации и другого рода — «иностранцев» спаивали и обманывали самым беззащитным образом при скупке пушнины. Так, отмечается, что на Ербогаченскую ежегодную ярмарку заблаговременно завозилось большое количество спирта, так как спирт ценился эвенками очень высоко. Когда в 1911 г. на ярмарку прибыл пристав и запретил продажу спирта, масштабы закуп-пок пушнины сразу снизились⁵²⁴. На этой же ярмарке «ино-родцам» было сделано предложение по поводу организации в Ербогачене школы. Иностранцы тянулись к знаниям (один из них даже самостоятельно нанял учителя для обучения грамоте своих детей за 15 р. ежемесячно) и принципиально были согласны на такое дело, однако против образования школы резко выступили местные русские крестьяне, кото-рые, в большинстве своем, либо сами являлись «тунгусни-ками», либо были с ними тесно связаны⁵²⁵. Для них распро-странение образования среди эвенков было невыгодно, так как затруднило бы обман при пушном обмене. Экономичес-кая зависимость, в конце концов, выливалась в падение жиз-ненного уровня. Увеличивающиеся долги, распространение пьянства, которому иностранцы оказались очень подверже-ны⁵²⁶, усиление имущественной дифференциации, — все это звенья одной цепи, явления, порожденные наступающими рыночными отношениями, предполагающими своеобразный «естественный отбор», в ходе которого не приспособившиеся индивиды и целые народы не только теряют свое своеобра-зие, в том числе хозяйственно-бытовое, но и исчезают с лица

---

⁵²¹ Там же. С. 111.

⁵²² Народы Сибири... С. 530.

⁵²³ ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 12. Л. 26.

⁵²⁴ Сибирь. 1911. № 294. С. 3.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ См.: ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 13. Л. 12; Сибирь. 1911. № 237. С. 3.

земли. Поэтому сложная демографическая ситуация, сложившаяся в эвенкийском и тофаларском обществах, одной из причин также имеет переход к товарному хозяйству.

* * *

Движение тунгусского населения свидетельствует о медленном вымирании народа (табл. 13).

Таблица 13

**Численность эвенкийского населения Иркутской губернии
в XIX в.⁵²⁷**

Показатель	1824	1897
Всего	3 854	2017
Прирост, %	–	–47,7
Среднегодовой прирост, %	–	–0,7

Основными причинами вымирания являлись распространение болезней, алкоголизма (при непосредственном участии «тунгусников»). Немалую роль сыграло и то, что эвенкийское комплексное хозяйство было переориентировано на специализацию по пушному промыслу. Деятели ВСОИРГО авторитетно заявляли, что с сокращением пушного зверя, который являлся источником «инородческого» благосостояния, тесно связано вымирание «инородцев»⁵²⁸. С 1824 по 1897 гг. численность эвенков сократилась почти на 50%, убыль населения составила в среднем 0,7% в год. Данные по отдельным тунгусским ведомствам только подтверждают общую тенденцию. Например, в Очеульском ведомстве Верхотурского уезда с 1830 по 1845 гг., т.е. за 15 лет, население выросло на 42 чел. (с 636 до 678), что составило 6,6%, но уже в следующие 23 года численность тунгусов снизилась на 140 чел. (до 538), т.е. на 20,7%⁵²⁹. Если в первом временном промежутке фиксируется среднегодовой рост на 0,4%, то во втором — спад на 0,9% ежегодно. В 1902 г. в ведомстве проживало уже лишь 418 тунгусов⁵³⁰. За 72 года инородческое

⁵²⁷ Составлено по: Первая всеобщая перепись населения... С. XII; Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 37.

⁵²⁸ Сибирская заря. 1909. № 28. С. 2.

⁵²⁹ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 5. Л. 161; Д. 20. Л. Зоб.; Д. 17. Л. 282.

⁵³⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 218.

население ведомства сократилось на 34,3%, в среднем за год население уменьшалось на 0,5%. Население малочисленного Тутурского тунгусского ведомства Верхоленского уезда с 1880 по 1908 гг. сократилось на 22 чел. (с 78 до 56), или на 28,2%⁵³¹. Среднегодовая убыль составила более 1%. Инородческое население Нижнеилимского ведомства с 1830 по 1883 гг., т.е. за 53 года, сократилось с 374 до 276 чел., т.е. на 26,2%. Среднегодовая убыль населения — 0,5%⁵³². Столь великий отрицательный прирост тунгусского населения нельзя объяснить только естественными причинами превышения смертности над рождаемостью. В том же Очеульском ведомстве в отдельные годы, например в 1845 и 1869, взятые нами для сравнения, отмечается обратная картина — количество рождений больше количества смертей. Анализируя механизмы сокращения эвенкийского населения в рассматриваемый период, следует говорить не только об отрицательном естественном приросте, но и об ассимиляционных процессах, которым эвенки подвергались. Если распространение животноводства и земледелия в некоторой степени делали эвенкийское хозяйство более защищенным от воздействий и изменений природной среды, то товарный промысел, напротив, способствовал углублению имущественной и социальной дифференциации, снижению общего уровня жизни и активизации контактов с внешним миром, что в итоге, посредством увеличения смертности и ассимиляции, приводило к сокращению населения. К концу 1920-х гг. в Прибайкалье осталось около полутысячи тунгусов. Несколько увеличилась численность курейцев и кондогирцев (с 303 чел. в 1897 г. до 651, и с 293 до 629 соответственно), однако не за счет повышения рождаемости или снижения смертности среди местных тунгусов, а в результате миграций прибайкальских эвенков во время Гражданской войны⁵³³.

На фоне демографической ситуации, сложившейся у эвенков, ситуация с движением тофаларского населения в конце XIX—начале XX вв. выглядит более стабильной (табл. 14).

---

⁵³¹ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 218.

⁵³² Рассчитано по: ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 65; Оп. 2. Д. 13. Л. 8.

⁵³³ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке... С. 48, 51, 52.

Таблица 14

**Численность тофаларского населения Иркутской губернии
в конце XIX—начале XX вв.⁵³⁴**

Показатель	1884	1888	1914
Всего	407	431	447
Прирост, %	—	+5,9	+3,7
Среднегодовой прирост, %	—	+1,5	+0,1

Коренное население Тофаларии даже несколько увеличилось к 1914 г. по сравнению с концом XIX в. Колебания численности населения незначительны. Причины этого феномена нужно искать в относительной изоляции тофов, исключительно кочевом образе жизни, что осложняло контакты с представителями других национальностей и, соответственно, откладывало ассимиляцию на более поздний срок. Кроме того, как уже отмечалось, сравнительно развитое оленеводство и узкая специализация традиционного хозяйства тофов делало его более жизнеспособным перед надвигающимися рыночными отношениями, нежели хозяйство эвенков. Однако специфика трансформации тофаларского хозяйства лишь на время могла отложить поглощение его новыми экономическими отношениями и последующее ухудшение демографической обстановки. Уже в рассматриваемый период заметно снижение темпов роста численности населения Тофаларии, — с 1,5% в период с 1884 по 1888 гг. до 0,1% в 1888–1914 гг. В 1917 г. перепись зафиксировала 447 тофов⁵³⁵, т.е., численность их за период с 1914 по 1917 гг. практически не изменилась. Безусловно, небольшая численность тофов не дает возможности проводить эффективный математический анализ движения населения. Сравнение данных по различным годам вряд ли может претендовать на объективность, поскольку даже небольшая неточность

⁵³⁴ Составлено по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. II. Приложение I. С. 180; Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги... С. 75.

⁵³⁵ Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по городам, поселениям городского типа. Уездам и волостям Иркутской губернии: Материалы Иркутского Губернского Статистического Бюро по Демографической секции. Вып. I. Иркутск: Иркут. отд-е гос. изд-ва «Знание — сила», 1920. С. 23.

исследователей в подсчете населения при использовании математических вычислений может привести к неожиданным результатам. Например, если сравнивать данные за 1884 г. (407 чел.) и за 1917 г. (447), напрашивается вывод о росте населения Тофаларии, но если данные 1917 г. сопоставить с показателем численности тофаларского населения в 1882 г. (456 чел.⁵³⁶), ситуация выглядит не столь оптимистичной. Б.Э. Петри утверждал, что население Тофаларии стабилизировалось в пределах 400–500 чел. задолго до прихода русских⁵³⁷. И все же в последующие годы численность тофов начинает снижаться (в 1925 г. — 416 чел.⁵³⁸), а ассимиляционные процессы приведут к тому, что, несмотря на некоторый рост населения в целом, в наши дни лишь около полсотни человек могут назвать себя чистокровными тофами⁵³⁹.

* * *

Обобщая сказанное в главе, представляется возможным сделать некоторые выводы:

1. Трансформация традиционного хозяйства эвенков и тофов Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв., выразившаяся в распространении скотоводства и земледелия, а также в переходе к товарному промыслу, стала следствием сокращения объемов потребительской охоты, экономического влияния государства, русских и бурятских крестьян.

2. Земледелие и скотоводство, быстро распространяющиеся среди эвенков и тофов, не стали основными способами природопользования, — таковым оставалась охота, изменившая свою форму и превратившаяся из преимущественно потребительской в преимущественно товарную.

3. Широкое распространение товарного промысла приводило к постепенному поглощению традиционных хозяйственных форм рыночными отношениями, а впоследствии — к культурной и физической ассимиляции эвенков.

---

⁵³⁶ Миротворцев К.Н. Карагасы. С. 2.

⁵³⁷ Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. С. 20.

⁵³⁸ Там же. С. 5.

⁵³⁹ Качанов В.Н. Социально-экономическое развитие территории автохтонного этноса (Тофалария) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 31.

Традиционный хозяйственный уклад тофов, менее комплексный, но с более развитым оленеводством, подвергся меньшим изменениям, в силу чего, по крайней мере, до 1920-х гг. выполнял кроме прочих и *этносохраняющую* функцию.

4. В социальном плане трансформация означала потерю тофаларскими и эвенкийскими родами контроля над экономической деятельностью, что, в свою очередь, форсировало процесс вовлечения тофов и эвенков в общероссийскую экономическую систему.

Сравнивая трансформационные процессы, затронувшие на рубеже XIX – XX вв. бурятское, тофаларское и эвенкийское традиционные хозяйства, можно заметить существенные различия и определить сходства. У всех коренных народов Иркутской губернии традиционный основной способ природопользования остался неизменным. У иркутских бурят это земледелие, у тофов и эвенков — охота. Однако товарность, как один из основополагающих принципов рыночных отношений, проявилась в традиционных хозяйствах по-разному. У бурят она затронула, в первую очередь, скотоводство, т.е. вспомогательный род занятий, у тофов и эвенков — основной, — охоту. Интенсификация земледелия и скотоводства у бурят и эвенков явилась следствием контактов с русским населением и политики правительства. Но у бурят эти процессы стали методами приспособления к новым экономическим условиям, а у эвенков не выходили за рамки вспомогательных способов природопользования, назначение которых ограничивалось производством минимальных благ, обеспечивающих воспроизводство физических сил и населения. Наконец, в ходе трансформации бурятская община не только сохранила, но и укрепила свою контрольную функцию по отношению к основному средству производства — земле. Тофаларский и, в особенности, эвенкийский роды эту важнейшую функцию потеряли.

Как следствие мы констатируем к 1920-м гг. сохранение системы бурятского традиционного хозяйства, хотя и в измененном виде. Рыночные процессы не смогли разрушить внутрисистемные связи, реформа землеустройства в известной степени способствовала их укреплению. Специализация тофов и эвенков на пушном промысле, а также развитие у тофов других промыслов (золотодобыча, сенокосение) зна-

меновали крах натурального хозяйства, — того вида связей между элементами системы традиционного хозяйства, которые, так или иначе, касаются остальных качеств, связывающих элементы системы, т.е. отдельные хозяйственные традиции, воедино. Потеря родами контроля над индивидуальной хозяйственной деятельностью означала ликвидацию еще одного признака системы. В результате традиционное хозяйство тофов и эвенков потеряло свою этническую специфику и перестало существовать как самоорганизующаяся система. Процессы трансформации традиционного хозяйства совпадают по времени со стабилизацией численности бурятского населения и усилением проявлений ассимиляции тофов и эвенков. На основании этого мы можем сделать вывод, что специфика хозяйственной деятельности является важным признаком этноса, а революционная трансформация традиционного хозяйства, имевшая место у тофов и эвенков, приводит к нивелированию этнических характеристик общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема трансформации традиционного хозяйства коренного населения Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв., на первый взгляд, является проблемой местного характера (как в географическом, так и в историческом смысле), однако она представляет собой еще и составную часть проблем более широкого плана.

Вопросы изучения трансформации традиционных хозяйств (понимаемых, в данном случае, как хозяйственных систем, имеющих этническую специфику) находятся на стыке важнейших исторических проблем. Применительно к трансформации традиционных хозяйств коренного населения Сибири на рубеже XIX–XX вв. такими проблемами являются степень развития рыночной экономики в Российской империи, вмешательство государства в экономику в контексте исторического развития России, влияние экономических факторов на подъем национальных движений в начале XX столетия.

На современном уровне развития российского общества и науки, обозначенные вопросы еще более актуализируются в связи с переоценкой политики царского правительства по отношению к «инородцам», влияния хозяйства русского населения на хозяйство сибирских аборигенов. Эта переоценка имеет не всегда положительный оттенок, особенно в устах представителей национальной научной интеллигенции, что является следствием многих факторов, из которых главными, на наш взгляд, становятся:

- кризис хозяйства и власти, породивший национальный экономический и политический сепаратизм;
- кризис направления исторической науки, рассматривающего экономические процессы.

Последнее является отражением в исторической науке общего кризиса науки экономической, которая оказалась не в состоянии объяснить все многообразие переходов так называемых «традиционных» обществ к рынку, при которых сохранялись значительные «пережитки» «традиционности», не укладывающиеся в схему рыночных отношений. Затруднения такого плана возникают по причине стремления уче-

ных рассматривать хозяйство с «колокольни» современных рыночных отношений, с точки зрения формального подхода. Между тем, очевидно, что рыночные отношения, как и вообще отношения, связанные с товарным производством, индивидуальной собственностью и т.п., не всегда играли для общества главную роль. Формальный подход идентифицирует экономику как выбор. Однако у народов, хозяйство которых тесно связано с окружающей природой, такого выбора нет.

Исходя из универсальности системного подхода (что немаловажно при рассмотрении вопросов, стоящих на стыке наук) требуется рассматривать традиционное хозяйство как систему. И, как в любой системе, основу его составляют не компоненты, т.е. отдельные хозяйственные традиции, а связи между этими компонентами. Трансформация традиционного хозяйства — это, в первую очередь, изменение связей между хозяйственными традициями, а не внешнее развитие самих традиций.

Трансформация (или модернизация) традиционного хозяйства не должна пониматься исключительно как развитие в направлении рыночной экономики. Другими словами, если в ходе развития социально-экономических процессов этнос не был включен в рынок, это не означает, что трансформация не произошло, или она не удалась, или она не являлась «прогрессивной». В широком смысле, трансформация есть развитие, единственно возможный способ существования хозяйства в истории, процесс приспособления хозяйственной деятельности человека к окружающим условиям. Другое дело, что в рассматриваемый период это развитие происходит (в Сибирском регионе) в окружении набирающего силу капитализма. В связи с этим встает вопрос о самом дальнейшем существовании традиционного хозяйства, поскольку капиталистические отношения заключают в себе черты прямо противоположные признакам системы традиционного хозяйства, а трансформация превращается в инструмент приспособления к новым условиям. Эти новые условия имели не природный (внутренний для системы традиционного хозяйства) характер, а социально-экономический (внешний). В соответствии с этим, трансформация могла иметь различный характер — либо революционный, отличающийся быстрыми темпами и, главное, затрагивающий сами осно-

вы традиционного хозяйственного уклада, что практически с неизбежностью должно было привести к краху системы, либо эволюционный, характеризующийся постепенными молекулярными изменениями внутрисистемных связей при сохранении самой системы. В этом случае традиционное хозяйство, сохраняя часть своих признаков, входит в общенациональную экономику как подсистема, занимая свою нишу. Последнее было вполне возможным в российских условиях, так как рыночные отношения (в их теоретическом, западном варианте) в России, а тем более — в Сибири, на рубеже XIX–XX вв. не получили еще достаточного размаха⁵⁴⁰.

Трансформация хозяйства иркутских бурят происходила в условиях проведения землеустроительной реформы и под ее определяющим влиянием. Такое влияние обусловлено тем, что землеустроительная реформа затрагивала основной способ природопользования прибайкальских бурят — земледелие. Потеря бурятами в ходе реформы части земель способствовала интенсификации земледелия (переход к двуполью и трехполью, использование сельскохозяйственной техники и т.д.) и скотоводства (развитие утужной системы). Но реформа не разрушила натуральный характер бурятского земледелия, товарность стала развиваться в скотоводческой — второстепенной — составляющей бурятского хозяйства. Таким образом, сохраняя свою комплексность, бурятское хозяйство в Иркутской губернии адаптировалось в новых условиях и сохранилось как система. Немалую роль в этом, через землеустроительную реформу, сыграло государство.

Трансформация традиционного хозяйства тофов и эвенков Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. выразилась как в изменении формы господствующего способа природопользования (охоты), так и в распространении нетрадиционных занятий. Последнее при ближайшем рассмотрении обнаруживает деление на несколько вариантов. В Тофаларии изменяется функция оленеводства, из преимущественно транспортного средства олень превращается в важный источник пищи. Наряду с этим широкое распространение получает транспортное коневодство. У «кочевых» эвенков развее-

---

⁵⁴⁰ Виноградов В.А. Проблемы экономической истории // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 233.

дение крупного рогатого скота, лошадей и распространение земледелия заменяют оленеводство. У «бродячих» тунгусов повышается роль транспортного оленеводства в связи с расширением территории кочевания. Перечисленные трансформации не привели к смене способа природопользования, поскольку ни земледелие, ни скотоводство в условиях тайги не могли обеспечить существование группы. Они могут рассцениваться как попытки интенсификации хозяйства, перехода от присваивающего к производящему труду.

Основное же содержание трансформации хозяйства эвенков и тофов заключается в переходе от потребительской к товарной пушной охоте. Был затронут господствующий способ природопользования, в результате один из основных признаков системы традиционного хозяйства — натуральный характер хозяйственной деятельности — был ликвидирован. В результате перехода к специализации на пушном товарном промысле, эвенки и тофы начали терять связь с природой, экологические традиции, коллективный характер труда. Как следствие, система традиционного хозяйства распалась на отдельные элементы, которые хотя частично и сохранились (как, например, использование оленя в качестве транспортного средства), но уже не составляли единого хозяйственного организма. Обозначенный процесс быстрее происходил в эвенкийском хозяйстве.

Различные результаты трансформации, выразившиеся в адаптации хозяйства прибайкальских бурят к новым условиям и распаде систем традиционного хозяйства эвенков и тофов, были предопределены. Хозяйство бурят, основанное на земледелии, изначально было способно к приспособлению к изменениям внешних условий в большей степени, чем охотничье хозяйство таежных аборигенов, поскольку земледелие является формой производящего хозяйства и зависит от природных условий меньше, чем хозяйство присваивающее. Данное обстоятельство усиливалось тем, что бурятское хозяйство имело комплексный характер (земледелие, скотоводство, промыслы). Эта комплексность не потеряла своего значения под давлением внешних условий. Хозяйство эвенков и тофов, после перехода к товарному пушному промыслу, стало специализированным, а значит — зависимым от внешних факторов. Наконец, в процесс трансформации хозяйства бурят активно

вмешалось государство, которое, через закрепление общинного землепользования и передел земли, способствовало приобретению трансформацией характера эволюционных изменений, а главное, сохранению широких полномочий общины по контролю за индивидуальной хозяйственной деятельностью. Процесс попадания жителей тайги в зависимость от «тунгусников» и «карагасников» власти пустили на самотек.

Ход и результаты модернизации способов природопользования коренного населения Иркутской губернии обусловили складывание неоднозначной демографической ситуации в регионе. Ведь изначально род, как часть этноса, являлся именно производственной единицей⁵⁴¹. Численность бурятского населения Иркутской губернии в начале XX в. стабилизируется. Относительную стабильность демонстрирует и немногочисленное население Тофаларии, хотя здесь уже заметно снижение темпов роста. Эвенкийское население Иркутской губернии, напротив, быстрыми темпами уменьшается как за счет естественной убыли, так и в результате ассимиляции русскими и бурятами. Все это свидетельствует о существовании некоторой этносохраняющей функции традиционного хозяйства, по крайней мере, для малых народов.

В целом трансформация традиционного хозяйства коренного населения Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв., выразившаяся в некоторых изменениях, коснувшихся способов природопользования, может рассматриваться двояким образом. Для эвенков и тофов она означала автономизацию экономических отношений, их отрыв от социальных институтов. Причем этот отрыв, совершенный под давлением внешних факторов, по сути, — насильственно, поставил на грань исчезновения сами этносы. В этом смысле трансформация эвенкийского и тофаларского хозяйств напоминает «великую трансформацию» Карла Поланьи в местном масштабе. Трансформация бурятского хозяйства не привела к отделению экономического от социального, во многом благодаря активному вмешательству государства, что позволило этому хозяйству сохраниться и интегрироваться в общероссийскую экономику, еще не являющуюся на начало XX в. рыночной.

---

⁵⁴¹ Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. С. 77.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Трансформация традиционного хозяйства коренного населения Прибайкалья на рубеже XIX–XX вв.: идентификация объекта и предмета исследования</i>	13
Историография проблемы	13
Традиционное хозяйство коренного населения: определение объекта	40
Трансформация традиционного хозяйства: определение предмета	56
<i>Реформа землеустройства бурятского населения Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. в контексте трансформации традиционного хозяйства</i>	67
Предпосылки реформы землеустройства бурят Прибайкалья	67
Содержание реформы землеустройства	99
Итоги землеустроительной реформы	131
<i>Проблемы трансформации традиционного хозяйства эвенков и тофов Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв.</i>	164
Трансформация способов природопользования	164
Переход к товарному хозяйству	185
<i>Заключение</i>	205

Научное издание

Курышов Андрей Михайлович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ**

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 16.06.11. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 13,3. Тираж 250 экз. Заказ 4620.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.